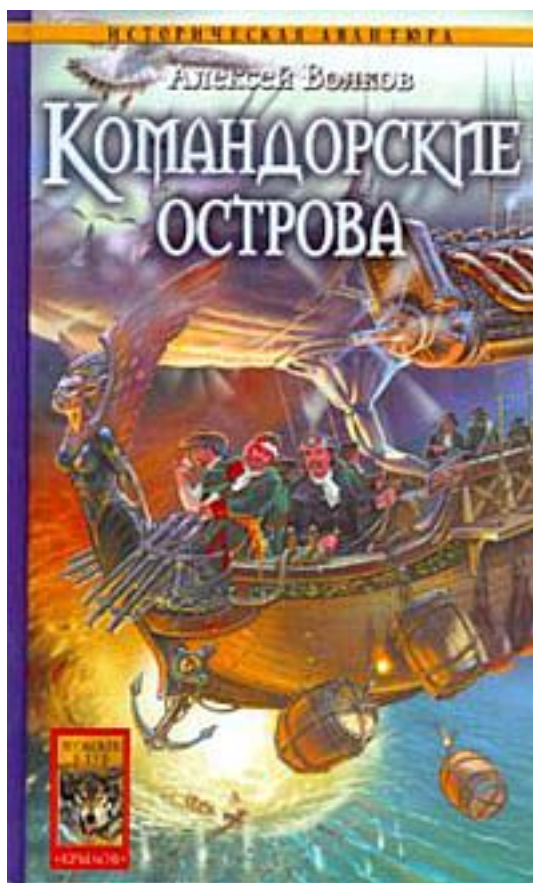

Алексей Алексеевич Волков
Командорские острова
Серия «Командор», книга 6

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
А.Волков Командорские острова: Крылов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9717-0684-7

Аннотация

Вмешательство путешественников во времени изменило историю России. Северная война началась со взятия Риги. Но войну мало начать, ее надо еще выиграть. Впереди – столкновение со шведской армией. И не только. Командор с товарищами, ставшие ближайшими сподвижниками царя Петра, прилагают все силы, чтобы сделать Россию могущественной и развитой технической державой.

Как другие державы отнесутся к выходу новой Империи на мировую арену? Где будет столица? И когда на картах появятся Командорские острова?

Содержание

Часть первая	3
1. Кабанов. Рижские посиделки	3
2. Король и баронет	8
3. Царь и король	12
4. Командор. Балы и последствия	17
5. Флейшман. Первые стычки	22
6. По ту сторону	27
7. Командор. Последние приготовления	31
8. Накануне	39
9. Динамюнде – крепость у устья	43
10. Полтава под Ригой	48
Часть вторая	56
11. Прибалтийская осень	56
12. Командор. То было раннею зимой	62
13. Свадебный подарок	68
14. Твердыня	73
15. Командор. Нарвский орешек	78
16. Последние дни	84
17. Новый посол	92
18. Флейшман. Размышления и подарки	98
Часть третья	104
19. Известие	104
20. У рижских стен	110
21. Сикурс	115
22. Командор. Партизан – это звучит	121
23. Затянувшаяся осада	127
24. Налет на налетчиков	133
25. Командор. Курляндский вопрос	139
26. Дела военные	145
Часть четвертая	151
27. Флейшман. Историческое событие	151
28. Под Андреевским стягом	157
29. Командор. Рижские разборки	162
30. Тревожное лето	168
31. Командор. Радости и печали	173
32. Неудачная охота	178
33. Командор. Барклаевскими тропами	185
34. Командорские острова	191

Алексей Волков

Командорские острова

Часть первая

Возвращение утраченного

1. Кабанов. Рижские посиделки

В соседней комнате Гранье ожесточенно спорил с Брюсом. Два наших артиллериста, один – талантливейший практик и бывший флибустьерский канонир, второй – теоретик, знаток многих наук, а заодно и маг-чернокнижник. Впрочем, как чернокнижник Брюс получит известность позднее. Зато известность эта переживет всех нас. Насколько я помню будущее.

Впрочем, настоящее, в годы моей юности бывшее далеким прошлым, изменено, и о грядущих событиях мы знаем не больше, чем любой нынешний обыватель. Этакая вот временная путаница во фразах и падежах. Когда-то она казалась нам дикой, но теперь привыкли и сейчас с легкостью меняем знаки времен с будущее на прошлое и обратно.

Нам удалось самое главное – изменить ход событий, и теперь остается следовать его новому руслу. А к добру или худу – кто знает? Хочется верить, что к добру.

Спор идет об артиллерии. По-моему. Оба собеседника все время сбиваются с языка на язык, и понять что-либо конкретное трудно. Может, потому и спорят, что сами не ведают, какую позицию отстаивает оппонент?

Зато какой азарт! Прямо горячие финские парни!

Один – француз, другой – шотландец. Одним словом, настоящие русские, поскольку русские не нация, а судьба. Точнее, менталитет и все, что из него вытекает. К примеру, судьба. Вернулся же я с товарищами в Россию, хотя мог остаться в той же Вест-Индии, во Франции, а то и в Англии. Ранее мы долго враждовали с островной страной, однако теперь она готова нас принять вместе со всеми нашими изобретениями.

Но – не тянет. Чужое там все. Даже наши бывшие соратники освоились здесь, считают страну своей, лишь ворчат порою на затяжные холодные зимы.

Сейчас лето. Правда, прибалтийское, прохладное, наполненное ветрами. Зато лить перестало и вполне можно жить.

Да и при чем тут климат, когда это уже наши земли?

За Ригу еще предстоит борьба, Карл обязательно попытается вернуть город, но обратно он его не получит. Дырку ему от бублика, а не Ригу.

Голоса спорщиков между тем становятся громче, и приходится направиться в их комнату.

Гранье с Брюсом сидят за столом. Между ними – наполовину опорожненная бутылка вина. Еще одну, уже пустую, замечаю у стенки. Дымятся неизбежные трубки, хотя оба спорщика о них почти забыли. Да и до затяжек ли, когда спор кипит вовсю?

– О чем речь, господа? – с показной вежливостью осведомляюсь я, а сам думаю: заметят ли вообще мое появление?

– Представляете, Командор, Яков утверждает, будто из пушек можно стрелять, не видя цели! – Жан-Жак заметил меня и повернул в мою сторону покрасневшее лицо.

Собственно, о такой возможности первым упомянул я. Зашел как-то разговор о дальнейших перспективах военного дела. Поэтому повторяю специально для Гранье:

– Со временем обязательно так и будет. Нужен другой порох, позволяющий стрелять дальше. Нужны соответствующие орудия. Снаряды не круглые, а продолговатые. И, конечно, тщательные расчеты. Создать специальные таблицы, где-нибудь на высоте посадить наблюдателя, который будет вносить поправки, и все. А вот когда это случится... – пожимаю плечами.

Пока стрельба с закрытых позиций лишена смысла. На нынешних дистанциях противника увидит даже слепой.

– Значит, все-таки можно... – протягивает Гранье.

Мне он доверяет безоговорочно. Даже когда речь идет о самых фантастических вещах. С точки зрения нынешнего века, конечно. Ибо многое из того, с чем нынче согласны многие, кажется фантастическим мне. Чернокнижие того же Брюса, к примеру. Пока Яков лишь изредка балуется подобным, но лиха беда начало.

Вообще интересный вопрос: имеем ли мы право форсировать военные разработки? Я готов сделать все, чтобы Северная война получилась возможно более скоротечной. И уж подавно – малокровной с нашей стороны. Сторонники гуманизма могут вешать на меня любых собак. Жалеть вооруженного противника глупо. Другое дело – пленных и обывателей. Но как раз с этой точки зрения нынешние войны значительно лучше грядущих. Мирных жителей в Европе трогать не принято. Хотя бы в расчете на то, что они могут стать собственными подданными. Жертвы среди них возможны только при осадах и штурмах.

Речь о другом. Любая техническая новинка рано или поздно появится в других странах. При всякой секретности подобное неизбежно. Благо все это не выходит за рамки нынешней промышленности. Или почти не выходит. А войн впереди при любом раскладе предстоит много. Гораздо проще подстегнуть технический прогресс, чем хоть в чем-то улучшить людей. Мои, прежние, времена тому наглядный показатель. Да еще какой!

Сейчас у подавляющего большинства людей есть труд и хотя бы некие заповеди. Спустя триста с лишним лет останется лишь тяга к наслаждениям да стремление красиво жить. Так что регресс с развитием прогресса налицо.

К сожалению, другого пути у нас нет. Надо срочно выводить Россию к морям, и уж тут поневоле займешься не только безобидными паровыми машинами, но и револьверными ружьями, минами и многим другим.

Мои размышления прерываются протянутым кубком.

Ох уж эта нынешняя манера пить ежедневно! Причем отнюдь не в одной России. Здесь хотя бы крестьянство свободно от порока. В Европе пьют все.

Наш врач Петрович объяснял, что все это – своего рода защита от микробов. Воду кипятить не принято, медицина на нуле, вот люди опытным путем и пришли к некоему подобию профилактики. Пусть не слишком действенной, но лучше что-то, чем вообще ничего.

– Новостей никаких? – спрашиваю, отхлебнув вина и принимаясь набивать трубку.

Дело происходит в рижском замке. Сам город переполнен войсками, да и лучше нам находиться в одном месте, чем расселяться по разным домам. У меня в замке, к примеру, целые апартаменты из четырех комнат. Хотя сейчас и нахожусь совсем в другом, деловом крыле.

– Пока нет, – отвечает мне Брюс.

– Государь где?

– Поехал в Динамюнде. Выбирает место для верфи.

Петр буквально одержим морем. Раз уж мы решили обосноваться здесь, то первое, о чем он думает, это флот. Будь его воля, он бы уже вышел в море во главе нашей небольшой флотилии. Пришлось старательно отговаривать монарха, что пока не время и надо первым делом достойно встретить Карла, а уж потом отправляться в морской вояж.

Со стороны может показаться, что мы тут бездельничаем. На деле же времени у каждого слишком мало. Часть войск закрепляет территорию. Пока – ближайшую к городу и ту, которая ведет к России. Захватывать остальное пока нет смысла. Прежде надо разделиться со шведской армией и уже затем занимать весь край.

Командирам посланных партий было строжайше внушено: местным разор не чинить, бесчинства – тем паче. За все взятое расплачиваться. Требовалось обеспечить симпатии населения. Не столько крестьян, которым было все равно, в каком государстве они живут, сколько помещиков.

Приходилось заниматься местным управлением. Мы пришли сюда на века, значит, требовалось вести себя соответственно.

И, конечно, много занимала подготовка армии. Чем больше гоняешь солдат в мирное время, тем больше шансов, что они останутся живы в военное.

А еще – постоянная разведка. Как кавалерией, так и при помощи дирижабля. Шведы могли подойти едва ли не отовсюду. Будь я на месте Карла, я бы первым делом ударил по нашим коммуникациям, а то и вообще совершил бы рейд в глубь России. Но Карл в моей истории, сколько помнится, был чуть ли не гениальным тактиком и никудышным стратегом. Он просто был обязан сразу обрушиться на нас с теми войсками, которые окажутся под рукой. В другой ветке истории, под Нарвой, это принесет шведам победу. Тут – еще посмотрим.

Можно было бы попробовать отсидеться за рижскими бастионами. Штурм – не полевое сражение. Тут нужна осадная артиллерия, а то и инженерные работы. Только нам тоже, как и Карлу, требовалась убедительная победа. И потому столкновение выходило неизбежным.

Мы были вынуждены действовать способом, который затем частенько будет называться «по обращению неприятеля». За нами было начало партии, и теперь следовало ждать ответного хода. Берега Балтики удобны для десантирования. Тут даже не требуется заходить в какой-нибудь порт. Попробуй угадай, какое место выберет Карл для начала похода!

Приходилось держать большую часть сил в кулаке. Пленные шведы были почти сразу отправлены под небольшим конвоем в глубь России. Благо их теперь можно не опасаться. Времена таковы: раз попал в плен, то и сиди в нем. О каких-либо бунтах никто не слышал. Даже попытки побега чрезвычайно редки. А для их предотвращения достаточно взять слово. Нарушить его никому в голову не придет. Это не грядущие времена. Интриг хватает, однако понятие чести все еще свято. И будет оставаться таковым вплоть до появления демократии.

Именно над картой я и сидел, в сотый раз перебирая варианты возможных действий и места грядущих боев. Да только споры отвлекли.

Если подумать, оно мне надо? Я же не главнокомандующий. Чином пока не вышел. Им числится номинально Головин. Мужик толковый, и дипломат, и организатор, и еще много чего. Но полководец из него посредственный. В чем он мне как-то признался совершенно откровенно.

Ладно. Бой покажет. Какая разница, кому достанется слава? Главное, чтобы она досталась вообще.

– О чем задумались, Командор? – доносится голос Гранье.

Я слишком засиделся с пустым стаканом.

– Думаю, надо навестить Петра. Посмотрим, что он выбрал. Заодно проведем Динамюнде.

Предложение принимается с энтузиазмом. Самое паршивое – сидеть и ждать. Лучше уж в сотый раз проводить рекогносцировки, объезжать бастионы, проверять готовность войск, намечать места будущихстроек. Все, что угодно, лишь бы двигаться, создавая ощущение реального дела.

Мельком возникает мысль – не взять ли Мэри? Увы! Петр не терпит присутствия женщин, когда занят делами. Да и посматривал он уже в сторону моей половины. Не стоит вводить царя в искушение.

Будь моя воля, я бы отправил дочку лорда подальше. Не в том смысле, что мне с ней плохо. Напротив. Однако мы не в бирюльки играть собрались. Мне ли не знать, как переменчива порою бывает фортуна? Даже если ей не помогают в том специально. А я больше не хочу терять родных людей. Хватит. Слишком это больно.

Но как объяснить это Мэри, когда она и слушать не хочет о разлуке? И можно ли вообще объяснить что-либо женщине, даже весьма умной и достаточно самостоятельной? И стоит ли объяснять, когда мы счастливы?

В путь пускаемся втроем. Брюс хотел взять карету, однако мы с Жан-Жаком дружно обрушились на него, и в итоге пришлось Якову оседлать смиренного конягу. Не жаловал будущий чернокнижник верховую езду. Что тут поделаешь?

Дорога быстро избавила меня от излишних сумбурных дум. Не хватало еще мне подхватить какие-нибудь комплексы!

Верховая езда благотворно действует на настроение. Особенно когда стоит хорошая погода. Широкая река, зелень, солнце, близость устья – короче, лепота в полном виде.

Мы шли легкой рысью по правому берегу Западной Двины, которую я по старой привычке называл для себя Даугавой. На левом фактически ничего не было. Кроме Коблешанца, небольшого форта, прикрывающего Ригу со стороны весьма близкой Курляндии.

Кстати, с Курляндией тоже надо что-то решать. На очень уж опасном расстоянии от нашего нового порта лежит чужое государство. Теоретически ждать от него гадостей не приходится, но мало ли кто может попытаться воспользоваться им в качестве плацдарма? Один хороший рывок – и Ригу можно взять с налета.

Впрочем, только зимой по льду. Летом надо еще успеть заготовить и перевезти лодки. Вплавь через Даугаву – несерьезно.

Но – проблема, которую нам тоже предстоит решить, раз мы вынуждены обосноваться на этих берегах.

Делюсь со спутниками своими соображениями.

– Если поставить побольше укреплений с пушками... – начинает Гранье, но сам же перебивает себя: – Брали мы эти укрепления. Тут главное – быстрота.

– Надо прежде разобраться со шведами, – напоминает Брюс.

– Разберемся, – отмахиваюсь я. – Просто думать надо заранее.

– О, да, – важно соглашается с подобным аргументом Брюс. – Думать надо всегда и обо всем.

После чего пускается в довольно пространные рассуждения о сути природных вещей.

Пофилософствовать порою я тоже не прочь. Но Яков излагает свои мысли настолько тяжелыми периодами, что понять его решительно невозможно.

– Где же государь? – перебивает Якова Гранье.

Бравому канониру первому надоедает напрягать мозги над чем-то абстрактным, не имеющим отношения к текущим проблемам.

Петра действительно нигде не видно. Хотя если закладывать верфи, то где-то здесь, между городом и крепостью, запирающей устье Даугавы.

Разминуться мы не могли. Петр не настолько сентиментален, чтобы пуститься в объезд и любоваться красотами природы. Зато вполне может отправиться напрямик к берегам Рижского залива и часами взирать на водную гладь. Или лазить по кораблям нашей небольшой флотилии, часть которой тоже стоит здесь.

Действительность оказывается чуть более прозаической, хотя и вполне предсказуемой. Петр просто решил попутно заглянуть в Динамюнде, да и задержался за посиделками с нынешним комендантом.

Комендантом был мой старый соплаватель Сорокин. Атака Риги с моря была весьма вероятной, и потому здесь требовался человек надежный, умеющий пользоваться приготовленными для шведского флота сюрпризами. Сюрпризов было много.

Здесь же находились еще два моих соплателя и современника – Аркаша Калинин и Женья Кротких, причем последний с гитарой.

Петр музыку не понимал и не любил. Репертуар Жени являлся исключением. Наверно, потому, что пел Женья песни прославленных бардов, где главное – это текст. Музыка же играет лишь роль интонации, усиливающей его значение.

Наше появление было встречено не только восторженными приглашениями и приветствиями, но и песней про пиратскую бабушку, причем Жене подпевали все. Вплоть до Меншикова и Петра.

Без нужды не посещай
Злачные притоны.
Зря сирот не обижай,
Береги патроны...

Недостаток музыкальности восполнялся чувством. Каждое слово подчеркивалось голосами, мимикой, жестами, словно все участники нынешнего сборища самолично наблюдали когда-то эту забавную картину.

По-моему, Петр порою завидовал мне и моим соплателям. С его любовью к морю только и воображать себя на палубе пиратского брига. Благо в мечтах все видится совсем иначе. Романтичнее и светлее. И не только в мечтах. Еще – в воспоминаниях.

Романтика нам еще предстоит! Только где же Карлуша? При его горячности пора бы объявиться.

Песня закончилась, и Женья запел другую, из Лукина:

На Мадрид держит курс галеон.
На борту – золотой миллион.
На борту, на борту,
А в Антильском порту
Казначей подводят черту...

Но где же Карл?

2. Король и баронет

Карл на самом деле хотел обрушиться на венценосного собрата немедленно. Как только узнал, что тот вероломно захватил город. Самый большой в шведской Прибалтике.

Русскую армию шведы давно в расчет не принимали. Считали толпой варваров, многочисленных, но не особенно опасных. Да и чем могут быть опасны дикие отсталые азиаты?

Правда, в последнее время доходили сведения о каких-то изменениях в России, о технических новинках, о растущем на юге флоте, о новой армии. Но хотя это и подкреплялось успехами в Турецкой войне, Карл упорно продолжал не верить. Когда привык относиться к соседям как к явным дикарям, то даже слух становится избирательным. Все, что служит подтверждением собственных мыслей, слышишь отчетливо. Противоположное – пропускаешь между ушей.

Раз я в это верю, то так оно и есть.

Война с Россией отнюдь не исключалась. Многие в Швеции хотели ее предотвратить. Не из-за боязни – казна находилась в довольно плачевном состоянии. От самой же России ничего не требовалось. Новые территории, да еще в глубине континента, сейчас были просто не нужны. А больше взять с России было вроде и нечего. Так зачем же воевать и тратить деньги? Ради самой войны?

В противовес большинству, король был готов ответить на этот вопрос утвердительно. Ему хотелось лавров Александра Македонского, и лишь врага он предпочел бы более известного. Чем грознее враг, тем больше слава. Других целей войны, кроме славы, Карл просто не признавал.

Известие о захвате Риги привело шведского короля в недоумение и бешенство. Вначале он не поверил, однако сведения упорно продолжали поступать в столицу, причем сведения какие-то зыбкие, неопределенные. Вроде бы Рига взята, и вроде без боя. Но как?!

Дальберг считался опытным генералом, не первый год управлял краем, войск в его распоряжении находилось более чем достаточно, чтобы отразить любое нападение. Да и время... Армию с осадной артиллерией заметишь издали.

Хотя, может, дело было решено наскоком? Но и тогда – сколько надо пройти от границы?

Ясно было, что московиты, не имея ни смелости, ни сил, продемонстрировали врожденное коварство. С немалым успехом. И лишь позднее пришли известия об объявлении войны. Хотя последнее вполне закономерно. Любые бумаги идут достаточно медленно. Порою за это время в месте отправления ситуация успевает измениться на противоположную. Потому опоздание считалось чем-то естественным.

В горячке Карл наскоро собрал всех солдат, оказавшихся под рукой, и с этой небольшой армией хотел немедленно мчаться через море – отбивать свое, кровное. На чем? Какая разница? Как полки были взяты из тех, что находились рядом, так и корабли и суда те, что стояли в ближайших гаванях. Тут главное – стремительность удара. Ни одна армия мира не устоит перед шведской. В том Карл был уверен твердо. Московиты коварны – а мы обрушимся на них, и пусть все решит сила вместе с воинской доблестью!

Войска уже готовились грузиться, когда приплывший на каком-то купце англичанин потребовал срочной аудиенции у короля. Карл вначале отказал, не до бесед сейчас было, однако услышал фамилию и принял.

Все-таки британцы союзники, и не стоит портить с ними отношения, отказывая в приеме отпрыску одной из знатнейших фамилий и родственнику таких людей!..

Ладно. Полчаса времени еще можно потратить. Но погрузку все равно начать немедленно. Война не умеет ждать.

Красиво сказано, черт возьми! В духе любимых с детства героев Плутарха. Надо будет проследить, чтобы записали. В истории остаются не только дела, но и крылатые фразы, произнесенные в критический момент.

Король принимал британца по-простому, в первой попавшейся комнате, даже не садясь. Подчеркивая тем самым, что очень спешит по важнейшим государственным делам.

Когда король стоит, остальные поневоле следуют его примеру. Даже если этот король – повелитель другой страны.

– Ваше величество, я к вам с прискорбной вестью, – после обычных приветствий объявил Пит.

– Что еще стряслось?

Карл был человеком без страха, однако сразу подумал: а вдруг на Швецию напал кто-нибудь посерьезнее московитов и недавно разгромленных датчан? Кто-то из дипломатов говорил, будто в последнее время у Петра улучшились отношения с Францией. Так, может, Людовик успел заключить союз и прислал какой-нибудь корпус? Не самый худший ход, дабы нанести урон одному из членов Лиги.

– Город Рига захвачен.

– Я знаю. – Карл вздохнул с облегчением. – И как раз сейчас собираюсь выступить против московитов. Кстати, вы не знаете, как все это произошло?

– К сожалению, нет. Но могу предполагать – город был захвачен молниеносно, врасплох. Даже знаю, кто это все проделал. Дело в том, что некоторое время я служил царю Петру.

Это было интересно. Врага надо знать. По крайней мере, его основные приемы. Поэтому Карл присел и жестом предложил гостю сделать то же самое.

– Какого вы мнения об армии московитов?

– Еще не так давно – откровенно плохого. Однако сейчас вынужден признать: она стала сильнее. Я моряк, мне трудно судить об армии, но, насколько я в этом разбираюсь, большинство полков – просто набранное под ружье мужичье. Однако есть несколько частей, которые не стыдно было бы иметь даже европейским странам. Особенно так называемый Егерский полк. Он специально тренирован для внезапных нападений, захватов крепостей и тому подобных действий. Не знаю, насколько полк хорош в правильных сражениях, однако со своими задачами справляется великолепно. Пример тому – захват крепости Ени-Кале в Крыму. Думаю, и в этом случае было применено нечто подобное.

Карл слушал внимательно. Главный вывод он сделал сразу. Несколько полков – ерунда. Егерский... Может, он и неплох для внезапных налетов, однако в предстоящем бою будет неизбежно втоптан в землю сомкнутыми шеренгами превосходной шведской конницы или рассеян доблестной шведской пехотой. Одно дело – коварное нападение, другое – война по всем правилам.

– Царь Петр приблизил к себе одного знаменитого авантюриста. Раньше в Вест-Индии тот был известным флибустьером, позже – капером у Людовика. Теперь перебрался в Москву. В Европе он был известен как де Санглиер. Сейчас взял себе фамилию Кабанов. Царь Петр щедро наделил его землями, произвел в контр-адмиралы и генерал-майоры. К своему бывшему предводителю явились многие из распавшегося Берегового братства. Да и ближайшие сподвижники – люди разносторонне талантливые, деловые. По многим данным, в их распоряжении оказались забытые бумаги с какими-то изобретениями прошлых веков. Во всяком случае, я сам видел изготовленные машины, работающие посредством пара, шары, летающие по воздуху, штуцера, стреляющие намного точнее известных мне ружей. И многое другое.

Король встал, вынуждая подняться гостя, сделал пару шагов к небольшому окну и задумчиво спросил:

– Что значат новинки по сравнению с доблестью? Или коварство? Даже самое изощренное?

– Поверьте, Ваше Величество, много, – твердо ответил Пит.

– Можете отправиться со мной, если хотите. – Король улыбнулся. Улыбка вышла само-довольной. – Я вам докажу, что вы ошибаетесь.

– Есть вещи, перед которыми пасует доблесть.

– Например?

– Например, хорошая крепость. Взять ее одной доблестью без помощи артиллерии невозможно. Зачем москвитам выводить полки в поле, когда они вполне могут укрыться за бастионами?

Это был тот аргумент, который уже приводили молодому королю его более зрелые генералы. Тогда он не слышал, а теперь та же фраза неожиданно прозвучала в сознании.

Нет, Карл отнюдь не был глуп. Просто гнев затмил разум. Сейчас же он впервые задумался над предстоящим походом. Он был уверен в полевой победе над любым противником, однако штурмовать хорошую крепость (а Рига была заново укреплена по последнему слову фортификационной науки) без должной подготовки действительно не годилось. Тем более в самом начале своей воинской карьеры. Оступись – и вся Европа будет смеяться над незадачливым полководцем.

Не было у Карла права ошибиться в первом серьезном деле! Не было! Только победа, да такая, чтобы сразу было понятно – в мире появился новый полководец. Такой, какие были разве что в глубокой древности.

– Сидя в крепости, войну не выиграешь, – нашел аргумент король. – Царь Петр вынужден будет сразиться по правилам.

– Не думаю. Часть войск засядет под прикрытием бастионов. И пока вы будете сидеть по другую сторону, тот самый Санглиер-Кабанов, о котором я вам докладывал, со своими легкими войсками, отнюдь не приспособленными для правильного боя, начнет вас тревожить то в одном, то в другом месте. Уничтожать мелкие партии, совершать ночные нападения, то есть делать то, на что он действительно великий мастер. Поверьте, Ваше Величество, я знаю этого человека. Его можно и нужно ненавидеть. Нельзя только одного – недооценивать. Надо лучше подготовиться к схватке. Взять с собой побольше войск...

О численности предполагающейся армии возмездия британец знал. Да и как не знать, если об этом судачили повсюду!

– Чем дольше я буду собираться, тем больше войск сумеют подтянуть москвиты, – резонно заметил Карл.

– Я уже говорил: серьезную силу представляют лишь несколько полков. А они уже наверняка в Риге. Все прочее – сброд. Кроме того, у москвитов на Балтике нет флота. Подтянуть несколько крупных кораблей и спокойно обстрелять, а еще лучше – расстрелять Ригу с реки.

– Соберешь моряков, как же! – В отличие от венценосного собрата и противника шведский король любви к морю не испытывал. – Они будут говорить, что корабли требуют подготовки, ремонта, еще не знаю чего. Это солдаты получили приказ – и немедленно выступили.

– Как адмирал флота Его Величества Английского короля, я думаю взять под свое командование те из британских кораблей, которые окажутся поблизости, – выпятил квадратную челюсть Пит.

Им, как и его собеседником, руководил гнев. Правда, не к Петру, а к его сподвижнику. И это несмотря на то, что британец не знал многого, касающегося лично его.

Если бы не гнев, Пит наверняка сам бы был поосторожнее. Призывать других к благо-разумию гораздо легче, чем самому слушаться собственных советов.

Карл отвел на аудиенцию полчаса, однако еще целый час британец убеждал его собрать побольше сил и нанести такой удар, после которого москвиты уже не оправятся. Он не учел одного – часть своих секретов Командор предпочитал держать в тайне. А надо бы учитывать, зная характер своего врага.

Да еще ошибся в звании. После взятия Риги Петр произвел Кабанова в генерал-поручики и пожаловал ему единственный российский орден – Андрея Первозванного. Орден, которого сам еще не имел. Посему знаки были возложены Головиным, первым кавалером новой для России награды.

Хотя звания и ордена – это мелочь. В отличие от подготовленных сюрпризов.

– Хорошо, – наконец согласился король. – Я так и сделаю. Но долго ждать не буду. Лишь соберу осадную артиллерию да подтяну кое-какие полки.

О чем действительно жалел сейчас Пит: почему британских кораблей нет в любой точке земного шара? Потребовалось проучить очередных туземцев – взял небольшую флотилию и прошелся вдоль берегов. А так – думай, где могут оказаться грозные парусники под родимым флагом. Голландцы не столь далеко, но захотят ли нынешние союзники в открытую выступить против царя Петра? Они помогли Карлу разобраться с Данией, а с Москвией? Все же тут есть еще и чисто торговые интересы. Да и отдавать свой флот под командование чужого адмирала – это вещь вообще неслыханная.

Пит подумал и пришел к выводу: скорее всего, Голландия займет пока выжидательную позицию. Москвитов всерьез никто не принимает, потому и решат: пусть шведы разбираются сами.

Значит, надо искать своих. Эти не выдадут, вернут дикарей в привычные им берлоги. Пусть стоящий рядом молоденький король добывает их там. Если захочет. Только вряд ли на этом деле можно раздобыть серьезную славу.

Карл думал об ином. Одно дело – высадиться поближе и обрушиться с ходу на врага и другое – не обрушиваться, а готовиться к возможной осаде. Тяжелую артиллерию в любой точке берега не выгрузишь. Значит, надо как следует продумать весь план. Ударить с одной стороны или взять противника в клещи, положиться при штурме города на корабли или отвести им вспомогательную роль – словом, коль сил становится больше, то у главнокомандующего соответственно возрастает хлопот. И обязательно надо поставить британца на место.

В молниеносной войне с Данией союзный флот очень помог. Перебросил шведскую армию, затем держал под прицелом Копенгаген. Однако, по общему мнению, честь победы принадлежала всецело шведскому королю. Так должно быть и здесь. Помощь от союзников не зазорно принять. Только так, чтобы слава досталась одному человеку. Достойному продолжателю дел античных героев, воспетых любимым Плутархом. Прирожденному полководцу Карлу Двенадцатому.

Король наскоро прикинул, какие полки и где расположены, примерный срок их прибытия в порты, время, потребное для погрузки осадной артиллерии, возможные задержки. Кто не успеет – их проблемы. Настоящие воины не ведают препятствий на пути к славной битве. Труссы же просто не нужны.

Хотя в шведской армии нет трусов.

– Я могу вам дать две недели. Хотите присоединиться – присоединяйтесь. Ждать дольше я не могу. Честь моей страны потерпела урон, и надо в самое ближайшее время достойно наказать оскорбителя. Рига вновь станет шведской. Навечно. С вами или без вас.

Король кивком головы показал, что беседа закончена, и первым покинул комнату.

Изменившийся план требовалось срочно довести до сведения ближайших помощников. Благо они совсем недавно настаивали на более тщательной подготовке.

Вот пусть теперь и готовятся.

3. Царь и король

Сверху видно все. В полном соответствии с неизвестной здесь песней.

Чтобы воевать, надо не только обладать армией и иметь противника. Надо еще знать, где этот противник находится. Простейший способ – выслать во все стороны конные дозоры, и пусть они, как говорится, освещают местность. Повезет – увидят вражеский лагерь или колонны. При везении, может, даже посчитают, сколько пехоты, сколько конницы, много ли орудий. При удаче захватят в плен одного, а то и нескольких человек и уже от них узнают поподробнее. В том случае, если пленным известны эти подробности.

Может, солдат и должен понимать каждый маневр, но совсем не обязан знать численность своей армии. Да и маневр... Одно дело – смысл, другое – направление готовящегося удара.

Но это при везении. Враг тоже не дурак. Он окружает себя такими же дозорами, которые обязаны не только узнать, не скрывается ли где засада и есть ли поблизости супостат, но и не допустить до главных сил вражеских разведчиков. Уж все равно, в большом количестве или в малом.

Поэтому разведка всегда была делом опасным, требующим сноровки и умения.

Другое дело – дирижабль. Средств маскировки еще не придумали, ПВО не существует даже в зародыше, а с небес на самом деле видно гораздо лучше и намного дальше, чем с коня. Летай себе да высматривай: не пылит ли где пехота, не скачет ли конница, не ползут ли по узким дорогам орудия. И даже не надо нестись сломя голову назад. Высмотрел, передал увиденное по рации, а там уж дело высокого начальства – решать, как поступить с обнаруженным неприятелем.

К слову сказать, само начальство частенько и летало. Вплоть до бомбардира Петра Алексеевича. Чин у последнего был невелик, зато титул – выше не бывает. Царь и самодержец всероссийский. Если и есть кто над ним, так лишь только Бог.

Дирижабль частенько проходил вдоль береговой линии, порою углублялся в залив в поисках кораблей, прочесывал территорию уже своей Лифляндии, а порою, пользуясь тем, что никаких норм международного права для воздушных аппаратов не существует, залезал на территорию Курляндии.

Командор относился к противнику с определенным уважением. При таланте шведского монарха что последнему стоит высадиться в одном из портов нейтральной страны да попытаться нанести удар, откуда не ждут? Не самый глупый ход. Новых же врагов Карл не боялся, как не боялся и старых.

Скверно, когда нападения приходится ждать едва ли не с любой стороны.

В той же Курляндии явно стали сосредотачиваться войска. Пусть не шведские, а саксонские, но вчерашний союзник вполне может сегодня выступить на стороне врага. По самым разным причинам. Руководствоваться же собственными знаниями грядущего уже невозможно. Раз уж сами изменили весь ход истории.

Хотя как раз-то создание коалиций Карлу вроде не свойственно. Этаким волк-одиночка, готовый принять помощь, но отнюдь не полноправное партнерство. Чем он может прельстить Августа? Свои земли не отдаст, а захочет ли завоевывать чужие...

Курляндская граница была фактически рядом. Даже по нынешним меркам, когда основное средство передвижения – лошадь, а в армии – того проще: собственные ноги.

Отряд всадников, пересекший границу, заметили сразу. Просто оказались в нужное время в нужном месте.

Граница по нынешним временам была условной. За лишнюю пядь земли могли порвать плотку или устроить войну, но до пограничной службы никто еще не додумался. Поэтому и перебраться через нее такой проблемой не являлось.

На нашу сторону шло эскадрона два. Плюс штук шесть карет. Больше похоже на представительное посольство, чем на нападение. Раз в здешний край пришла война, охрана лишней быть не может.

– Похоже, от Августа, – заметил Командор.

На этот раз экипаж дирижабля состоял из него, Юрия Флейшмана и Жени Кротких.

Дизель с бывшей спасательной шлюпки работал ровно, без перебоев. Ветер был слабенький. Управлять аппаратом не составляло труда.

– Как бы не он сам, – хмыкнул Юра.

Буквально перед этим он слегка ворчал на уснувших шведов. Шутка ли – у них такой город отобрали, а они все никак прийти отбивать его не хотят!

– Это же несерьезно! – горячо доказывал Флейшман. – У меня дела стоят. Это же такие убытки!

– Не прибедайся! Можно подумать, что никого за себя не оставил, – возражал Командор.

– Оставил, но свой глаз вернее. Если бы хоть на пару дней слетать. Посмотреть, как да что.

– И не мечтай. Дирижабля тебе не дам, – тоном Верещагина из известного фильма ответил Кабанов. – Без разведки – никак.

– А без дирижабля туда минимум неделю скакать, если на перекладных. И обратно столько же.

Конечно, Флейшман всерьез не рассчитывал на единственный управляемый аппарат, но надо же хоть поворчать, раз иного не дано! Забавно, когда бурчит не кто-нибудь, а человек богатый. В ближайшей перспективе – один из богатейших людей страны.

– Мне самому уже надоело, – серьезно отозвался Командор. – Столько дел еще надо успеть, а тут трать время на всякую ерунду.

– Ерунду? – с иронией посмотрел на друга Юра.

– Или – почти ерунду. В смысле нам нужен результат и отнюдь не нужна чрезмерная трата на него денег и сил. Чем быстрее Карл заявится в гости, тем быстрее займемся другими вещами. Нам еще с Демидовыми надо договориться. Не забыл?

Добыча металлов до сих пор оставалась слабым местом. Пусть она непрерывно возрастала, но росли и потребности, и удовлетворить их полностью было пока невозможным делом. А тут еще транспортировка с Урала. Далековато при гужевом транспорте.

Проблем действительно было море, и вынужденная война была лишь одной из них. Стране требовался выход к Балтийскому морю. Вот и пришлось вплотную заняться этим. Даже в ущерб некоторым другим планам.

И теперь, спустя меньше часа после некоего подобия жалоб, друзья наблюдали с высоты за строем неведомых всадников. Вот едущие тоже заметили воздушное чудовище, смешались, сбились в кучу, словно не обычный дирижабль был над ними, а сказочный злобный дракон.

Из карет вышли несколько мужчин и уставились в небо.

Командор чуть наклонил нос воздушного корабля. Травить водород не хотелось. Да и не собирался Кабанов высаживаться.

– А ведь точно – Август, – заявил завладевший биноклем Флейшман. – Я его портрет у Петра видел.

В толпе всадников наконец разглядели волочащийся за дирижаблем флаг. Кто-то приветливо замахал шляпой. Видный мужчина, очевидно Август, тоже чуть коснулся края своей треуголки. Этакая небрежная дань вежливости.

– Значит, на переговоры едет, – хмыкнул Кабанов. – Ладно, возвращаемся. Предупредим Петра о визите.

Флейшман кивнул в ответ и взялся за горизонтальные рули. Кротких прибавил оборотов, и дирижабль послушно устремился в сторону Риги.

Петру надоело ждать прихода шведов. Его деятельная натура не могла долго оставаться без дела. Нет, нынешний царь умел быть терпеливым, но раз уж все равно ждешь, почему бы не заняться еще чем-нибудь? Тем более откладывая или нет, а все равно делать придется. Да и любил Петр работать. По-настоящему любил.

Несмотря на риск, он все же решил заложить верфь. Военное счастье переменчиво, однако Бог не без милости. Отобьют Карла, и сразу встанет проблема флота. Так лучше заняться ею прямо сейчас. Пока будет готова верфь, пока начнут строиться первые корабли, времени пройдет столько, что может начаться ледостав. Но все равно без флота окончательно шведов не одолеть.

Вот и кипела чуть пониже Риги работа. Сам Петр с приближенными подавали пример солдатам и привезенным с собой мастерам. Надо бы к делу новых подданных привлечь, но только как отнесутся к этому бароны? Лето – пора сельских работ. Тут каждая пара рук на счету.

Ничего. Пусть в этот раз еще попользуются подневольным трудом в полную силу, а со следующего года придется выделять часть людей на нужные работы. Ибо крепкое государство – крепкие люди.

Так, с топором в руках, в рубахе, простых штанах и башмаках, и застали царя вернувшиеся разведчики.

Известие о приближении саксонского курфюрста и польского короля заставило Петра перекосить лицо. Все же, по первоначальному плану, Рига должна была отойти к Польше, а России следовало удовлетвориться устьем Невы. Но Август сам виноват. Отказался на этот год от нападения на Швецию, вот и пусть пожинает плоды.

Если при проезде Риги город Петру не понравился, то сейчас, уже ставший своим, он казался родным. Даже роднее, чем русские города. От узких улочек веяло вожденной Европой, а главное, здесь рядом было море.

И все равно перед Августом было неудобно. Словно взял чужое да и прикарманил.

– Ладно. Раз едет, то надо встретить, – вздохнул Петр.

Про себя же подумал: может, отложить строительство верфи? Кто знает, как повернутся переговоры?

– Захотелось королю на готовенькое, – вслух прокомментировал ситуацию Кабанов.

В отличие от остальных он знал, что послужило причиной отказа Августа от союза. Более того, сам же эту причину и выдумал.

Но, кроме самых близких, этого никто не знал. Поэтому все прочие восприняли сказанное в качестве шутки и громогласно рассмеялись.

Война началась легко и бескровно, и отношение к ней было таким же легким, а уверенность в собственных силах – беспредельной. Все, не только приближенные царя, но и каждый солдат считал завоеванный город своим и не собирался отдавать его ни врагам, ни возможным союзникам.

Петр укоризненно качнул головой, но не стал ни ругать, ни хвалить. Лишь заметил:

– Надо было его на дирижабле прокатить. Пусть бы почувствовал... – а продолжать не стал.

Пусть каждый додумывает сам. Прелести полета, или русскую силу, или то и другое вместе.

– Их там много было. Да и кто знает, захотел бы король карабкаться по шторм-трапу? – пожал плечами Командор под новый взрыв смеха.

Это Петр на царское достоинство обычно смотрел сквозь пальцы. Другие властители больше обращали внимание на внешнее проявление уважения, забывая о сути.

– Ладно. Раз едет, то надо встретить. – На этот раз Петр разделил общее веселье. Но первым оборвал смех, оглядел толпящихся вельмож и обратился к Репнину: – Возьми соответствующий конвой и поезжай навстречу. Но не шибко поспешай. Все равно назад возвращаться.

Репнин кивнул, мол, понял, и двинулся выполнять приказание.

Петр вздохнул, а потом рука сама подхватила отложенный было топор.

Любил царь работать. Любил.

Событий в последнее время было слишком много для непривычных к такому темпу рижских обывателей. Внезапное завоевание, вхождение в состав другого государства, личное пребывание в городе русского царя, непривычно энергичного, грозящего перевернуть весь традиционный уклад. И вот теперь неожиданный визит еще одного европейского государства. Короче говоря, к вечеру жители Риги стали свидетелями встречи правителей двух крупнейших европейских стран.

Над Коблешанцем висел дежурный кабаньер. Еще один занял позицию чуть в стороне от замка. Картина отдавала явной фантастикой. Особенно если учесть, что вид у Риги был полностью средневековым. Этакое сочетание отсталой Европы и рвущейся вперед России.

Назвать начало встречи торжественным было трудно. Пока подали лодки, пока Август со своей свитой переправился на правый берег, времени прошло немало. Единственное – когда он первым из прибывших ступил на землю, салютующе рывкнули пушки с ближайшего бастиона. С намеком – приветствуем на землях российских польского короля.

Намек был понят. Лицо короля исказила гримаса недовольства, но, к его чести, тут же сменилась дружественной улыбкой.

Властители обнялись. Совсем недавно они симпатизировали друг другу, да и сейчас чисто по-человечески не держали никакого зла. Просто есть чувства, а есть политика. Вещи, довольно плохо совместимые. Но пока еще было неведомо, что возьмет верх у молодых, в общем-то, людей.

Внимание Кабанова привлек один мужчина из свиты Августа. Ничего особенного в его внешности не было, однако Командора поразили контраст. Выражение лица мужчины было радушным, зато глаза смотрели внимательно и недобро.

– Кто это? – тихо спросил Сергей у стоявшего рядом с ним Меншикова.

– Паткуль, – так же тихо ответил Алексахка.

– Понятно.

О Паткуле Командор был наслышан. В основном здесь, хотя кое-что краем уха слышал раньше. В том своем прошлом, которое для всех остальных было отдаленным будущим.

Ярый противник шведов, ратовавший за их изгнание из Прибалтики. В той, знакомой Командору истории – один из организаторов Северной войны. Но, насколько успел понять уже здесь Командор, стремящийся отдать Лифляндию и Эстляндию не под русскую, а под польскую руку. И потому непонятно – друг или враг?

Хотя, конечно, личность...

– Вы действовали так стремительно... Никто не ожидал, – донеслась фраза Августа.

– Этой победе я обязан одному из моих людей. Рекомендую – генерал-поручик, контр-адмирал и кавалер Кабанов. – Петр указал на Командора.

Кабанов склонил голову. По случаю приезда короля польского и саксонского он был при параде. Через плечо была надета голубая орденская лента, слева поместилась звезда ордена Андрея Первозванного, в петлице висел орден Святого Людовика.

Но, один из немногих, положенного парика Командор не носил. Более того, несколько раз пытался убедить царя, что не во всем следует подражать Европе. Придворные моды могут быть какими угодно, но в армии должна господствовать целесообразность. К тому же генерал – тот же солдат и стоит ли расфуфыриваться, изображая из себя петуха?

Август произнес приличествующие случаю похвалы. Трудно сказать, насколько искренние. Но Меншиков ревниво посмотрел на соратника. Алексахке очень хотелось быть в центре внимания, и он поневоле ревновал к Командору. Последнему приходилось делать все, чтобы будущий Светлейший считал его не соперником, а приятелем.

– Прошу в замок, – гостеприимно пригласил Петр. – В честь вашего приезда состоится небольшой дружеский пир.

Августа, наверно, больше бы устроил серьезный разговор. Но пир по случаю приезда венценосной особы был едва ли не дипломатическим ритуалом, потому отказаться было невозможно. Да и вряд ли хотелось с дороги.

Для придания большей пышности Петр пригласил не только соратников, но и случившихся неподалеку представителей прибалтийской знати, а также магистрат вместе с семьями.

Теперь главная зала замка была полна народу. Присутствие дам несколько облагораживало мужское общество. И больше всех блистала Мэри. Одета в роскошное платье, с многочисленными драгоценностями, она казалась воплощением женственности. Вряд ли кто поверил, что эта молодая женщина была одним из главных действующих лиц захвата Риги, а до того – знаменитым пиратским капитаном.

Польский король, видный, широкоплечий, с самого появления леди не сводил с нее глаз, напрочь забыв о цели своего появления. Напрасно Паткуль несколько раз пытался нашептать что-то Августу в ухо. Король его просто не слышал. Увлекающаяся натура, он с легкостью забывал обо всем при виде хорошенькой женщины, а уж Мэри этим вечером была не просто хороша – бесподобна.

А когда стемнело и гости насытились, объявили танцы. Август немедленно оказался рядом с Мэри. Леди посмотрела на Командора, и тот чуть кивнул, разрешая...

4. Командор. Балы и последствия

Я никогда не любил танцы. Разве что в пору курсантской юности использовал их для знакомства с очередной девицей. Но где те девицы и та юность?

Никаких причин изменять привычкам я не видел. И ни разу не приложил старания узнать что-либо о нынешних танцах. Благо возраст и положение позволяли мне уклониться от чинного хождения под музыку или приплясывания в некоем подобии польки. Или это полька и была? Я не слишком разбираюсь в танцах.

Но я никогда не навязывал собственных пристрастий. Особенно женщинам. Каждый отдыхает так, как ему нравится. Да и не с кем-нибудь танцует – с королем.

Если же вдуматься: кто такой польский король? Марионетка в руках шляхты. Не столько правитель, сколько представитель. Практически – всего лишь президент.

Сам Петр лихо отплясывал с какой-то юной баронессой. В зале был явный переизбыток мужчин при недостатке женщин. Мои друзья по обыкновению оставили семьи дома, и я был единственный из всей армии, который имел при себе жену. Пусть официально Мэри все еще числилась супругой другого.

– Смотри, как Август старается. Не ревнуешь? – спросил Флейшман.

Он тоже не любил танцевать.

– А ты провокатор, – хмыкнул я.

– Какое там? Кто такой польский король по сравнению с легендарным Командором? – тоже улыбнулся Флейшман. – Зато Август увлечен так, что начисто забыл о цели приезда. Паткуль весь из себя исходит, а королю хоть бы хны.

– Я тоже заметил. Может, переубедить этого деятеля? Доказать, что российский порядок намного лучше польского бардака? – предложил я. Сам не знаю, в шутку или всерьез.

– Думаешь, таких интриганов лучше иметь на своей стороне? – уловил мысль Флейшман.

Определение «интриган» в наших устах было не оскорблением, а лишь неким фактом. Человек, старательно создававший коалицию одних государств для борьбы с другим, иначе быть назван не может.

Я тоже являюсь поджигателем войны, хотя мне совсем не стыдно. Вообще, одно дело ярлык и другое – моральные оценки. Паткуль, похоже, играл против нас. Хотя враг ли он? Или просто человек со своим представлением о благе?

Вообще интересно, что им двигало столько лет? Ненависть к шведам? Желание видеть родной край счастливым? Честолюбие?

Кто разберется в чужой душе? Это с нами все ясно. Даже такой ненавистник России, как Маркс, признавал завоевание Прибалтики жизненной необходимостью. Мы просто следовали железной логике истории. По крайней мере, в этом вопросе. Лишь постаравшись сделать войну намного короче, чем она была в нашем прошлом. Если получится, конечно. На бумаге всегда все гладко.

Паткуль в стороне беседовал с несколькими местными помещиками. При нашем приближении беседа оборвалась. Хотя ни я, ни Юра не владели немецким языком. Разве что в пределах самых общих классических фраз. «Хенде хох», «Хальт», «Дас ист фантастиш». Времена меняются, а с ними меняется и распространенность тех или иных языков.

– Насколько понимаю, барон, вас можно поздравить, – говорю по-французски. Нас уже представляли друг другу, и это дает право завязать беседу на любые темы.

– С чем, генерал? – уточняет Паткуль.

Обращение по титулам и чинам имеет большие плюсы. Можно не запоминать имена. Баронов в здешних краях много, а генералов хватает всегда и везде.

– Как? О вас все говорят как о главном противнике шведской власти в Лифляндии. И вот теперь господству шведов пришел конец.

– Да, конечно. – Паткуль старательно улыбается. Но глаза у него остаются холодными. – С вашей помощью, генерал.

Я благодарно склоняю голову, а барон продолжает:

– Осталось лишь решить дальнейшую судьбу отвоеванных земель.

Делаю удивленное лицо и спрашиваю невинным тоном:

– Разве все не решено? Я, конечно, человек военный, далекий от политики, но, по моему, дальнейшее ясно. Жители Риги и окрестностей уже присягнули на верность российскому монарху. А некоторые уже записались в Лифляндский драгунский и Рижский пехотный полки.

Последнее тоже было правдой. В свое время мне удалось убедить Петра, что полки надо называть не по фамилиям полковников, как повсюду в Европе, а по городам, где они комплектуются. Пополнение из одной местности сразу обеспечивало некоторую спайку части, а название напоминало солдатам, откуда они родом, и заставляло любить свой полк как часть оставленной ими земли.

Объявление же о создании двух новых полков должно было сразу показать друзьям и врагам, что Россия пришла навечно на балтийские берега. А заодно и пополнить войска теми, кто желает посчитаться со шведами за предыдущие унижения и вдобавок знаком с местными условиями.

Не сказать, что добровольцев было много. При шведах местных помещиков в армию не брали. Речь, понятно, об урожденных немцах, но на приток новопоселенных шведов мы не рассчитывали. Потому пришедшим аборигенам предстояло пройти весь курс подготовки на общих основаниях. Офицерские должности сразу они получить не могли. И вообще, если в науках главное – знание, в искусстве – талант, то в армии – воспитание. А как раз соответствующего воспитания пока у прибалтийских баронов не было.

Ничего. Главное – почин и хорошо поставленная реклама. Скоро вспомнят, в чем заключается долг дворянина. У русского служивого сословия служба всеобщая и пожизненная. Здесь пока добровольная, но тоже обязательно со временем станет всеобщей. Непорядок – у завоеванных больше льгот, чем у завоевателей. В настоящей Империи равны все.

Ничего. Костяк появился. Потом и мясо нарастет.

– Подумайте сами, барон. Принадлежать всегда лучше к сильной стае. Россия сейчас на подъеме. Сравните с Польшей. Сегодня шляхта думает так, завтра – иначе. Поодиночке они, может, сильны, но судьбу войны решают большие батальоны. Обязательно – хорошо дисциплинированные. Я уже молчу, что Россия – единственная страна, которой подвластен даже воздух.

До покорения пятого океана было очень далеко. И паровая машина, и электродвигатель слишком тяжелы, а изготовить самый примитивный двигатель внутреннего сгорания не позволяют нынешние технологии. Но на непосвященных кабаньер оказывает незабываемое впечатление. Про дирижабль уже не говорю.

– В ближайшее время Рига станет крупнейшим портом на Балтике, – бросает свои пять копеек Флейшман. – Наша торговля с Британией растет. Помимо традиционных товаров мы поставляем англичанам паровые машины и еще некоторые изделия. А что может продавать Польша? Разве что жителей. Скоро Лифляндию будет не узнать. Развитая губерния развитой страны.

Паткуль явно задумывается. Про русские успехи уже начинают говорить повсюду. Нам бы еще одержать крупную военную победу, и тогда многие не будут возражать против своего завоевания.

Пока еще сильны предубеждения против азиатских дикарей. В чужом глазу соломинку мы видим. Европа сама далековата от культуры и просто привыкла взирать на других свысока.

Еще посмотрим, кто кого.

– Но... – все пытается что-то возразить Паткуль.

– Извините, барон, – перебиваю собеседника. – Я краем уха слышал, что здесь будет учреждено губернаторство. Причем вице-губернатором будет кто-то местный. Вы не могли бы порекомендовать кого-нибудь умного, энергичного и пользующегося авторитетом среди жителей? Не торопитесь, подумайте. Пост высокий и ответственный. Не каждый с ним справится.

Намек наверняка понят. Если Паткуль честолюбив – а кто из нас без греха? – обязательно должен проглотить наживку.

– О чем речь? – вырастает рядом Петр.

Он разгорячен вином и танцами.

– О новом губернаторстве. Сколько край может находиться без власти? – невозмутимо говорю я.

Разговоры об этом уже шли. Перейти к делу мешало только ожидание решительного сражения со шведами.

Петр косится в сторону продолжающего танцевать польского короля, а затем решительно произносит:

– Быть посему. Назначаю губернатором... – Он смотрит на меня, однако я опережаю монарха:

– Я думаю, что лучшая кандидатура – это Александр Данилович Меншиков. Государь, мне хватает иных дел. Да и не справлюсь.

Никогда не пробовал себя в роли администратора и не хочу. Тут успеть бы основное. Жаль тратить время на текущие дела, а за положением не гонюсь. Оно у меня без того высокое.

Сверх того, Алексашка в последнее время стал посматривать в мою сторону с завистью. Пусть получит свою порцию почестей и хоть чуть успокоится. Энергии у будущего Светлейшего хоть отбавляй, талантами он не обижен, а тут такое поле деятельности!

– Гут, – по-немецки отвечает Петр.

Меншиков словно чувствует, что речь идет о нем, и направляется к нашей группе.

– Слышь, Алексашка, будешь с сегодняшнего дня губернатором Лифляндии.

Меншиков кланяется и лишь затем выдавливает из себя:

– Спасибо за доверие, государь.

Глаза Алексашки сверкают, как у кота, завидевшего миску вожаденной сметаны. Насчет пирожков не знаю до сих пор, но знатностью рода Меншиков не блистал, а тут в один миг стал одним из главнейших воевод. Теперь-то он точно будет удерживать край руками и зубами.

– Не меня благодари. Это все Кабанов за тебя просит. Говорит – лучшего не найти. – Петр панибратски хлопает меня по плечу.

Меншиков действительно смотрит на меня с благодарностью. Зависти вновь нет следа.

Паткуль с жадностью прислушивается к нашей речи.

– Еще надо вице-губернатора из местных, – напоминаю я.

– Есть кто-нибудь на примете? – Петр в хорошем настроении и явно готов согласиться еще с одной моей кандидатурой.

– Барон Паткуль.

Петр внимательно смотрит на барона. Он наслышан о взглядах и предпочтениях представителя местного дворянства. Но молодой царь схватывает на лету и понимает мою идею.

Помимо привлечения авантюриста на свою сторону в назначении на такую должность есть еще один плюс: лучше уж держать его перед глазами, чем позволить шляться и шептаться за спинами.

Но Паткуль еще не давал присягу на верность и потому подданным считаться не может. Подданного просто назначают, а иностранца приходится спрашивать.

– Пойдешь? – коротко осведомляется Петр.

В ответ слышится поток благодарностей на смеси немецкого и французского, а также заверения в том, что все силы будут приложены для процветания края и выполнения воли Его Величества.

– Указ надо написать, – напоминает Юра.

Без бумаги любое назначение недействительно. Раз уж должностей таковых официально нет.

– Пошли в кабинет, – кивает Петр.

Долго ли настроичить пару строк да скрепить своей подписью?

Мы пробираемся среди гостей.

Король Август продолжает танцевать с Мэри. Он что-то шепчет ей, увлеченно и самозабвенно, и даже не замечает нашего ухода.

Танцуй, король! Ты все равно выборный. Тебе о государстве думать не надо.

Указ объявляется спустя полчаса. Толпа немедленно бросается поздравлять новое начальство. Лишь Август со своими приближенными стоит несколько в стороне и то краснеет, то бледнеет. От волнения он даже позабыл о моей супруге.

Но возражать, тем более публично, нельзя. Приходится принять нейтральный вид да надеяться на то, что после разговора наедине Петр отменит свое решение.

Я тем временем наконец-то оказываюсь рядом с Мэри.

– По-твоему, это порядочно – бросить меня одну с королем?

Кажется, Мэри обиделась.

А я хотел как лучше. Женщины...

– Почему одну? Полный зал гостей. Я не бросал, лишь не хотел мешать вашим танцам.

– Да? И ты не ревнуешь? – Мэри говорит тихо. Воспитание мешает ей устроить мне сцену прямо на людях. Зато потом может отыграться наедине.

– К танцам? – уточняю я.

– Не только. Слышал бы, какие он мне комплименты делал!

– Было бы странно, если бы Август молчал. При виде тебя оживают даже камни. Ты – самая лучшая и в этой зале, и на всей земле...

Но лесть не удастся.

– И не только комплименты. Он мне еще и предложения делал.

– Звал в королевы?

– Нет. Всего лишь ехать с ним. – Мэри отворачивается от меня, идет прочь, и приходится догонять ее так, чтобы это не бросалось в глаза.

Еще в пору первого распавшегося брака я научился философски относиться к женским капризам. Родовались бы, что не скандалю в ответ, но их и это бесит.

Даже такую выдержанную и благовоспитанную леди, как Мэри.

– Хочешь, я набью ему морду? – предлагаю примиряюще.

– Командор! Ты же человек с положением. И вдруг такое!

Любой ответ предпочтительнее молчания.

– Но не могу же я вызвать на дуэль короля! Зачем нам его смерть? К тому же убивать человека только за то, что потерял голову при виде самой прелестной женщины в мире, – этак людей скоро не останется. Да и поверь, он уже наказан. Тем, что ты со мной.

Мэри вздыхает и спрашивает уже другим тоном:

– Серж, ты не боишься, что однажды я от тебя уйду?

Как ни странно, боюсь.

– Но разве тебя удержишь, если ты решишь? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Не уйду я никуда. Я так долго ждала, когда же мы будем рядом...

Британская леди куда-то пропадает, и передо мною стоит очаровательная женщина. Без меры любимая и родная.

После ее заявления нам не остается ничего другого, как незаметно улизнуть с праздника и направиться в свои покои.

Кажется, ночью кто-то нас искал. Не уверен. Но если и так, то верные Василий и Ахмед наверняка объяснили, что барина нет, не приходил и непонятно, придет ли, а посему не пошли бы уважаемые и не очень посетители ночью порою да подальше в надежде на желаемую встречу?

Утро было отнюдь не мрачным. Немного не выспался, зато своевременный уход избавил меня от затяжного похмелья.

Полетов сегодня не предвиделось. Володя еще вечером заявил, что дизель требует переборки. А раз он сказал...

Только был Ардылов в неважном состоянии, и работа могла затянуться надолго.

Хотя нет. Как ни удивительно, мой бывший раб и нынешний российский дворянин умел трудиться в любом виде. И никогда никаких нареканий по поводу его работы не было.

Раз сегодня разведка не состоится, то, следовательно, именно в этот день Карл объявится в пределах досягаемости. Вопрос лишь: на суше или на море? Шведский король может попытаться десантироваться прямо в виду Риги, а может высадиться где-нибудь в Ревеле и оттуда двинуться пешим порядком.

Ладно. Это под Нарвой в другой истории ему удалось обрушиться на русскую армию как снег на голову. И вместе со снегом. Сейчас сезон не тот. И вчерашний облет ничего не дал. Даже в самом худшем случае идти ему на нас не меньше двух полноценных дневных переходов. Морем быстрее, но морем эскадрой стремительно не подойдешь. Пока будешь маневрировать у берега, мы вполне успеем подготовиться. Сорокин говорил, на последние штрихи ему потребуется пара часов.

Все же я велел Ардылову максимально поторопиться. Володя хмуро буркнул, что постарается. Он остался, а я направился к Петру.

В кабинете царя как раз шла горячая беседа.

– Мы же договаривались, Питер! – пылко вещал Август. – Устье Невы – твое, а Лифляндия с Эстляндией отходят к Польше.

– Где это видано – отдавать завоеванное? – вместо Петра возразил Головин.

– Население присягнуло на верность России, – поддержал его Меншиков.

Тихонько сопел в углу Паткуль.

Для этих двоих уступка земель означала лишение их новых постов. Да и с какой стати уступать?

Страх Августа тоже был понятен. В свое время шляхта выбрала его благодаря обещанию присоединить к Речи Посполитой Прибалтику. Хотя сама рисковать и воевать не собиралась. Теперь трон под королем пошатывало.

– Не бойсь, – хмыкнул Петр. – В Польше мы тебя поддержим.

Я послушал еще немного, убедился, что все идет должным образом, и потихоньку отправился прочь.

Политика политикой, однако судьбу Риги придется вскоре решать силой оружия. И не только Риги...

5. Флейшман. Первые стычки

Карл вел себя как последний подлец.

Нас ждала куча дел. Пусть производство было отлажено, но все же я испытывал постоянное беспокойство: как же там? Это даже не бардачные девяностые годы двадцатого столетия. Помимо самого процесса постоянно приходилось прилагать массу усилий, чтобы достать нужное сырье, а уж его доставка при отсутствии транспорта каждый раз превращалась в целую эпопею.

А непрерывные попытки усовершенствовать как качество изделий, так и технологический процесс? А первый пароход, который мы намеревались заложить уже в этом году? А геологическая экспедиция, посланная нами на Южный Урал?

Коллективно и запоздало нам удалось вспомнить, что золото водится не только на далекой Аляске и в солнечной Калифорнии, но и в российских пределах. Даже примерно наметить район. И вот теперь приходилось ждать итогов экспедиции. Из-за нынешних расстояний и отсутствия связи посланные молчали. Наш же единственный дирижабль был пока необходим здесь, в Прибалтике.

И Демидовы никак не могли наладить добычу железа в потребных нам количествах. Хватало бы металла, можно было бы попытаться потихоньку начать строить железные дороги. При здешних расстояниях это не дань прогрессу, а насущная необходимость. Но, увы, все это остается лишь в дальней перспективе, как и многое другое.

Пока железо сплавляется на баржах по речке Чусовой, затем перевозится на Каму, оттуда – на Волгу, затем – вверх по течению до Нижнего Новгорода и оттуда по Оке. Крюк порядочный, но гужевым транспортом получается еще дольше.

Дел была масса, на всю оставшуюся жизнь. Неотложных, требующих отдачи всех сил, а вместо этого мы должны были сидеть в Риге в ожидании прихода юного мальчишки, считающего себя наследником Цезаря и Македонского в их бранной славе.

Хоть бы тогда ждать не заставлял! Это уже пахнет откровенным свинством. Сдавался бы сразу, и дело с концом.

А тут еще Август с надуманными претензиями! Подумаешь, обещал избирателям! Словно хоть кто-то когда-то выполнял предвыборные обещания!

Но была и хорошая новость. С Дона прибыли первые три полка казаков во главе с Лукичом. Тем самым, который уже сопровождал Командора в Крыму. В правильном бою казаки вряд ли могли бы выступить против дисциплинированных шведских драгун, зато были мастерами на всякие козни и сулили шведам немало хлопот еще до генеральной баталии.

Кто-то наверху наконец услышал наши дружные молитвы и не менее дружные проклятия. Ардылов после обеда объявил о готовности дизеля, и первый же полет оказался удачным. Настолько, что совершавшие его Женя, Аркаша и Ардылов сообщили результаты порации, не дожидаясь возвращения.

Шведская эскадра шла с норда. Не эскадра – армада. Судя по донесению, собранная наспех, из того, что случилось под рукой. Куча всевозможных грузовых судов, очевидно, с войсками, разнообразная вооруженная мелочь, но среди них – полдюжины линкоров и десяток фрегатов. Причем один линейный вместе с парой фрегатов шли под британским флагом.

Непроходимый для грядущих броненосных флотов Муху-Вейн, северный пролив Моонзундского архипелага, был вполне судоходным для парусных судов, и теперь они гордо ползли по серой глади Рижского залива.

До них было еще далеко, однако сам факт присутствия больших кораблей говорил, что, скорее всего, армада постарается напасть на Ригу с моря. Высадят вне досягаемости орудий из Динамюнде десант, а линкоры с фрегатами тем временем выступят против прибрежной крепости.

Вот только англичане... Как-то очень оперативно они решились помогать своим союзникам. Это же надо было не только узнать о случившемся, но и принять соответствующие постановления, отправить корабли... Несколько странно, учитывая растущий объем торговли и то, что теперь мы вполне можем отказаться от нее в пользу Франции.

Или попытка запугать?

Планы на все случаи жизни были давно составлены. Бой под стенами Риги нас не устраивал, соответственно, требовалось заставить Карла высадить войска пораньше. Пусть флот будет отдельно, а армия – отдельно. Каждого ожидают свои сюрпризы.

Подготовка началась еще до возвращения дирижабля. В итоге, когда он вернулся, осталось лишь нагрузить его зажигалками да заменить команду.

Кабан в любом случае собрался лететь сам. Во-первых, ему не терпелось оценить силы врага самому. Так сказать, генеральская рекогносцировка. Во-вторых, он все же считался капитан-командором русского воздушного флота, и, следовательно, налет на врага входил в его непосредственные обязанности.

С Серегой отправлялись я и Меншиков. Последний столько тренировался вместе с нами, что в воздухе чувствовал себя не менее вольготно, чем на твердой земле.

Больше никого на перегруженный бомбами дирижабль мы взять не могли. Хотя желающих хватало, и в их числе был сам государь.

Мы шли над самым берегом. Внизу проплывали песчаные пляжи, на которых еще никто и никогда не отдыхал. Дюны, сосновые леса, редкие рыбацкие поселки, а чуть в стороне – еще более редкие помещичьи усадьбы. И по левому борту – водный простор.

Ветер дул прямо в лоб. Дирижабль слегка покачивало. Приходилось много сил отдавать управлению. Командор с Меншиковым стояли на рулях, мне же на этот раз досталась должность механика. Ардылов справлялся с ней получше, только наш единственный мастер на все руки сейчас был нужен на земле. Да и невелика премудрость, пока дизель работает, как часики. Разве что местечко мне выпало пошумнее.

До темноты времени еще хватало, но солнце постепенно скатывалось к горизонту.

Мы шли больше двух часов, когда наконец узрели далекие паруса.

– Посмотрим, кто против нас лапу поднять посмел, – обронил Командор, поворачивая дирижабль.

Как всегда перед боем, Сергей преображался.

Армаду Карл собрал знатную. Шли низко сидящие, наполненные войсками купцы. За закрытыми портами скрывали орудийные жерла линкоры и фрегаты. Тут и там мельтешила всевозможная мелочь, которая могла бы стать незаменимой при штурме. И, конечно же, никакого порядка не было. Разве что британцы шли более-менее приличным строем да один из отрядов шведских кораблей пытался изобразить подобие кильватера. Остальные двигались наобум, заполонив собою огромное пространство. Сюда бы порядочный шторм, наподобие того, который уничтожил испанскую армаду, – и все наши приготовления оказались бы излишними.

Но шторма не было. Даже ветер вопреки обыкновению дул довольно умеренный, и, значит, рассчитывать можно было только на себя. Да на воздушный корабль, кое-как приспособленный под бомбардировщик.

Хорошо, что мы не стали выводить в море нашу крохотную флотилию. Перевес шведов был не подавляющий, а раздавливающий. Все шансы были за то, что нас просто расстреляли

бы на дальней дистанции или окружили и взяли на абордаж. При таком соотношении сил любые таланты бесполезны.

Но это при равных условиях. Сейчас все козыри были на нашей стороне.

От обилия целей разбегались глаза. Мы по очереди рассматривали идущий флот в бинокль, выбирая жертву.

Королевский штандарт над одним из шведских линкоров первым заметил Меншиков. В сухопутном бою стрелять по королям не принято. На море выведение из строя флагмана – первая цель любого сражения.

На этот раз полноправной схватки быть не могло. Мы шли на высоте в две сотни метров, и никакие пули были не страшны. Для нас предстоящее было чем-то типа обычного тира. Или полигона для тренировки в бомбометании.

Шведы должны были нас заметить давно, но что они могли сделать? Попробовать пострелять из ружей? Так нынешние пули высоко не летят.

Палубы были полны народа. Не знаю, что испытывали солдаты и моряки при виде летающего чудовища. Я бы на месте Карла отказался от похода и попытался найти более разумный способ действий. Но король был молод и горяч. Да и не представлял, на что мы способны.

Мы уравнивали скорости и повисли чуть впереди шведского флагмана. Несмотря на многочисленные тренировки, каждый из нас поневоле волновался.

Бомбы были зажигательными. Наподобие тех, которыми мы немало пожгли кораблей во времена Карибской эпопеи. Хорошая горючая смесь против деревянных корпусов намного эффективнее любой взрывчатки.

– С Богом! – К некоторому моему удивлению, Командор вдруг перекрестился.

Хотя чему тут удивляться? Вокруг нас все люди были верующими. Даже такие, как вольнодумец Брюс или создатель Всепьянейшего собора Петр. Поневоле мы все посещали церковь хотя бы для того, чтобы в нас не видели врагов. Осенить себя животворящим крестом в соответствующем случае стало привычкой. Хотя трудно сказать, насколько каждый из нас верит в Бога. Я, например, до конца не могу. Командор, по-моему, тоже. Но основные обычаи мы соблюдаем.

Первая партия бомб отделилась от дирижабля и начала падение туда, где через некоторое время должен оказаться флагман.

Потерявший часть веса дирижабль рванулся вверх, и пришлось компенсировать этот подъем перекладкой вертикальных рулей с одновременным увеличением оборотов дизеля. Выпускать драгоценный водород нам не хотелось.

Нос накренился, но высота все равно выросла. Дирижабль лег в широкий разворот, а мы постарались проследить путь сброшенных гостинцев.

Я не уверен, но мне показалось, что из шести сброшенных зажигалок в цель попало четыре. Хрупкие корпуса должны были разбиться при столкновении с любым препятствием вплоть до хорошо натянутого каната. На испытаниях так оно и было. Как, впрочем, и здесь, в реальном бою.

Внизу запылали костер. Экипаж на линейном корабле доходит до тысячи человек, если учесть абордажную команду и канониров. На моряка приходится меньше двух квадратных метров площади. При такой населенности ни о каком потребном количестве шлюпок не может быть речи. Спасайся кто может да надейся, что с других кораблей помогут.

– Горит! – восторженно завопил Алексашка. – Горит, мать его!

Он не был участником наших старых походов. Это для нас зрелище пылающего вражеского корабля было обыденностью. Хотя с воздуха жечь супостатов не приходилось и нам.

– Работаем, – спокойно произнес Командор. – Видите следующий линкор?

Он решил первым делом проредить крупные боевые корабли. Очевидно, из расчета, что лишенные охранения транспорты к Риге не пойдут и предпочтут выбросить десанты подальше.

Вторая серия бомб легла менее удачно, но и этот корабль запылал. Теперь на море было два костра.

Внизу царила паника. Никто не знал, сколько у нас бомб. Вдруг с лихвой хватит на всю ползущую к Риге посуду?

Капитаны лихорадочно поворачивали в самые разные стороны, словно могли уйти на парусах от кары с небес. Результат не заставил себя ждать. Прежде в одном, затем в другом месте корабли столкнулись, и список жертв стал увеличиваться уже без нашего участия.

Флагман взорвался, что еще больше подняло шведам настроение. Мы не могли знать, уцелел ли король. Вообще-то лиц такого ранга эвакуируют при первых же признаках опасности, но ведь бомба могла попасть ему прямо в голову. Или же бедолага мог загореться не хуже, чем сухое и просмоленное корабельное дерево.

Жестоко? Да. Только на войне нет места жалости к врагам. До тех пор, пока они не выкинули белый флаг и из категории врагов не перешли в категорию пленных. На войне существуют только две категории людей – свои и чужие. И только одной из этих категорий суждено победить.

Ни злости, ни ненависти не было. Азарт был. И не больше. Враг где-то далеко внизу воспринимался отвлеченно. Не как люди, а как игрушечные существа, которых необходимо остановить.

Именно остановить. Уничтожить флот при помощи единственного дирижабля – полнейший абсурд. Но предупредить, что на силу нашлась сила, к тому же снабженная небывалой техникой и более умелая, – надо. Вдруг поймут: идти на Ригу отныне не стоит? Если не поймут, то все равно настрой уже будет не тот. Воля ослабнет, подведет в решающем бою.

Убийство на расстоянии, когда ты практически не видишь людей, сознанием не воспринимается как убийство. Разве – подобием игры, в которые все мы играли в детстве, а потом, в зрелые годы, доигрывали уже на компьютерах.

Впрочем, мне доводилось убивать лицом к лицу не так уж мало, и никогда не приходили ко мне по ночам окровавленные тени убиенных. Меня тоже могли убить не раз и не два, так зачем переживать?

Взросшая высота ли тому виной или ставшее хаотичным движение вражеских кораблей, но несколько следующих бомб пропали впустую. Ну хоть паника явно увеличилась.

В Европе народ темный. Они дирижабль впервые в жизни видят. Понятия не имеют, что это такое. Я молчу про принципы полета, грузоподъемность и иные вещи, уму обычного современного человека попросту недоступные. Уверен – многие не подозревают о том, что это созданный людьми и людьми управляемый аппарат, а не неведомое чудовище. И сколько у нас таких воздушных монстров, никому в точности не известно. Вдруг армада не меньшая, чем толпящаяся под нами?

Потеря большей части груза забросила нас к самому поднебесью. Надо было бы хоть компрессор смастерить и второй баллон. Был бы создаваемый по мере надобности балласт. Или не был бы? Плохо без настоящего толкового инженера.

Горизонты раздвинулись сверх всех мыслимых пределов. Залив был широк, но для шведского флота он оказался тесен.

Одни корабли пытались идти вперед, другие старательно лавировали в сторону берегов, третьи застыли на месте, четвертые умудрились столкнуться при полном отсутствии порядка и хотя бы самого зачаточного управления. Наглядное пособие, до чего паника может довести флот, да еще явно собранный на скорую руку. Ладно, боевые корабли. Тут целиком вина команд и капитанов. А вот многочисленные транспорты не имели и иметь не могли

никакого опыта совместного плавания, да еще такой армадой. И теперь сполна расплачивались за упущение.

Мы маячили в небесной синеве грозным напоминанием о Божьей каре, которая обрушится на каждого, идущего с мечом.

Жаль, попасть отсюда можно было разве случайно.

Мы наслаждались зрелищем, а наше время уходило вместе с опускающимся к островам светилom.

Причалить в темноте было дьявольски сложно. Да и отыскать причальную мачту, учитывая, что дирижабль боится огня. Хотелось бы посмотреть представление «на бис», но только занавес скоро должен был прийти в движение.

– Спускаемся, – коротко распорядился Командор.

Запасы водорода в хранилище были невелики. Однако тащить назад бомбы тоже было глупо.

Не хотел бы я оказаться на месте моряков, вдруг увидевших снижающегося в поисках очередной жертвы воздушного хищника!

Хотелось отбомбиться по нашим старым приятелям-британцам. Дабы впредь неповадно было влезать в чужие разборки. Жаль, нельзя. Англия нам войну официально не объявляла, и не стоит дразнить ее раньше времени.

Последняя серия легла удачно. Две из трех зажигалок плюхнулись на один из шведских линкоров, и тот послушно украсился языками пламени.

Мы описали прощальный полукруг и взяли курс на Ригу.

– Хорошо всыпали Карлушке! – Меншиков восторженно смотрел на бедлам за кормой.

Не знаю, уцелел ли юный шведский король. Монархи так просто не погибают. По мне, пусть живет. Лишь бы не лез не ко времени.

Тут столько дел, а всякие шляются, как у себя дома.

Отвлекают...

6. По ту сторону

Флейшман был прав. Короли так просто не умирают. Карл уцелел, хотя и благодаря случайности. Но война – это всеобщая лотерея. Тут уж кому что выпадет.

Случайность приобрела облик английского адмирала с квадратной челюстью. Пит позарез хотел еще раз встретиться со шведским королем, обговорить некоторые детали и потому упорно зазывал Карла на свой флагманский корабль.

Как истинный британец, Пит предпочитал принимать гостей у себя, а не ездить в гости. С точки зрения нормального островитянина, будущий английский лорд намного выше короля другой державы. Независимо – враждебной, нейтральной или союзной. И как бы швед ни звал к себе, после переговоров вышло встретиться у Пита.

Так и получилось, что Карл стоял на квартердеке британского линкора и в бессильной злобе смотрел вслед улетающему русскому воздушному кораблю.

– Почему не предупредили, что москвиты способны на такие штучки? – резко бросил король.

Пришлось стерпеть его тон. Ведь можно понять – тут любой рассвирепеет, понеся потери без всякого боя. Лишь из-за того, что противник воюет не по правилам.

– Я сообщал Вашему Величеству о воздушном корабле. Равно как и о воздушных шарах. Москвиты хотят освоить не только море, но и небо, – холодно ответил Пит.

– Я помню. Но одно дело – просто парить, а другое – сбрасывать сверху зажигательные снаряды, – еще более резко возразил король. – Об этом с вашей стороны разговора не было.

– При мне они не только не делали ничего подобного, но даже не говорили о такой возможности. Москвиты – крайне скрытные существа. И такая же компания Санглиера, которая во многом задает тон. Воздушный корабль изготовили они.

– Да кто они такие! – возмутился король и, не дожидаясь ответа, спросил: – Сколько у них таких кораблей?

– Был один, но поговаривали о строительстве новых.

Компания Кабанова действительно настояла на режиме секретности во всем, что касалось новых изобретений. Да еще порою сама запускала всевозможные слухи, чтобы сбить всех потенциальных шпионов с толку.

На самом деле о массовом строительстве дирижаблей не было речи. Даже второй воздушный корабль до сих пор смолился. Прямой непосредственной нужды в нем не было. Не в том смысле, что не к чему приспособить. В том, что погоды это не сделает. Второй дизель заведомо был последний, и порою во время очередных мозговых штурмов рождались самые фантастические предположения для его использования.

Берегли, берегли, а сейчас жалели.

Карл упорно думал, разглядывая царящий вокруг кавардак.

Два корабля взорвались. Еще на одном пожар каким-то чудом удалось потушить, но ни к каким действиям корабль был не пригоден. Даже для дальнейшего плавания.

Еще как минимум одно судно и шнява затонули при столкновении, и сколько-то едва держались на плаву. Все – без боя, далеко от врага. Сколько солдат погибло, не хотелось даже думать. И моряков. Но солдаты сейчас нужнее.

Зато приходилось думать о другом, и Карл напряженно размышлял над этим «другим».

– Будем высаживаться здесь, – наконец решил король.

– Где – здесь? – Вопрос вертелся на языке у всех окруживших короля генералов, но задан был тем же Питом.

– Здесь – это здесь, – отрубил Карл. – Где находимся. Дальше армия двинется по суше.

Генералы согласно кивнули. На земле эти потомки викингов после сегодняшнего налета чувствовали себя намного увереннее.

– Но по суше долго и тяжело, – начал британец.

– Зато не пожгут и не перетопят. Из-за кого я так задержался с походом? – напомнил Карл.

– А флот?

– Флот пойдет к Риге самостоятельно. Задача – захватить Динамюнде, а затем содействовать захвату города.

Только тут король сообразил, что находится на союзном корабле. Пришлось перебираться на первый же попавшийся уцелевший шведский линкор и уже оттуда посылать приказы.

Никаких сигналов еще не существовало. Важные распоряжения стали развозить на шлюпках и оказавшихся под рукой мелких судах. Флот был рассеян настолько, что передача распоряжений заняла кучу времени, да и то оставалось неясным, все ли получили необходимые приказы.

Время было летним, темнело поздно, однако управиться до ночи не успели. Высаживаться в темноте – негоже. Собранные кое-как корабли поставили на якорь неподалеку от берега, и с первыми лучами солнца многочисленные шлюпки тяжело двинули к песчаным пляжам Лифляндии.

Усилившийся ветер поднял волну. Потому высадка проходила тяжело и медленно. Особенно когда дело коснулось перевозки лошадей и артиллерии.

Корабли мотало на якорях, шлюпки бились о борта и, отвалив, то появлялись на гребнях, то проваливались в провалы между волн. Солдаты высаживались промокшие, а шлюпки с большим трудом преодолевали прибой, отправляясь за новыми партиями. Будь ветер хоть чуть сильнее, и десантирование стало бы вообще невозможным.

Солдаты радовались твердому берегу, как редко радовались чему-либо в жизни. Каждый из них без колебаний готов был встретить грудью любого неприятеля. Но летающее чудовище наводило на всех ужас. Сиди в трюме и жди, кого оно изберет своей жертвой. Скорей бы сойтись с коварным противником в честном бою да показать ему, что значит шведская доблесть!

Утро подтвердило правоту молодого короля. Часа через три после восхода солнца на юге послышался гул, и спустя какое-то время на горизонте показалось крохотное пятнышко.

Пятнышко стало расти, приблизилось, превратилось в знакомый воздушный корабль.

Не по себе стало даже самым бесстрашным. Тем, кому неоднократно приходилось в плотном строю стоять под выстрелами неприятеля. Там хоть была уверенность, что пройдет время и уцелевшие сойдутся с неприятелем, поднимут его на штыки, опрокинут, погонят прочь жалкие остатки. Здесь господствовало чувство приговоренных к смертной казни.

Дирижаблю тоже приходилось несладко. Большая парусность делала его весьма подверженным воздействию ветра. Маломощный движок с трудом удерживал аппарат на курсе.

Но внизу этого не понимали. Век других скоростей – и то, что воздушное чудовище двигалось медленно, воспринималось внизу само собой разумеющимся. Напротив, тяжелый и трудный для экипажа полет с земли казался грозным и неотвратимым.

Напрасно король ругался последними словами. Руганью нельзя было ни остановить вражеский дирижабль, ни предотвратить панику на собственных кораблях.

На берегу все было бардачно, но хоть относительно спокойно. Солдаты разбирались по ротам и полкам, выгружали вытащенные на берег шлюпки, кое-где разводились костры, чтобы хоть как-то обсушиться, по командам выдвигались разведывательные партии и охранение. На море ничего такого не было.

Кое-кто из капитанов пытался поставить паруса, рубил якорные канаты, чтобы попытаться уйти от опасности, хотя вчерашний вечер показал, что это невозможно.

Другие, наоборот, всеми силами старались ускорить высадку, облегчить суда в надежде, что пустые скорлупки не заинтересуют воздушное чудовище.

На этот раз дирижабль долго не бомбил. Он лишь совершал облет, наблюдая за происходящим внизу. Но и этого хватило.

Одна из спускаемых пушек рухнула в воду. Другая была расположена на баркасе настолько неудачно, что тот опрокинулся. Грузовой галиот, обрубив канат, не справился с управлением и выбросился на берег.

Но ему хоть повезло. Еще одно грузовое судно зацепилось за подвернувшийся некстати риф и затонуло в виду остальной армады. И хоть глубина была невелика, даже мачты остались торчать над водой, большинству находившихся на нем хватило и этого.

Карлу оставалось клясть в бессильной ярости коварство противника да мечтать о карах, которые настигнут экипаж воздушного корабля, если ему суждено будет попасть в плен.

Дирижабль попробовал все же отбомбиться. Но ветер неожиданно выступил союзником. Рыскание воздушного корабля на курсе мешало прицелиться. Даже бомбы не желали падать отвесно вниз и отклонялись в полете. Из шести сброшенных снарядов только один достиг цели. Прочие упали поблизости от бортов, бессильные нанести какой-либо вред.

Полет над местом высадки продолжался довольно долго. Потом дирижабль развернулся и улетел в сторону Риги. К немалому облегчению как моряков, так и солдат.

До вечера никто не тревожил шведов, если не считать непогоды. Но любой ветер и шторм казались мелочью по сравнению с воздушным налетом.

Ближе к вечеру зарядил дождь. Но пехота находилась уже на берегу, кавалерия и полевая артиллерия – тоже. Опустевшие суда, не занятые перевозкой осадной артиллерии и необходимого для взятия Динамюнде десанта, были отпущены. Боевые корабли снимались с якорей, начинали движение в сторону вожделенной Риги, и туда же по знакомым служившим в здешних местах дорогам двигались непобедимые шведские полки.

Что бы ни замышлял враг, атаки воздушного корабля добились противоположной цели. Все в армии, от солдата до едущего верхом короля, мечтали только об одном – посчитаться с москвитями за перенесенный по их вине страх.

Пусть никто не признавался в этом, но испытали бывалые вояки многое и теперь горели желанием отомстить за испытанное унижение.

Есть вещи, которые прощать нельзя.

Весь следующий день дождь лил почти без перерыва. Прибалтийское лето больше напоминает осень в иных краях. Отяжелели от впитавшейся воды плащи. Заблестела шерсть на лошадях. Дороги, и без того не слишком хорошие, превратились в сплошную грязь. Пехота с трудом выдирала из этой грязи неподъемные сапоги. А уж пушки вообще приходилось поминутно толкать, вытаскивать из каждой колдобины.

Несколько легче было кавалерии. Драгуны хотя бы не шли сами. А что до уставших лошадей, то кто и когда их спрашивал?

Дождь сослужил шведам хорошую службу. Пусть они проклинали льющуюся с небес воду, раскисшие дороги, собственную усталость, зато над ними ни разу не прошелся московский дирижабль.

Ладно – над ними! Флот тоже двигался в этот день беспрепятственно. Напрасно моряки с тревогой вглядывались в низкие тучи, прислушивались, не донесется ли сквозь завывания ветра и шум дождя знакомый басовитый гул воздушного чудовища. Кабанов решил не рисковать имеющимся козырем. По всем расчетам выходило, что время в запасе еще было. Да и плох тот полководец, который не рассчитывает ни на что, кроме чуда. А дирижабль тем

чудом и был. Высадка шведов прямо под Ригой не состоится, армия и флот разъединились, и пришла пора испытать вновь созданную армию в открытом сражении с умелым противником.

За Динамюнде Командор был более-менее спокоен. Сорокин знал свое дело и подготовил шведским морякам кое-какие сюрпризы.

Карл честно разделял со своими солдатами все тяжести нелегкого похода. Рожденный не столько королем, сколько воином, он не делал себе льгот и поблажек. Да и не желал их. Великие полководцы стойко переносили лишения, значит, надо следовать их примеру. Это было сущностью натуры молодого государя, и любой из солдат мог лицезреть своего предводителя, время от времени объезжающего растянувшиеся полки.

На ночлеге Карл уступил своим генералам оказавшееся поблизости поместье. Крестьянскую халупу он тоже занимать не стал. Расположился по-походному. Пусть не на промокшей земле, подобно простым солдатам, в поставленном для него шатре, но все-таки...

Утро выдалось солнечным. Дороги еще не просохли, однако идти сразу стало веселее. Скоро выяснились минусы хорошей погоды. Знакомый гул возвестил о прибытии вражеского дирижабля, и многие сотни губ поневоле прошептали разнообразные ругательства.

Московиты прошли над колоннами, наблюдая за противником с высоты. Нападать они не пытались, но все равно было неприятно, что все движения известны противнику.

Впрочем, сейчас Карл делал ставку не на неожиданность, а на силу удара. Пусть попробуют остановить шведских солдат в их всесокрушающем гневе! Даже лучше, если сумеют заранее вывести свои войска в жалкой попытке преградить армии путь на Ригу.

И пусть лучше летают здесь, чем бомбят идущий заливом флот.

Карл не имел с ним связи и не мог знать, что флоту еще достанется, но чуть позже. Не слишком сильно, но еще один фрегат взлетит на воздух в пороховом дыму и пламени да сгорит перевозящее часть осадной артиллерии судно.

Могло быть хуже, если бы Командор не уделял столько времени разведке. Во всяком случае, над армией воздушный корабль появлялся еще раз. Поближе к вечеру, чтобы точно знать место грядущего ночлега противника.

В сущности, какое-то время в запасе еще было. Или не было. В зависимости от того, где принимать бой.

7. Командор. Последние приготовления

...Я здорово волновался в предчувствии своего первого боя. Именно волновался, а не боялся. Хотя страх тоже присутствовал в той мешанине чувств. Но не страх быть убитым или раненым. По молодости я не верил в возможную смерть. Страх повести себя недостойно, не справиться, растеряться. Я был молод тогда, неопытен, ведь не считать же опытом учебу и учения. Пусть тяжело в учении, но и в первом бою нелегко. Просто потому, что еще сам не познал на собственной шкуре, что это такое – бой. Своего рода жестокий экзамен на знание выбранной профессии. А кто же не волновался перед первым экзаменом?

Никогда не вспоминал тех ощущений, а теперь вдруг вспомнилось. Наверно, ситуация в чем-то похожа.

Тогда тоже было долгое ожидание. Без малого две недели я находился в войсках и в то же время ни разу не побывал на боевых. Лишь видел возвращение других подразделений. Чаще – удачное, но было и с двухсотым грузом.

Нет, один раз, не то на пятый, не то на шестой день, подняли по тревоге, и рота на броне устремилась к месту диверсии.

Я трясся вместе со всеми, переживая про себя грядущее столкновение, прикидывая различные варианты, но действительность оказалась намного прозаичнее.

Никакой диверсии не было. Может, в штабе напутали, а может, сам штаб ввели в заблуждение. Нам не объясняли. Да и не такая структура армия, чтобы ждать объяснений. В общем, переживал, а выяснилось – зря.

Боевое крещение состоялось для меня чуть позднее. Мы вышли на операцию, и я опять волновался. Недолго. Пешая ходьба по горам не располагает к душевным терзаниям. Помимо собственного груза мы несли ленты к АГС и пулемету, мины для минометчиков, «мухи»... При такой нагрузке посторонние чувства куда-то уходят на втором километре. У особо крепких – на третьем.

Идешь да идешь. Работа такая.

А потом началась стрельба. В горах порою сразу не сообразишь, откуда она ведется. Я инстинктивно пополз прочь, стремясь укрыться, и уж потом...

Испугался ли я? Не знаю. Вроде бы нет. Вот что растерялся малость – это было. Молодой же был, неопытный...

Самое смешное, что полз я к противнику. А ребята решили, что отчаянно храбрый. На войне бывает и так.

К чему я это вспомнил? Наверно, к тому, что вновь оказался в той же ситуации. Уже не очень молодой, прошедший все огни и воды, но впервые выступающий если не в роли главнокомандующего, то где-то на уровне начальника штаба.

Мне доводилось командовать флотилиями, вот только на суше все операции, по существу, являлись партизанскими набегами. А так, армия против армии, не доводилось.

По нынешним временам силы с обеих сторон были немалыми. Это позднее появятся линии фронта, всевозможные оборонительные и наступательные операции. Сейчас судьба войны зачастую решается в одном большом сражении. Вернее, предопределяется.

Формально армией командовал Головин. На самом деле – Петр. Первый отнюдь не был злосчастливым герцогом де Круа. Сдаваться в плен или предавать боярин не станет. Но, выдающийся государственный деятель, дипломат, один из старших сподвижников Петра, военным в исконном значении слова не был. Исполнитель – да, а вот вершитель – увы.

Русский самодержец, несомненно, обладал всеми талантами стратега. Петр видел войну целиком. Постоянно помнил ее задачи, подчинял им прочие дела. Помнил о снабжении, о возможных передвижениях противника, о подготовке резервов и о многом другом,

без чего не выиграть войну. И лишь как тактик он уступал шведскому монарху. В моей истории – так точно. Противника нельзя недооценивать. Карла не зря станет восхвалять вся Европа. Если мы не сумеем сразу дать ему от ворот поворот.

Выходило, что полностью надеяться мне не на кого. Так, чтобы самому решать лишь полученные задачи, а общее руководство чтобы принадлежало другому.

Номинально – да, принадлежит. На деле я чувствовал себя ответственным за все, что произойдет при столкновении армий. Молодые курсанты мечтают стать генералами. Они еще не ведают, какая это тяжелая ноша. В твоих руках – судьбы тысяч людей. Пожалуй, даже больше, чем соберется их на поле сражения. Ведь от исхода зависит жизнь тех, кто пойдет в армию в случае неудачи. Возможно – мирных жителей. И уж наверняка – родных и близких всех, кому суждено пасть.

Вот я и волновался. В те минуты, когда оставалось свободное время. Главным образом – по ночам.

Узнав, что помимо шведской эскадры на нас идут англичане, Петр в первый момент откровенно растерялся и едва не впал в панику. Островная нация для него была образцом для подражания. Хорошо хоть, не во внутренней политике, а лишь в технике. И главным образом до нашего появления. Но отношение к ним как к первым учителям самодержец сохранил. И некоторый страх перед ними – тоже.

Все ему казалось, будто британцы – некие могучие и непобедимые существа. Но моя-то компания их бивала не раз...

Пришлось напомнить царю о нашем прошлом. И о том, что в политике друзей не бывает.

Но официально никакой войны Англия нам пока не объявляла. И это давало некоторый простор для маневра. Петр это тоже осознал и несколько успокоился.

Я уже заметил за ним такую склонность – при возникновении чрезвычайных обстоятельств легко впадать в панику, напрочь теряя способность здраво мыслить. Но если его вовремя поддержать, подсказать выход, то через некоторое время перед всеми вновь выступал неограниченный властелин довольно большого участка суши. Да и воли Петру было не занимать. Главное – переждать первые мгновения.

Наследство детских лет, блин!

Гораздо больше меня беспокоила Мэри. Как она отнесется к тому, что противником оказалась ее родина? Британский патриотизм – не пустые слова. В чем отдаю моим бывлым противникам должное – почти все они чувствуют ответственность перед своим государством. Мэри доставила нам столько хлопот...

Оказаться с ней еще раз в разных лагерях я не хотел. Принять ее сторону – не мог. Не люблю я Англию. Раз уж именно эта страна на протяжении всей истории вредила моей Родине.

Но – обошлось. По крайней мере пока. Мэри даже выразила удивление свершившемуся и предложила выступить в качестве посредницы. Но это уже явно было излишним.

Зато в борьбе со шведами предложил свою помощь Август. В обмен на захваченные нами земли. словно вся моя отчаянная авантюра предпринималась во имя того, чтобы одному красавцу королю усидеть на колеблющемся троне, а полякам – хапануть территории в добавление к уже имеющимся. Пусть на последних царит форменный бардак, но почему бы не распространить его на большую часть Европы, а в перспективе – на весь мир? Гонору у панства было хоть отбавляй. Лишь бы самим при том ничего не делать.

Сейчас Август предлагал не польские войска. Их попросту не было. Только шляхетское ополчение, которое можно будет собирать лишь с разрешения сейма в зависимости от исхода сражения.

Нет, польский король был еще курфюрстом саксонским и предлагал нам в помощь саксонскую армию. Полностью европейскую армию, организованную, вроде бы даже боеспособную.

Называется, хотел удружить. Никаких громких побед за саксонцами я не припомню. Если бы и припоминал, подойти они не успеют. Если бы и успели, шиш им с маслом, а не Рига. Вывод?

Петр был такого же мнения. После успеха воздушных налетов самодержец был настроен весьма оптимистично. Я даже несколько заколебался. Характер позднего Петра закалился в долгой и упорной борьбе, где победы чередовались с поражениями. А что случится, если успехи будут сыпаться непрерывно? Не вообразит ли он себя баловнем Фортуны, чтобы при первой же неудаче впасть в отчаяние?

Вряд ли. «Невзятие» Азова во время первого похода тому пример. Основа характера сформирована давно. Да и за всеми своими забавами Петр не забывает об Отечестве, ему врученном.

Некоторое время я думал: не применить ли охотничью команду по прямому назначению? Устранение высшего командования противника в мои годы превратилось в одну из целей войсковых операций всех стран. Но это – в мои. Сейчас все кому не лень обвинят нас в сознательном убийстве. Может, не слишком большая беда. Поговорят и перестанут. Да и смерть всегда можно списать за счет непредвиденных случайностей. Вот пуля пролетела – и ага. Она же дура. Не разбирает, король перед ней или солдат-простолюдин. Свинцу наши иерархии до лампочки.

Остановило меня совсем другое. Если уж не только после Полтавской виктории, но и после смерти Карла шведы продолжали сопротивляться в том времени, почему они должны сдаться в этом? Свято место пусто не бывает. Найдут другого претендента на трон. Зато смогут говорить в случае любого жестокого поражения, что виновата в том лишь гибель короля и по совместительству – военачальника. Иначе бы наломали из нас дров.

Нет. На первый раз нам нужна лишь чистая победа. Чтоб никаких сомнений. А что до технического превосходства, так, милые, кто вам мешал развивать промышленность и воинскую науку, вместо того чтобы по старинке переть напролом?

Великими полководцы становятся не только в силу таланта и удачи, но и благодаря введенным ими приемам. Дальнобойные штуцера, многозарядное оружие, ракеты, усовершенствованная артиллерия – это ведь тоже прием. Ничем не коварнее, чем аркебузы конкистадоров и их лошади против индейцев, не ведавших ни пороха, ни скакунов.

Собственно, обеспечение превосходства в вооружении и силах – одна из аксиом военной науки.

Да и так ли велико нынешнее превосходство?

Сверх того, не хотелось вводить террор в ранг государственной практики. Убрать Карла нетрудно, а если подобное возьмут на вооружение остальные государства? Пока убийства нежелательных монархов – редкие исключения. Но содействовать череде бесконечных покушений на правителей самых разных стран...

Нет уж. Хватит девятнадцатого века с его непрерывным террором. И тем более – двадцатого и двадцать первого. Пусть война остается войной. В ней и так хватает уголовщины, возведенной в правила. Не считая той, которая включена в разряд «преступлений воинских».

В эти последние дни я занимался и другими вопросами. В свое время не успел убедить Петра, приходилось наверстывать это сейчас.

Армия – организация иррациональная, некоммерческая. Тут главное – воинский дух, понятия долга и чести. В Европе с ее вечными вывихами удалось даже службу сделать статьей дохода. Пусть получают наемники немного и часть зарплаты выдается им палками капрала, но все-таки главных стимулов два – получить денежку и избежать наказаний.

К счастью, хоть тут Петр не стал перенимать не лучшие образцы. Армия в своей основе сразу стала национальной. Плоть от плоти народа. Пусть пока лишенная вековых традиций, но они появятся сами.

Однако армия – не только солдаты. Главное – создать офицерский корпус, сделать военную службу не просто обязательной для дворян, а в первую очередь престижной. Для укрепления же воинского честолюбия учредить награду.

Один орден Петр уже учредил. Святого Андрея Первозванного, чьим кавалером я неожиданно стал. Однако орден по своей сути предназначался для высших чинов армии и гражданской службы. Подвиги же совершаются всеми, независимо от занимаемой должности.

Военный орден учредит Екатерина. Правда, не будет ее в этой реальности. Но разве может быть русская армия без Святого Георгия? Орден, вручаемый за небывалый подвиг любому офицеру, дабы видел каждый: перед ними – подлинный герой. Лучший из лучших.

Мы долго вспоминали с Сорокиным все, что знали об ордене, и в итоге перед самым появлением эскадры составили проект. Ничего принципиально нового в нем не было. Четыре степени. Четвертая – для награждения офицеров. Третья – генералов. Вторая – за исключительные заслуги. И еще выше первая. Плюс – Знак отличия военного ордена для солдат.

Кавалерам даже в отставке разрешить носить мундир. Обязательно – полную пенсию. Еще кое-какие льготы. А главное – честь. Это для партийных советских работников награды были чем-то вроде подарков к юбилею. Для военных орденов – прежде всего символ доблести. Совсем другой коленкор.

Женя Кротких, в добавление к своим музыкальным талантам весьма недурно рисовавший, изобразил внешний вид орденов и черно-оранжевые ленты. Мы с Костей написали статут.

Я побаивался, что Петр отмахнется от нашего проекта как несвоевременного. А то и просто не заинтересуется им.

Вопреки опасениям, все прошло на удивление гладко. Петр уточнил некоторые пункты, подумал и размашисто написал: «Быть по сему. Петр». Сидящий тут же Меншиков сглотнул слюну и посмотрел на свой камзол. Он, видно, уже прикидывал, что надо сделать, дабы в самом ближайшем будущем стать кавалером ордена.

Да что осуждать! Признаюсь, я довольно спокойно воспринял мое награждение Андреем, зато вдруг очень захотел иметь заветный эмалевый крестик. Но разве подобное желание плохо? Даже если служить не за звания и не за ордена?

Вечером я имел серьезный разговор с Мэри. Она нам очень помогла в захвате Риги, однако одно дело – неожиданное нападение, а другое – полевое сражение. Ядра и пули рвут женские тела так же жестоко и тупо, как мужские. Я боялся, что моя леди и тут решит следовать за мной.

К счастью, напрасно. Еще в полной мере сохранялось разделение между мужскими обязанностями и женскими. А что может быть более мужским делом, чем война?

Мэри была изначально воспитана не лезть в дела мужчин. Хотя порою и лезла, но тут воспитание все же сказалось и женщина неожиданно легко согласилась остаться в Риге. Даже не попросила беречь себя. Это тоже эпоха. Мужчина не должен бояться. Если уж суждено умереть, то умирать надо без страха, не оглядываясь на семью и незавершенные дела.

Умирать я не собирался. Как и праздновать труса. Но чем черт не шутит! От судьбы не уйдешь.

Еще один камень с плеч долой! Я был очень благодарен Мэри за понимание. Только не знал, чем ее отблагодарить за все, для меня сделанное. Я ведь даже не мог уделять ей много времени, по горло и выше заваленный самыми различными делами.

К полудню следующего дня нас ждала хорошая новость. Высокий пышноусый офицер объявил, что явился в наше распоряжение с двумя слободскими казачьими полками. Изюмским и Ахтырским. Пусть это еще не были привычные названия гусар, но ведь грядущая слава на чем-то основывалась!

Я не очень доверял имеющейся у нас кавалерии. Помещичья конница была типичным ополчением с низким уровнем дисциплины, разнообразно вооруженная, малопригодная к регулярному бою. Новые драгунские полки, по-моему, были еще сыроваты. Конная служба требует немалой подготовки, да в придачу ко всему – соответствующих начальников, умеющих мгновенно реагировать на быстро меняющуюся обстановку боя. Подготовка пока хромала. Во всяком случае, я не заметил безупречных рядов на маневрах и отличного владения оружием. С начальниками вообще была беда. Иностранцы попадались неумелые. Свои тоже мало на что годились. Все придет с опытом, только потом может быть поздно.

Будь моя воля, я бы начал войну года на два-три позже, более тщательно подготовившись к каждой мелочи. Тогда можно было бы открыть сражение собственной атакой. Пока же армия для сложных маневров приспособлена мало. Одни полки великолепны, другие – неплохи, а третьи могут сражаться лишь на отведенных им рубежах.

Да... Получить пару лет отсрочки было бы очень кстати. Но ситуация не оставила нам выбора. Конфликт назрел сам собой, вне зависимости от желаний. Я лишь смог перенести его на несколько месяцев раньше, чтобы не воевать поздней осенью. Ладно. Устроим шведам досрочную Полтаву под Ригой.

Шведская эскадра болталась уже неподалеку от Динамюнде. В дела Сорокина я не вмешивался. Самое плохое на войне – это обилие начальства. Костя справится сам.

А я?

Вечером Петр вызвал Шереметева и приказал идти с кавалерией навстречу шведам. Задержать, насколько возможно, а если получится, то и потрепать. Поход намечался на утро, и два слободских полка имели минимум времени на отдых.

Шереметев на роль кавалерийского начальника вообще не подходил. Основательный, но без огонька и готовности к риску, он неплохо бы командовал пехотой в обороне.

И все равно больше назначить было некого. Но я уговорил Петра дать в помощь боярину Алексашку. Меншиков – человек способный, к тому же горящий желанием быть лучше всех. Готовый в любой момент поставить на карту все. Еще бы опыта побольше, тогда всю конницу можно было бы отдать ему.

И еще с ними шел Лукич. Казак, пусть выбранный походным атаманом, командовать остальными частями войска не мог, к тому же – не рвался, зато умел действовать со своими полками. Этот не будет рассуждать о невозможном. Как и не будет атаковать сломя голову. Зато ночью Карл получит несколько приятных часов.

Ничего. В его возрасте много спать вредно. Пусть получит легкое предупреждение о поджидающей его судьбе.

Но все равно волнуюсь. Пусть у нас солидный перевес в силах, минимум полуторный, а если учесть скорострельность и убойную силу нашего огня – то как бы не десятикратный.

Здорово обнадежил Петрович. Он поднапряг память и сумел изготовить так называемую мазь Вишневского. В принципе в первоначальном рецепте – мед в сочетании с чем-то там еще. В былой реальности на полях Второй мировой эта мазь спасла десятки тысяч жизней, залечивая разнообразные раны. Теперь бывший корабельный эскулап со всеми выпускниками своей школы, ставшими военными фельдшерами, находился при армии в готовности

лечить тех, кому не слишком повезет. Убитых не воскресить, однако раненых спасти будет можно. Хотя бы часть.

– Может, использовать мины? – в десятый раз предлагал Сорокин во время последней встречи перед боями.

Мы давно наготовили морские мины для защиты устья Даугавы, однако использовать сухопутные образцы я отказался наотрез. Косте хорошо. Он не воевал в горах, а у меня неожиданно встала перед глазами, казалось бы, давно забытая картина.

...Операция была большой. По меркам той войны. Все ведь на свете относительно. Шесть батальонов из четырех разных полков, которые командование сумело собрать, было невиданной силой в сравнении с нашими раскиданными на огромных пространствах гарнизонами.

Но и территория проведения была немалой. Настолько, что большинству участников увидиться было не суждено. Кого-то десантировали на горные площадки вертолеты, но большинство, подобно нам, выдвигались на исходные позиции на броне.

Наш батальон вместе с приданной танковой ротой пылил к близким горам. Мирных земель в здешних краях не было нигде. Сколько раз случалось возвращаться после операции и нарываться по дороге на засады! Потому шли мы, как всегда, по-боевому.

Тут тоже превалировала местная специфика. Было странно видеть сидящие снаружи танковые экипажи. Одни механики-водители обреченно занимали положенные места. Но так в случае подрыва хоть у троих из четверки был внушительный шанс уцелеть.

Мины. Они были везде. На дорогах и обочинах, на горных тропах, везде, где только могли лежать наши пути.

«Бээмпэшки» были облеплены людьми. Никто не хотел находиться внутри. Пуля – она дура. Может, мимо просвистит. Тут ведь судьба. Да и сидеть – не бежать. На большинстве солдат были бронежилеты и каски. Безопасность они гарантировать не могли, но порою помогали. Бронежилет – больше, каска – меньше. Не каждая пуля бьет по прямой и в полную силу. Многие долетают на излете. Какая-то скользнет рикошетом. Кому как повезет. Некоторые вообще предпочитали просто подкладывать штатное средство защиты под зад. Вся дополнительная защита при подрыве.

Перед спешиванием все это спасительное железо почти все оставляли в машинах. Каждый нес с собой оружие, боеприпасы, пайки, воду, спальник, да еще дополнительно – ленты к автоматическому гранатомету (между прочим, четырнадцать с половиной килограммов) или к пулемету. Ну и парочку мин к миномету. Этакий человеко-верблюд. Тащить на себе еще и бронежилет было уже выше человеческих сил. Без того спасала только молодость...

Лица, одежда, оружие – все было в вездесущей пыли. Трудно было дышать. Даже в рту, кроме пыли, не было ничего. Ни слюны, ни слов.

Тишина. Так называлось время, когда не стреляли. Рев моторов казался такой мелочью... На этот раз никто не нарушил покоя, не попытался достать кого-нибудь пулей или несущейся к броне гранатой. Пока везло.

Дорога разошлась у подножия гор. Собственно, тут они были не настолько велики. Но – не равнина.

Роты стали расходиться каждая в свою сторону.

Если верить карте, нашей надо было проскочить еще километра полтора, а дальше – спешивание и, скорее всего, бой.

Что такое полтора километра? Проедешь и не заметишь. А тут метры отсчитывают порою жизнь.

Моя машина шла второй после «бээмпэшки» ротного. Бойцы напряженно вглядывались по сторонам. Никто не знает, откуда и когда начнется.

Рвануло сзади. Я повернулся мгновенно. Настолько, что увидел несущиеся из-под левой гусеницы вверх дым и пыль и тела сброшенных бойцов в коротком полете.

Колонна резко встала. Бойцы привычно спрыгнули на землю. Наводчики скользнули в башни, и пушки стронулись с места в поисках цели.

Обычная тактика: мины – а в стороне засада со стрелками. Но выстрелов не было. Я мельком отметил сноровку солдат и рванул к подраненной машине.

Сброшенные взрывом бойцы поднимались на ноги. Кто-то рывком, кто-то осторожно, пытаюсь проверить: цел или ранен? Двое удержавшихся на броне торопливо спрыгнули вниз, заозирались, все еще не веря в спасение.

– Целы?

Кто-то кашлял от набившейся в легкие пыли и дыма, кто-то потирал ушибленное колено. Я готов был ощупать ребят в попытках убедиться, что все в порядке, скользил взглядом по лицам и телам и еще не забывал непрерывно оглядываться – нет ли засады?

– Шамиль! – вспомнил кто-то.

В сдвинутом по-походному люке никого не было. Я торопливо вскочил на броню и заглянул внутрь.

Сквозь нерассеявшийся дым был виден лишь затылок шлемофона да плечи. Голова водителя свесилась, а значит...

Кто-то из бойцов оказался рядом. Я так и не успел увидеть кто. Не до того было. Руки сами подхватили мехвода под мышки, напряглись, помня, каким тяжелым бывает обмякшее тело.

Оно пошло вверх неожиданно легко, словно вопреки всему вдруг стало легче.

Без «словно». Нижней части туловища просто не оказалось. Мина легко пробила слабое днище БМП. Если бы взрыв произошел под правой гусеницей!.. Но рвануло под левой, и механику откуда-то из-под Казани оторвало ноги.

Нет ничего хуже левого подрыва.

Потом я видел людей, наступивших на «итальянки», как звали мины итальянского производства. Их мощности хватало лишь на то, чтобы оторвать ногу. Человек оставался калек в двадцать лет.

Видел зацепивших растяжки и разорванных на части или изрешеченных осколками в зависимости от величины заряда.

Видел, как разлетелась на части наткнувшаяся на фугас боевая машина десанта, слишком легкая для рассчитанного на танк «подарка». Видел и поврежденные танки. Видел, как катил без отлетевшего колеса удачливый БТР. Им при подрыве иногда везло.

Наконец, сам был слегка контужен при правом подрыве своей БМП. Но в тот раз все остались живы.

– Шамиль!

Кто-то вытащил кусок брезента, и водителя положили на него. Из обрубка тела обильно текла кровь.

– Вот суки! – выругался кто-то.

Попадись сейчас противник – и его могли бы голыми руками разорвать на куски.

Но молчали горы.

Уже потом мне сказали, что «бээмпэшка» ехала буквально след в след за моей. Кратный взрыватель, срабатывающий лишь после определенного числа проходов.

Механик-водитель на БМП сидит слева. Потому так страшен левый подрыв...

Никаких мин на суше! Лучше уж пусть противников будет трое на одного, но только не таящаяся под землей смерть! Такие изобретения внедряются в дело слишком быстро, и как бы нам самим не наткнуться на повторение собственных сюрпризов...

Я готов устроить врагу любые пакости, но только не это.

Другое дело – на воде...

8. Накануне

– И что вы думаете по этому поводу?

В вопросе звучала скрытая укоризна. Как же так! Быть в Москве – и не заметить никаких приготовлений к войне.

– Я предупреждал: московиты умеют быть очень скрытными. Как и о том, что царь Петр хочет вернуть утраченные когда-то земли в Прибалтике, – напомнил лорд Эдуард.

– Но Рига к числу русских земель не относилась, – напомнил первый лорд Адмиралтейства.

– Как и к числу шведских, – парировал его собеседник. – Бывшие владения Ливонского ордена, по его исчезновении оставшиеся без хозяина и захваченные шведами.

– Все равно... – Лорд задумчиво повертел в руках бокал. – Никто вас не укоряет. Юный шведский оболтус все равно бы не внял нашим предостережениям. Вопрос в другом – что нам предпринять в связи с изменением ситуации? Вы лучше знаете царя и его страну, поэтому ваше мнение весьма ценно.

Эдуард кивнул, мол, знаю, однако мнение высказывать не спешил.

– Как посол в России вы имеете право знать. Существует два взгляда на происшедшее, – медленно проговорил лорд. – Первый – помочь Швеции, как не столь давно помогли ей с Данией. Война за Испанское наследство может разразиться в ближайшее время, и помощь шведской армии будет отнюдь не лишней. Мы поможем Карлу, он поможет нам.

– А вторая точка зрения? – уточнил Эдуард.

– Вторая – предоставить событиям течь своим чередом. Мы заинтересованы в торговле с Москвией. В случае войны наши отношения на некоторое время охладят, а это означает большие убытки для многих лиц. Кроме того, Карл неуправляем. Мы не можем поручиться, что он начнет помогать нам, а не бросится в глубь Московии, чтобы навсегда покончить с этим государством. Поэтому многие полагают за лучшее выждать. Справятся шведы сами – хорошо. Не справятся... Что ж, один порт на Балтике мы вполне можем московитам позволить. Особенно в связи с тем, что царь Петр стал налаживать торговлю с нашими противниками, используя для этого Черное море и договор с Великой Портой о свободном проходе купеческих судов через Дарданеллы. Или же, как вариант, мы можем выждать, пока Карл сам попросит у нас помощи, и потребовать в ответ выполнения ряда условий.

– Мне кажется, выждать гораздо предпочтительнее. Насколько я изучил Петра и его приближенных, в случае наших действий они вполне могут отказаться от торговли с Британией. – Лорд Эдуард скорбно вздохнул. – До сих пор царь очень хорошо относился к нашей стране, но тут вполне может не только переориентироваться на Францию, но и в отместку заключить с ней союз. Пока все противоречия между ними заключаются в Польше. Но почему бы им не найти общий язык?

– Союз, говорите? – хмыкнул хозяин кабинета. – И что Людовик от этого выиграет?

– Поверьте, многое. Армия московитов уже не та, как при моем первом приезде. Рейды в Крым, захват крепостей – это далеко не все, на что она способна. Я присутствовал на учениях некоторых частей и не могу не сказать о высоком уровне подготовки. Есть слабые полки, но есть весьма сильные. И при энергии царя Петра и его ближайших помощников остается признать: пройдет немного времени и слабые будут равняться на сильных. Добавьте к этому новинки в вооружении. Плюс – незаурядного полководца во главе. Не удивлюсь, если король Карл высадится в Прибалтике и будет там немедленно разбит.

Лорд Эдуард начал говорить спокойно, как подобает джентльмену, но под конец в голосе поневоле прорезалось чувство. И непонятно какое – восхищение сделанным или страх перед ним же. А то и оба чувства вместе.

Хозяин кабинета внимательно посмотрел на гостя и спросил:

– Вы предлагаете заключить союз с москвитами?

Моральность прежнего со шведами при этом не обсуждалась. Союзы существуют до тех пор, пока они выгодны.

– Только выждать. Нет нужды помогать северному медведю. Лучше посмотрим, во что выльется война. Справятся сами со шведами – молодцы. Нет – и не надо. В первом случае можно будет завести речь с царем Петром о совместных действиях против Франции. Во втором – говорить со шведами. Но ни в коем случае не ввязываться в их потасовку.

– А этот, как его?.. Кабанов-Санглиер? Он что?

– Дело в том, что у меня в настоящее время с ним установились неплохие отношения. Пусть другом Англии он не является, но он уже не является и ее врагом.

В кабинете воцарилось молчание. Первый лорд напряженно размышлял. Потом отставил недопитый бокал в сторону и скупо улыбнулся:

– Хорошо. Считайте, что ваши рекомендации приняты. Будем ждать. Вам же надлежит как можно скорее отправиться опять ко двору царя Петра. Инструкции получите завтра утром.

Войска растянулись сверх всякой меры. Прибалтика традиционно не изобиловала количеством дорог. Как и их качеством. Римские легионы в свое время сюда не совались, а местные жители, будь то дикие ливы, тевтонские рыцари или нынешние культурные шведы, прокладкой сухопутных путей себя не утруждали. Есть кое-какие протоптанные дороги, и ладно.

Теперь об этом приходилось сожалеть. Для ускорения марша обоз с собой был взят минимальный. Все продукты конфисковывались у местных крестьян. По летнему времени запасов у последних почти не сохранилось. Ну, так это их проблемы. Не заботиться же о пропитании каких-то рабов!

Артиллерия была только полевая. Всю тяжелую везли корабли. Скорость – самое важное качество армии.

Солдаты все были бывалыми, привычными к долгим переходам, и все равно армия растянулась на километры. Ничего поделать с этим было нельзя.

Карл мог находиться в любом месте. Он то и дело мчался вдоль колонн, подбадривал, подгонял, обещал скорую победу, а с нею вместе – богатую добычу, славу и долгожданный отдых. Но чаще всего король находился впереди. Он в полном смысле вел войска. Как и положено полководцу, без сомнений и колебаний.

Если не считать пролетавшего изредка дирижабля, поход проходил довольно гладко. Плохо, что москвитам известно направление движения и расстояние. Но что с того? В борьбе против европейских армий Карл сделал бы ставку на внезапность и маневр. Против москвитов достаточно будет грубой силы.

Тот, кто привык действовать исключительно коварством, в открытом бою стойким быть не может.

Втайне Карл опасался, что москвиты давно сбежали из Риги. Убедились, что их налеты на корабли не смогли остановить доблестных шведов, да и торопливо скрылись среди необъятных азиатских просторов. Ежедневное же появление дирижабля – не более чем очередная хитрость, дабы король не пустился в погоню раньше времени и продолжал движение к покинутому городу.

Это было бы обидно. Невелика честь разбить дикие орды. Зато очень хочется поквитаться с москвитами за все. За отказ целовать крест и клясться в вечном мире, за подлый захват Риги, за гнусное нападение на шведский флот. Да так поквитаться, чтобы у их правнуков при одном упоминании шведского имени поджилки тряслись.

Выстрелы, раздавшиеся где-то спереди, там, где находился головной дозор, заставили всех вздрогнуть. Не от страха. Просто на смену ожиданиям наступила пора действий. Король хотел немедленно поскакать туда, узнать, в чем дело, однако был немедленно задержан сопровождавшими его генералами и офицерами.

– Подождите, Ваше Величество, – решительно встал на его пути полковник Шлиппенбах. – Не дело главнокомандующего мчаться на каждый выстрел. Вдруг там засада? Зачем же доставлять противнику радость?

В словах полковника был определенный резон. О коварстве москвитов говорили в войске все. И предположение о засаде выглядело вполне возможным. Как, впрочем, и об обычной стычке встретившихся разъездов.

Шлиппенбах не учел одного – король не боялся опасностей. Напротив, мысль, что впереди дерутся, только подстегнула его желание немедленно оказаться там, принять участие, показать всем свою удалость и воинское умение. Но на пути короля стеной встала свита, и лесная дорога не позволяла объехать ее.

Впереди в ожидании застыли головные эскадроны драгун. Прошло несколько томительных минут, и вдоль их края к королю галопом промчались двое всадников – из головного дозора в два десятка человек.

– Засада, Ваше Величество! – рявкнул один.

Второй лишь морщился да зажимал рукой окровавленный бок.

– Подробнее, – потребовал Шлиппенбах, нимало не смущенный присутствием короля.

– На нас напали. Какие-то дикари. Кого застрелили, кого изрубили. Вот только нам удалось вырваться, – в несколько приемов выдохнул драгун.

– Много их было?

– Не меньше полусотни.

Карл окинул взглядом свиту и резко выкрикнул одному из адъютантов:

– Пауль! Бери три эскадрона и уничтожь эту шваль! Нет! погоди! Возьми в плен хотя бы пару человек.

– Слушаюсь! – Адъютант дал коню шпоры и помчался вдоль передней колонны.

В ней немедленно возникло движение. Три головных эскадрона согласно приказу короля дружно помчались по дороге, на ходу выхватывая из ножен тяжелые шпаги.

Остальные двинулись следом. Узкая дорога не позволяла развернуться в боевой порядок, но солдаты теперь зорко смотрели по сторонам: не притаился ли кто за кустами или деревьями?

Снова ударили выстрелы. Но значительно дальше, чем в первый раз. И звучали они дольше. Будто стреляло не полсотни человек, а минимум раз в пять больше.

Король вновь попытался рвануться навстречу схватке и вновь был удержан готовой к этому свитой.

Зато теперь оба головных полка без всякой команды помчались вперед, и, огибая генералов, застывших у самой кромки дороги, туда же едва ли не бегом направилась шедшая чуть позади свиты пехота.

Король наконец-то смог принять участие в общем движении. Через некоторое время открылось место схватки. Вдоль дороги и в близлежащих кустах валялись трупы. Как тут же отметили генералы, почти все – шведские. Попалась среди них пара людей, одетых даже не в форму, а в некое подобие простонародного костюма, и это соотношение павших действовало на всех далеко не лучшим образом.

– Мы уложили их гораздо больше! – возбужденно пытался доказать драгунский офицер в распоротом мундире. – Но они, похоже, забирают своих. Москвиты вообще ведут себя нечестно. Нападают из-за кустов. Чуть что – удирают, а когда погоня углубится в лес, нападают на нее еще раз с самой неожиданной стороны. Так же нельзя!

И какой-то сержант поддержал его матерной тирадой, в которой приличными словами было: «Когда же кончится этот... лес!»

– Уже скоро, – отозвался кто-то из свиты, очевидно бывавший в этих местах.

И тут рвануло сзади. Раз, другой, третий... После взрывов некоторое время говорили ружья, и вдруг повисла тишина. Или это только показалось после грохота? Едва пропал звон в ушах, как стало ясно, что ничего еще не закончилось. В чаще то тут, то там стреляли. Слышались крики. Не обязательно боли и ярости. Прочесывающие лес драгуны перекрикивались между собой, то обнаруживая следы нападавших, то, напротив, не находя ничего подозрительного.

Не обошлось без ошибок. Несколько раз стреляли в своих. Хорошо хоть, обычно запоздало узнавали форму. Но были и жертвы.

Прочесывание леса не дало никаких результатов. Налетчики словно растворились среди деревьев. Выбравшись на свободное от них место и подсчитав потери, Карл невольно выругался.

Убитых, раненых и пропавших без вести оказалось больше полутора сотен. Плюс шесть взорванных больших фур с порохом. На поиски злоумышленников пришлось выслать половину всей кавалерии, но результатов это не дало.

Местные крестьяне рассказали о каких-то чужих отрядах, рыскавших по окрестностям. Забитым, лишенным всяких прав ливам было глубоко наплевать, кто именно правит здешними землями. Лишь бы не грабили, ограничиваясь и без того неподъемными поборами, да не трогали просто так.

Драгуны и не трогали. Если же забирали кое-что из еды, то надо же солдатам чем-то питаться в походе! Да если позволяет время, то почему бы не порезвиться с женщинами? Мужья и отцы все равно возражать не осмелятся.

Этим и исчерпывались все итоги поиска.

На ночь пришлось предусмотрительно расположиться в поле. Под прикрытием стражи и многочисленных костров, поминутно ожидая налета из темноты.

Но нападения не было. Лишь порой на свет костров прилетали редкие пули, и несколько часовых поплатились здоровьем, а кто и жизнью за нахождение поблизости.

Утро застало шведов невыспавшимися, злыми. Единственный, кто был бодр, – это Карл. Юный король спал едва ли не меньше всех в лагере, но сознание того, что Рига уже недалеко и, следовательно, близок час решительного удара по коварному противнику, придавало ему сил, опьяняло не хуже вина. Если бы еще враг перестал наносить удары исподтишка, принял честный бой! Король возносил об этом пылкие мольбы, надеясь, что там, наверху, его обязательно услышат и дадут долгожданный шанс поквитаться сразу и за все.

Молилась о том и вся армия. От генералов до обозных. Лучше уж генеральная баталия, чем ежеминутное ожидание нападения и засады в каждом удобном месте. А там Бог поможет своим верным сынам, как помогал множество раз до этого и, несомненно, будет еще много помогать позже.

Бог, он всегда на стороне правильно верующих. А чья вера подлинна, в отличие от московитских ересей?

Вот то-то же. И сколько бы врагу ни помогал сам дьявол, в схватке им не устоять.

И день такой настал.

Впрочем, до этого был другой, когда корабли, устав маячить рядом с устьем Даугавы, решились на штурм небольшой крепости...

9. Динамюнде – крепость у устья

Небольшой парусный бот ходко двигался от берега по направлению к стоящей наготове эскадре. Ветер был не очень благоприятный для подобного путешествия. Гораздо удобнее с таким идти к берегу, чем прочь от него. Но погоду не заказывают. К тому же бот весьма умело лавировал, что доказывало опытность находящихся на его борту.

Собственно, именно ветер несколько задержал предстоящую операцию. Целых три дня он упорно дул с берега. В сочетании с мощным течением из реки это делало одновременный вход эскадры в устье почти невозможным. А попытка приблизиться к крепости поодиночке превращала бы предприятие в неоправданно опасное. Дуэль береговых батарей с одиноким кораблем не сулила последнему ничего хорошего. Понятно же, что с твердой земли гораздо проще попасть в цель, чем с качающихся палуб. Всей эскадрой подавить форт вполне реально, а вот единственным фрегатом или линкором – тут требуется невероятное везение.

Потому моряки и ждали. Даже несмотря на риск вновь подвергнуться бомбежке с воздуха.

Кое-кто на совете предлагал отойти подальше от берега, пока не переменится ветер. Словно дирижабль москвитов не мог далеко отдалиться от суши. Ясно же: сверху видно все и найти эскадру летунам не составит ни малейшего труда. Что стой здесь, что прижмись к дюнам Сааремы – итог будет один.

Угнетала полная беззащитность от атак с воздуха. Противник мог напасть в любое время и безнаказанно громить хоть весь флот, хоть отдельные цели – поделаться с этим ничего было нельзя. Но и уходить, не попытавшись добиться цели, было попросту стыдно. Те, кто не побывал под сыплющимися с небес зажигательными бомбами, кто не видел, как горели без славы и надежды могучие корабли, сочтет подобное очередными побасенками. Из тех, которые в изобилии привозят моряки из любого большого похода.

Виданное ли дело – летать по воздуху!

Не зря ползут по командам слухи, что москвитам помогает сам дьявол. И только надежда, что за шведов – Господь Бог, как-то удерживала людей от немедленного бунта и требований повернуть прочь от лифляндских берегов.

Но даже надежда бы не помогла, повторись нападение. Однако москвиты лишь пролетали пару раз над эскадрой, не пытаясь ее бомбить. Немногочисленные оптимисты как-то не очень уверенно стали говорить, что дьявольский огонь у противника кончился и потому они отныне будут лишь летать, в бессильной злобе разглядывая грозные корабли. Пессимисты же молчали и с тоской глядели то на небо, то на виднеющийся в отдалении берег. Что им оставалось после того, как наиболее говорливых по приказу адмирала повесили на реях?

И вот теперь ветер стал меняться. Лучше уж бой с его неизбежным риском, чем бесконечное ожидание гибели.

Корабли стали распускать паруса. Канониры привычно подносили к орудиям порох и ядра. Рядом с пушками поместили сосуды с уксусом для охлаждения стволов. Приготовили песок, чтобы засыпать кровь, которая неизбежно прольется на палубы. Десантные команды с облегчением стали готовиться к высадке. И тут появился этот бот под белым парламентарским флагом.

Вековые обычаи войны не только не препятствовали общению с парламентарями, но, наоборот, всячески поощряли их.

Никакой ненависти к врагу. Воины дерутся ради славы и чести, как в рыцарские времена. Даже убивать врага надлежит с улыбкой. А перед тем вполне можно с ним поговорить. И даже подружиться. В войне ли, в мире ли, но благородства нельзя терять никогда.

А вдруг враг испугался и хочет капитулировать на почетных условиях?

Ерунда, конечно. А вот уйти москвиты могут вполне. Увидеть, чем им грозит дальнейшее пребывание в захваченных землях, да и пойти на попятную.

К изумлению многих, бот направился не к флагманскому кораблю, а к британскому линкору.

Впрочем, Пит этому обстоятельству ничуть не удивился. К кому же обращаться, если не к представителю Его Величества?

На боте спустили парус, и небольшой корабль по инерции подошел к высокому борту «англичанина».

Немедленно был спущен трап, и спустя полминуты русский парламентар оказался на чужой палубе.

– Капитан-командор Сорокин, – представился он встречавшему его офицеру.

В представлении не было нужды. Стоявший на шканцах Пит узнал одного из людей Командора. Разве что неприятно поразил новый чин старого знакомого.

Ох, быстро растут они по службе! Не успели расстаться, как почти догнали по званию. Единственное утешение – быть капитаном английского флота намного почетнее и весомее, чем адмиралом русского. Да и не капитан уже Пит.

Сорокин тоже узнал британца, однако приветствие прозвучало бесстрастно, как и положено в подобных случаях.

– Государь Петр Алексеевич желает знать, на каких основаниях британские военные корабли подошли к Риге.

Вопрос был безжалостно точен.

– Англия является союзницей Швеции, – твердо ответил Пит.

– Означает ли это, что Его Величество английский король объявил войну России? Никаких извещений об этом пока не было.

Пит поневоле замялся. Ответ утвердительно, и если в Лондоне вдруг решат иначе – тогда не сносить головы. Британец достаточно хорошо знал гибкость политики своей родины. При сохранении общей направленности сегодня вопрос решается так, а завтра – иначе.

– Рига – исконно шведский город. Мы явились сюда по приглашению Его Величества шведского короля.

– Отныне Рига – часть русских владений. Заодно могу напомнить, что город был завоёван шведами и посему не может являться исконно шведской территорией.

Два представителя разных держав твердо уставились друг другу в глаза.

– По поручению Его Величества Государя и Самодержца всея Руси Петра Алексеевича довожу до вашего сведения, что любые враждебные действия со стороны вверенных вашему командованию британских кораблей будут расцениваться как начало войны. Все британские корабли, находящиеся в российских портах, будут немедленно интернированы. Имущество британских подданных – конфисковано, а сами они – арестованы как представители вражеского государства.

А это уже был удар под дых. Коварный и неотразимый.

Как бы ни хотелось британцу покататься с москвитами, но после этого вместо награды за благое дело последует неизбежное наказание. Пит знал, какие высокопоставленные люди замешаны в торговле с этой дикой страной. А также – как они отреагируют на понесенные убытки.

Да и кто бы на их месте поступил иначе?

Даже предупредить находящихся в Архангельске купцов не успеть. В России прекрасно налажены дороги. Вернее, сами дороги как раз не очень, но развитая система станций с подменными лошадьми позволяет посланцам царя делать больше трехсот миль в сутки. И повеления монарха здесь обсуждать не принято. Только неукоснительно исполнять.

Теперь Пит понимал, что поддался чувству и сглупил. Конечно, потом английский флот сумеет разорить Архангельск, но это не возместит убытки почтенных людей, да и сделать большее сухопутной стране Британия не в силах.

– Мы не собираемся принимать участия в боевых действиях. – Голос Пита прозвучал вполне вежливо. Даже не скажешь о той гамме чувств, которая породила соответствующий ответ. – Лишь сопровождаем союзный флот до города, который каждая сторона считает своим.

Сорокин склонил голову, давая понять, что удовлетворен ответом, и тихо сказал:

– Мой вам совет, адмирал. Как человеку, тоже служившему Петру и России. Если шведский флот не оставит своих намерений и атакует Ригу, то вряд ли от него что уцелеет. Поэтому самое лучшее для вас на какое-то время уйти прочь, а потом возвратиться уже в качестве нейтрального гостя. Сами понимаете, когда все будет гореть и взрываться, подданные Его Величества английского короля могут пострадать совершенно случайно. Очень бы не хотелось, чтобы какая-нибудь досадная нелепость омрачила отношения между двумя государствами.

От Сорокина исходила такая уверенность, что британец поневоле подумал: а не готовили ли москвиты каких-либо сюрпризов для собравшихся здесь кораблей? Помимо дирижабля, который может прилететь в любое мгновение и вновь щедро забросать зажигательными бомбами готовящийся к атаке шведский флот. А еще удобнее – атакующий, когда линкорам и фрегатам будет толком не развернуться в реке.

– Наверно, мы воспользуемся вашим советом. – Пит изобразил на лице радушную улыбку. – Не подскажите, каким образом царь Петр собирается выполнить свою угрозу? – Небрежный кивок в сторону шведских кораблей.

– К сожалению, я связан словом чести, – вежливо улыбнулся Сорокин.

Шлюпка вскоре тронулась прочь. Британец задумчиво проводил ее взглядом, а затем повернулся к капитану линкора:

– Уходим.

– Куда? – не понял тот.

При разговоре с парламентаром он, как и прочие офицеры, не присутствовал.

– Подальше отсюда. В Курляндию.

Капитан явно собрался спросить о причине изменения планов, посмотрел в ставшее хищным лицо Пита и вместо вопроса зычно скомандовал:

– Поднять паруса!

– Двинулись, ядрен батон! – Ярцев не отрывался от бинокля.

Штурман был единственным из путешественников во времени, который находился рядом с Сорокиным. Остальные занимались другими делами. Шведская армия приближалась, а с нею – решающая битва, которая, хотелось верить, решит исход войны.

По сравнению с грядущей сухопутной баталией морское сражение казалось мелочью. Хотя и заслуживающей серьезного внимания.

Впрочем, мелочей на войне не бывает.

– Наконец-то, – вздохнул Сорокин.

Долгое ожидание уже начало действовать ему на нервы.

– Дай-ка сюда. – Константин протянул руку за биноклем.

Хорошая оптика приблизила выстраивающиеся в кильватерную колонну шведские корабли.

– Скверно маневрируют, – процедил новый комендант. И пояснил, чем именно он недоволен: – Больно медленно.

– Брось придираться, Костя, – отозвался Ярцев. – Берег недалеко. Опять же, фальватер, блин. Не ровен час, въедешь не туда всей колонной. Лучше обрати внимание на тот люггер. Видишь? Идет, ядрен батон, к норду.

– А что на него смотреть? Спешит предупредить Карлушу об уходе англичан, только и всего, – пожал плечами Сорокин.

Островитян он, как и все соратники Командора, привычно недолюбливал. Но личные отношения – это одно, а государственная политика – другое. Не было ни малейшего смысла затевать войну с Англией. Во всяком случае, пока загребущая империя не начнет первой. Делить с ней в данном случае нечего, а худой мир всегда лучше доброй ссоры.

Остается надеяться, что свежеиспеченный британский адмирал не воспользуется приглашением и не заглянет в гости как представитель нейтральной страны. Встреча соперников будет отнюдь некстати. Хотя ее итог и можно предсказать почти со стопроцентной гарантией.

Но все равно – ни к чему.

Мысль об удаче посольства взбодрила, и Сорокин подмигнул старому приятелю:

– Туда они идут. Туда. Да и куда им еще идти?

Сказанное относилось к шведской эскадре. Путь ее был ясен заранее и предопределен фарватером. Потому не составляло труда подготовить небольшой сюрприз. Электрогенератор, детонаторы, изолированные провода были, а с остальным справится любой новичок.

Стандартное крепостное минное заграждение. Параллельные подсоединения цепи, старательно расположенные на заданной глубине мины, и дальше остается только ждать, пока желанные гости вступят в отведенную под это дело акваторию.

И пусть они думают, будто судьбу боя будет по старинке решать артиллерия. Это как раз тот случай, когда мечтать оказывается вредно. Пушки тоже заговорят, может быть, но лишь завершающим аккордом.

– Кто жаловался, блин, что шведы плохо маневрируют? – спросил Валерий, показывая на ровный строй.

– Могли бы и покомпактнее.

– Может, блин, еще пусть крюйт-камеры сами запалят?

– А что? Нам меньше возни. Результат же – точно такой же. – Уголки губ Сорокина дрогнули в подобии улыбки. – Ладно. Вызывай наших. Пока отчалят, пока прилетят...

Теперь шведы двигались в довольно плотном боевом строю. Но не в исполнение желаний Сорокина. Просто пушки не отличались дальностью и командовавший эскадрой адмирал хотел сразу концентрированным огнем подавить возможное сопротивление небольшой крепости.

Семь вымпелов, те, которые могли представлять угрозу. Остальные или держались чуть мористее, или двинулись в стороне к берегу, готовясь к высадке десанта.

– Вылетели, – сообщил Валерий, оставаясь рядом с рацией.

– Хорошо. Работаем. – Сорокин прикидывал расстояние.

Теперь в бинокле не было никакой нужды. Невооруженным взглядом можно было отчетливо разглядеть подходящие корабли со всей их оснасткой и мелькающими над бортами головами моряков.

– Пора. – Комендант повернул ключ, замыкая цепь.

Теперь для моряков все решало личное счастье. Кто-то напорется на мину раньше, кто-то – позже, а кого-то может и пронести мимо.

– И десанту тоже. – Сорокин включил второе заграждение, стоявшее как раз там, куда подходили, готовя шлюпки, суда с пехотой.

Артиллеристы в крепости полного доверия не внушали. Они не были новичками, прошли положенную подготовку, хотя, конечно, до пушечных богов Гранье им было далеко. Но

не поэтому Сорокин им не доверял – просто он еще не видел их в настоящем деле. Бой – не учение. Здесь многое иначе.

Хотя, судя по настрою, подвести не должны.

Сорокин уже стал переживать: вдруг что-то рассчитали неправильно и ловушка не срабатывает, – когда под вторым мателотом вырос столб воды.

Через пару секунд до крепости донесся грохот взрыва.

Никаких теорий непотопляемости не существовало. Как не существовало на кораблях водонепроницаемых отсеков. Пушечное ядро, да еще выпущенное при посредстве слабого черного пороха, в воде быстро теряло силу и крайне редко было в состоянии пробить борт корабля ниже ватерлинии. А тут – сразу взрыв, буквально выхватывающий часть борта, и потоки воды, неудержимо врывающейся на нижние палубы...

Понять причины случившегося шведы не могли. А чтобы их запутать еще больше, Сорокин немедленно скомандовал артиллеристам давно ожидаемое:

– Пали!

Крепость окуталась дымом выстрелов. Их грохот послужил погребальным салютом стремительно скрывающемуся под водой кораблю. А тут еще на мину наскочил идущий третьим фрегат. Следующий за ним отвернул в сторону и тоже налетел на подводную смерть.

Надо отдать шведам должное. Даже при виде мгновенного разгрома не все из них потеряли мужество. Строй распался, некоторые корабли попытались повернуть на обратный курс, однако борт флагманского линкора скрылся в дыму ответного залпа.

Практически все ядра упали, не долетев до крепости, и лишь некоторые попали в земляную защиту бастионов. Разумеется, не причинив ей вреда.

Зато линкор скрылся в собственном дыму. Если бы все дело заключалось в артиллерийском огне, это могло бы помочь шведам. Минам же было все равно, видят ли те, кто их поставил, вражеские корабли или нет.

Когда пелена рассеялась, над водой были видны лишь мачты да заваливающийся борт недавно грозного корабля.

Появившемуся дирижаблю оставалось только наблюдать за происходящим.

Спустя каких-то четверть часа все было кончено. От некогда могучей эскадры остались лишь плавающие обломки да цепляющиеся за них счастливицы из тех, кто сумел спастись с погибших кораблей. Летняя вода давала им некоторые шансы на спасение, и скоро от Динамюнде на помощь недавним врагам отошла целая лодочная флотилия.

Десантным судам повезло больше. Просто потому, что часть их не дошла до заграждений. Да и некоторые из дошедших начали спускать шлюпки до того, как низко сидящие корпуса коснулись мин. Несколько баркасов успели даже отойти и потому не пострадали от гремящих повсюду взрывов. Разве что кому-то слишком невезучему попало по голове одним из летящих обломков.

Но всякое везение когда-либо меняется на свою противоположность. И несколько зажигательных бомб, сброшенных с дирижабля на уцелевшие суда, вполне подтвердили эту нехитрую истину.

Если учесть, что гибель обрушилась с воздуха на тех, кто пытался уйти, то становится понятной быстрота, с которой остальные поняли намек.

Сначала на одном судне, потом на другом флаги послушно поползли вниз. Покорно плюхнулись в воду якоря, и Сорокин аккуратно отключил идущие к минам цепи.

– Что, Валера? Еще не забыл пиратское прошлое? Выводи нашу флотилию. Будем собирать добычу. Жаль, боевые корабли нашли свое последнее пристанище...

10. Полтава под Ригой

Воин должен знать, во имя чего приходится умирать. Во имя идеи, возможной добычи, славы, чести, Родины, вождя, семьи, партии, выборных политиков, религии, жалованья, любви к драке, привычки... За долгую историю человечества бывало всякое. Причины то поднимали воинский дух, то, напротив, опускали его, а ведь от духа во многом зависит победа. Или хотя бы стойкость как в сражении, так и в повседневной службе.

Конечно, объявленные причины и причины подлинные не всегда совпадают. Да в правильной армии это и не нужно. До сокрушительного поражения, когда начинаются поиски виновников.

В создаваемой русской армии солдатам никто не врал. В той части, которую им положено знать. Да и идея поддерживалась национальным сознанием, опытом, взглядами.

Настоящий русский человек по своему менталитету совершать подвиги за жалованье не будет. Ему требуется более возвышенная причина. Вот тогда, если поверит и проникнется, любые горы покажутся камушками, а реки – ручейками. А что до врагов – то зачем их считать? Мозги напрягать без толку.

Идею в привычной кабановской истории сформулировал Уваров, но сама она так долго витала в воздухе, более того, издавна в силу разных факторов была неотъемлемой частью национального мировоззрения, что высказанное даже нельзя было назвать плагиатом. Всего три слова, но в них – квинтэссенция долгого пути России, вплоть до ее падения в злосчастном феврале тысяча девятьсот семнадцатого года. И всем все понятно настолько, что не найдешь при их произнесении ни вопросов, ни возражений.

«За Родину» не годилось. Сама по себе Родина – понятие достаточно расплывчатое. Что такое родина для простого крестьянского парня? Деревня да окружающие ее леса и поля. Действительно, не считать же родиной все места, где живут люди, разговаривающие на одном с тобой языке!

А вот если этими землями правит тот же самый царь, воспринимаемый как старший в большой семье и потому ласково именуемый батюшкой, и все это благословила впитанная с молоком матери вера, тогда они в самом деле воспринимаются родными.

Три понятных каждому слова.

За Веру, Царя и Отечество.

И больше ничего не надо объяснять.

Тем более царь был с войском. Как и священники имелись в каждом полку.

Помимо духа не забывали о боевой подготовке армии. И уж тем более – о ее вооружении. Теперь предстояло проверить на практике и прочность духа, и степень подготовки, и новое оружие...

Приказа Шереметев не выполнил и вражеской армии задерживать не стал. Правильно, в общем. Все равно ничего путного из этого не получилось бы.

Зато постоянные мелкие укусы казачьих отрядов действовали на психику как солдат, так и полководцев. Вечное ожидание нападения утомляло. Пусть потери при стычках были невелики, однако шведская армия ни минуты не знала покоя.словно находилась не на принадлежащей им недавно земле, а в диком краю, где каждый встречный – враг.

Раз попались беглецы из Риги. Не коренные рижане, которые законопослушно и без всякого ропота присягнули на верность Петру, а шведское семейство в лице мужа и жены, путешествующее по Лифляндии по каким-то своим делам и не пожелавшее остаться на ставшей вражеской территории.

От них Карл услышал некоторые подробности захвата крупнейшего города Лифляндии. В частности, что офицеры гарнизона вместе с генералом Дальбергом были арестованы на балу, который дала британская чета.

Роль британцев в случившемся была непонятной, сами беглецы на празднике не присутствовали, однако любому было ясно, что таких совпадений не бывает.

Если известие о двойной игре союзной Англии неприятно подействовало на Карла, то названная фамилия британцев ударила под дых.

Первым мгновенным побуждением шведского короля было отдать приказ о немедленном аресте находящегося при флоте английского адмирала.

В роли защитника британца неожиданно выступили собственные генералы. Нет, они не искали в его поведении смягчающих обстоятельств, разве что пытались понять суть задуманной интриги, но указали королю на несвоевременность приказа.

Британцы не выдают своих. Любая попытка ареста повлечет неизбежную схватку между английскими и шведскими кораблями. И пусть последних больше, но от потерь не застрахован никто. Как-то глупо терять корабли и людей накануне решительной встречи с врагом. Без того сколько потеряли от налета дирижабля!

Однако теперь приходилось быть настороже. Вдруг англичанин и тут задумал какую-нибудь пакость? Например, в решающий момент штурма нанесет удар в спину? Должна же быть какая-то цель в его появлении при дворе короля после того, как он столь деятельно принял участие в захвате Риги московитами!

Только собрались срочно послать к флоту гонца с приказом следить за британцами, как прибыл вестник от моряков.

Флот приступал к своей части операции. Больше ждать моряки опасались. Пока московиты не предпринимали против них ничего, но вдруг захотят повторить налет? С воздуха корабли беззащитны. Лучше воспользоваться благоприятным ветром и ударить по Динамунде до очередной выходки противника.

Помимо этого, сообщалось, что британцы покинули эскадру. В кратком пояснении английский адмирал заявил, что в данный момент изгибы политики не позволяют в открытую выступить против московитов и надо дожидаться инструкций из Лондона. После чего все три корабля ушли в направлении на Ирбенский пролив.

С одной стороны, уход англичан даже радовал. В свете их участия в делах московитов. Лучше не иметь союзников вообще, чем иметь таких, от которых поневоле ждешь любой пакости.

С другой – бегство накануне сражения, после того как британский адмирал *сам* предлагал свои услуги, казалось подозрительным.

Если бы понять интригу! Но времени на понимание не было.

Почти одновременно с моряками прибыли с рекогносцировки кавалеристы. По их донесению, русская армия стояла совсем рядом, у Белого озера. Если точнее, в дефиле между озерами, упираясь флангами в их берега. С расстояния трудно было разглядеть подробности, вдобавок кавалеристы были быстро обнаружены, и пришлось в спешке уходить, потеряв во время погони едва не половину людей, но в главном сомнений не было – московиты решили принять бой и теперь укрепляли выбранную позицию.

Это была самая лучшая новость, которую слышал Карл в последнее время. Пусть позиция русских не давала атакующим простора для маневра, но стоит ли себя утруждать, имея отборную, прекрасно подготовленную армию? Одна решительная атака – и от противника не останется ничего.

К сожалению, позднее время не давало возможности завязать сражение уже сегодня. Даже при самом форсированном марше к моменту соприкосновения наступит темнота. Но ладно, ночь можно и потерпеть. А уж с утра...

Лишь двух вещей опасался Карл. Что московиты уйдут и тогда их вновь придется искать и что они попробуют напасть ночью. Но первое по размышлению показалось маловероятным. Не зря же вражеские полки заняли дефиле!

Что до второго, то часть армии пришлось держать всю ночь наготове. Как выяснилось – совершенно напрасно. Никаких попыток нападения не было. Лишь виднелись вдалеке костры, обозначающие русскую армию. Да царила предгрозовая тишина.

Командор тоже подумывал о нападении на шведов под покровом тьмы. И быстро отказался от подобной затеи. Одно дело – налет ограниченными силами, и совсем другое – ночное сражение. На практике для нападающих оно не менее трудно, чем для подвергшейся удару стороны. Управление войсками неизбежно нарушается. Слишком многое приходится решать командирам всех звеньев. Если к этому добавить многочисленные случайности...

Ночные удары хороши лишь с прекрасно обученными войсками и подготовленными офицерами. Настолько оптимистично Кабанов созданную армию оценить не мог. Он и в грядущем дневном сражении настоял на оборонительной тактике. Принять шведские атаки на заранее выбранной позиции, использовать против них новые образцы оружия и лишь тогда, нанеся потери, обрушиться на врага всеми силами.

Да и что еще предпринять, когда основная часть армии еще не готова к всецело наступательным операциям? Большинство солдат не обстреляны, многие полки обучены формально, офицерский состав в них довольно посредственный.

Армия – система, на создание которой требуются долгие годы. Или же – тяжелые испытания. Как было в реальной истории. Но как раз тяжелых испытаний и связанных с ними людских и материальных потерь Командору и хотелось избежать.

Официально армией командовал Головин, неофициально – Петр, но во многом – Кабанов, чей военный авторитет почти никем не подвергался сомнению.

Теперь, когда угроза со стороны шведского флота была устранена, можно было не опасаться удара со стороны моря. А остальное должен был решить наступающий день... В самом же крайнем случае можно было отступить под прикрытие рижских бастионов и дать Карлу еще один бой.

Петр с вечера был возбужден. В составе экипажа он вылетал на дирижабле против шведской эскадры. Сравнительно легкий разгром грозного противника кружил царю голову не хуже вина. Сорокин тут же был произведен в генерал-майоры и контр-адмиралы, получил Андрея Первозванного и Георгия третьей степени. Ярцев стал капитаном первого ранга и кавалером Георгия четвертой. Получили денежные награды минеры и артиллеристы, а равно – захватившие остатки флота моряки.

В состоянии эйфории царь хотел немедленно отпраздновать грандиозную победу, и пришлось долго отговаривать его от этого.

– Пир перед сражением недопустим, государь, – твердо объявил Командор. – Флот разбит, зато с армией нам суждено встретиться уже утром. А для таких случаев лучше иметь свежую голову.

Его поддержали почти все. Как-то не с руки веселиться, когда завтра предстоит сойтись здесь же со шведами не на жизнь, а на смерть. В итоге перед войсками был отслужен благодарственный молебен, а само празднование перенесли на день. Вера в очередную победу теперь была крепка, как никогда.

О разгроме флота Карл узнал под утро от случайно уцелевшего и бежавшего из плена офицера. На самом деле побег был умышленно подстроен с вполне понятной целью, и цель эта была достигнута.

Король ожидал чего угодно. Вплоть до гибели от воздушного налета части флота. Но полного уничтожения... Тут поневоле задумаешься и начнешь колебаться: может, лучше повернуть, пока не поздно? Но отступить в виду неприятеля...

Нет! На суше москвитам не поможет никакой дирижабль. Как и их артиллерия. Уж непонятно, каким образом им удалось с такой легкостью перетопить корабли, но в каждого солдата не попасть. На земле решает дело обученность армии, а кто может сравниться в том со шведами?

Карл хотел удержать новость в секрете. Но, как всегда бывает, скоро вся армия знала о судьбе, постигшей моряков.

Тайна – это наиболее быстро распространяющаяся информация.

Особенно если эта информация – плохая.

Среди солдат поползли разговоры, что москвитам помогает сам дьявол. Чем еще объяснить потрясающую мощь и меткость артиллерийского огня, за несколько минут уничтожившего целый флот? Да и умение москвитов летать по воздуху... Разве дано человеку такое?!

Но разве не является долгом христианина бороться с дьяволом везде, где только обнаружатся его следы?

В последнем особо убеждали пасторы. Вот только верили ли они сами в происки нечистого или все же допускали мысль, что на стороне москвитов помноженное на некие технические усовершенствования умение да самое натуральное везение?

Карл сам не знал, во что верить. Но все же, стиснув зубы, убеждал себя в грядущей победе. Кто бы ему в данный момент ни противостоял. Моряком он не был, зато считал себя прирожденным полководцем. И уж ни в коем случае не собирался отступать.

Забрезжила заря. Поднимающееся солнце стало разгонять стелющийся по земле туман. День обещал быть жарким. Во всех смыслах. Вдали, там, где расположилась русская армия, виднелся воздушный шар. Еще один медленно поднимался в небо у самого озера.

– А ведь они видят каждый наш шаг, – заметил стоявший рядом с Карлом Шлиппенбах.

– Пусть видят, – отмахнулся король. – Скоро посмотрим, кто кого. Вот только сойдемся вплотную...

Сейчас в нем никто не заподозрил бы недавнего шалопаю. Лицо не по возрасту суровое. Губы плотно сжаты. Взор пристальный, волевой. В голосе звучит командный металл.

Короткая молитва. Взмах руки – и ровные шеренги слаженно тронулись под барабанный бой. Следом тихо двинулись драгуны. Еще подальше – пушки. Но все-таки впереди всех ехал король со своей свитой.

Раз нет возможности осмотреть позиции противника с настоящей высоты, приходится это делать с высоты конского седла.

Но разве не так поступали любимые герои Плутарха?

И так тверда была поступь пехоты, что сомнения окончательно оставили юного короля.

– Ну, вот и славно, – хмыкнул Командор. – В обход они не пошли, а в лоб нас не взять.

В корзине кабаньера они были вдвоем с Петром. Царь был серьезен. Ни следа вчерашней эйфории на его лице не было. Да и как иначе, если именно сейчас будет решаться судьба кампании? В поношенном преображенском мундире Петр отнюдь не походил на повелителя самого большого по территории государства Европы.

В противовес ему Кабанов оделся как на праздник. Новый, с иголочки, камзол был украшен голубой Андреевской лентой со звездой, в петлице поместился орден Святого Людовика, галуны и пуговицы сверкали золотом.

Командору было непривычно выступать в бою разряженным павлином, но в глазах солдат генерал на поле битвы должен смотреться эффектно. Кроме того, пусть свои видят: начальство с ними, а не отсиживается на ближнем пригорке. Если же и находится там – так должен кто-то наблюдать за общей обстановкой, чтобы в решающий момент опять-таки оказаться в самом опасном месте.

В корзине были заранее сложены вымпелы. Оставалось лишь написать или начертить самое важное и сбросить вниз, а там стоявшие наготове казаки мигом доставят донесение адресату. Но вымпелы были приготовлены уже тем наблюдателям, которые поднимутся следующими. И Петр, и Командор не собирались проводить сражение, паря над полем боя.

Было видно, как солдаты внизу причащаются и немедленно спешат в строй. Вдали, принимая на ходу боевой порядок, виднелись ровные шеренги шведов.

– Спускаемся. – Кабанов подал условный сигнал, и наземная команда налегла на ручную лебедку.

Кабаньер потянуло вниз.

– Красиво шведы идут. – Петр старался, чтобы голос звучал спокойно, но это давалось ему с явным трудом.

– Главное – не подпустить их сразу для удара, – напомнил Командор то, что уже говорил много раз. – И от всей красоты останется один пшик.

Корзина почти коснулась земли, и сразу в нее полезли двое наблюдателей из отобранных и соответственно подготовленных офицеров.

– Пора! – Кабанов дождался, пока спустится Петр, и лишь затем спрыгнул сам. – С Богом, государь!

– С Богом! – эхом отозвался царь, направляясь к левому флангу построения.

– Как-то странно они стоят, – заметил Шлиппенбах.

В самом деле, вместо привычных линий москвиты расположились на поле небольшими квадратами. В промежутках между ними застыли пушки с расчетами. Еще ближе к шведам располагались непонятно для чего предназначенные редкие цепочки солдат в непривычных зеленых мундирах.

– Хотят подражать римлянам, – отмахнулся Карл. – Напрасно. Только лишают себя возможности полноценно стрелять.

Его солдаты, как и положено, двигались трехшереножным строем. Так, чтобы иметь возможность при сближении дать по врагу полноценный залп.

Кавалерия продолжала держаться позади, готовясь добивать сломленного неприятеля.

– Солдаты! – Карл привстал на стременах. – Отомстим москвитам так, чтобы навсегда запомнили!

Немногие могли услышать своего предводителя за мерным рокотом барабанов. Да и без перестуков – далеко ли может разнестись человеческий голос? Зато армия была едина в своих чувствах с полководцем. Отомстить за унижение страхом, за беспомощность, которую испытали на кораблях под сыплющимися с небес бомбами, за ночные налеты, за то, что посмели бросить им вызов...

И за барабанным рокотом не сразу услышали рокот мотора проклятого дирижабля...

– Юра! Действуй, как договорились. Удачи! Конец связи!

Командор дождался ответного пожелания, отошел от рации и легко запрыгнул в седло. Конь под ним был белым, заметным издалека. Чуть позади гарцевала неизбежная свита.

Кабанов рысью проехал вперед прямо к цепи егерей и зычно скомандовал:

– Огонь по готовности! Помните, чему вас учили! В первую очередь выбивайте офицеров! Попадете в солдата – тоже не беда.

Кое-кто из штуцерников невольно рассмеялся.

Цепь егерей привычно опустилась для стрельбы с колена. Точно так же поступили стрелковые команды обычных фузилерных полков. А спустя полминуты грянул первый выстрел.

Шведы поначалу не поняли, зачем москвиты стали стрелять с дистанции, которую не пролетит ни одна пуля. Но тут упал один человек, другой, третий, и шагать сразу стало неуютно, а в душе непонимание стало тесниться под напором страха. Пока еще легкого,

привычно загоняемого внутрь. Потери же все возрастали, и все чаще приходилось смыкать шеренги, заполняя места убитых и раненых.

Пули новых штуцеров были коническими. Такие летят точно и далеко, а заряжаются ничуть не медленнее, чем обычные шаровидные в гладкоствольные фузеи. В известной путешественникам во времени истории они назывались пулями Минье и использовались в середине девятнадцатого века. Как раз во времена Крымской кампании. Но здесь Минье надлежало изобретать нечто другое, если он захочет остаться в памяти потомков. Может, даже что-то вполне мирное, не имеющее отношения к смертоубийству.

– Яков Вилимович! Ваша очередь, – повернулся Командор к начальнику артиллерии своего крыла.

Грань он, скрепя сердце, отдал Петру. Пусть левый фланг подкрепляют преображенцы и семеновцы, но егеря-то здесь. Значит, недостаток ружейного огня у старейших пехотных полков придется компенсировать более крепкой артиллерией.

– Пли!

Все же Брюс был на редкость способным человеком. Он сполна перенял методы подготовки расчетов, когда каждый человек делает при зарядании одно-два привычных движения. Плюс – заранее подготовленные заряды и стандартный калибр.

Пушки дружно полыхнули дымом, и первая партия ядер полетела к приближающимся шеренгам.

Часть чугунных шаров ударила с перелетом. Другие коснулись земли слишком рано и рикошетом устремились к цели. Некоторые все же пробили бреши среди ровной линии.

Шведы были опытными солдатами. Строй сомкнулся, вновь становясь ровной движущейся стеной, однако через десяток секунд орудия дали новый залп.

Никто из врагов даже не подозревал о том, что возможна такая скорострельность. И все же продолжали двигаться дальше, а в разрывы торопливо выдвигали пушки.

Часть русской артиллерии немедленно обрушилась на вражеские орудия. В небе возник дирижабль. Он зависал ненадолго то в одном месте, то в другом, и небольшие бомбы падали рядом со шведскими канонирами. Порою взрыв выводил пушку из строя. Если же нет, то гибель прислуги делала стрельбу невозможной. Плюс канониры гибли под пулями штуцерников. Наконец, шведам было намного труднее попасть в небольшие русские колонны, которые в другой истории возникли только во время наполеоновских войн и получили название «колонны к атаке».

Барабаны забили чаще. Это было последним шансом – сблизиться с противником как можно быстрее и уже в рукопашной переломить ход сражения.

На этом пути их ждал еще один сюрприз. Местность чуть повышалась, и старательно выкопанный вдоль всей линии ров заметили, когда он был уже рядом. Неширокий, метра три с небольшим, как раз чтобы не перепрыгнуть, и неглубокий, однако с отвесными стенками, чтобы не очень легко было спуститься и еще труднее – вскарабкаться наверх.

Поредевшие шеренги поневоле приостановились и немедленно получили залп картечью. Довеском к нему дружно ударили револьверные ружья. Дистанция для последних была такова, что большинство пуль попадали в цель. Если же учесть, что первым делом выбивались офицеры...

Шведы успели дать один ответный залп. Как было принято, больше дружный, чем прицельный. В ответ первые ряды русских колонн опустились на колени, давая задним возможность стрелять.

Залп, и опускается очередная шеренга. Еще один – и дружно приседает следующая. И так до самых последних. И торопливо посылают пулю за пулей егеря, и покрывают царящую трескотню громом своих пушек артиллеристы...

Шведские пули и ядра тоже сумели нанести противнику потери. Тем не менее происходящее больше напоминало расстрел. Вторая линия подоспела ко рву, когда от первой почти ничего не осталось. Сразу получила свою порцию картечи и пуль и торопливо устремилась в ров. Уже непонятно, с какой целью – все же атаковать или хоть на время укрыться от смертоносного свинцового ливня.

Это тоже было предусмотрено. Небольшие бомбометы, давно пристрелянные как раз для подобной цели, дружно громыхнули. Бомбы описали крутую кривую, упали в ров, и оттуда полыхнуло взрывами, а следом раздались вопли боли.

Тех, кто пытался вылезти на «русскую» сторону, встретили выстрелы ружей егерей, перезарядивших барабаны.

– Вперед! – Командор выхватил шпагу, показывая путь.

Колонны бегом бросились в атаку. Солдаты на ходу передавали вперед заранее изготовленные мостки. Переправа была тщательно отработана и не заняла много времени. Лишь некоторые батальоны развернутыми шеренгами выстроились вдоль края рва и наставили оружие на находившихся внизу.

Шведские солдаты были храбрыми вояками. И кто их упрекнет, что они стали сдаваться в плен? Не помирать же без всякой надежды не то что на победу, но даже на неравный последний бой?

Не все и не везде шло так гладко. В отдельных местах обрывки шведских линий пытались сопротивляться. Им на подкрепление двинулись драгуны. Лишь доскакать не смогли.

Грань расчетливо выпустил по кавалерии ракеты. Свист, огонь и разрывы напугали лошадей, и вместо стройных шеренг поле покрылось носящимися в беспорядке в разные стороны всадниками.

– Ключенау! Эта шеренга твоя! – Командор указал своему бывшему заместителю на самый большой шведский отряд.

– Яволь! – Ключенау махнул своим егерям, и те торопливо двинулись на врага.

Шведы сноровисто вставляли в ружья багинеты, готовясь к рукопашной. Егеря двумя небольшими колоннами сблизилась с неприятельским строем. Пользуясь тем, что штык не мешает стрелять, первые шеренги дали залп в упор, фактически без промахов, и лишь затем нанесли направленные удары.

Вражеская линия легко порвалась в двух местах. Колонны, повинаясь призывному взмаху своего полковника, развернулись и принялись методично перемалывать уцелевшие части шеренги.

Кто-то из шведов старался подороже продать свою жизнь, но дух большинства был уже сломлен разгромом.

Лишь местами еще кипела схватка. Вдали виднелся небольшой резерв, наполовину пехотный, наполовину конный. Только никакой роли он уже сыграть не мог. Разве что попробовать прикрыть отход своего короля, если тот попытается найти спасение в бегстве.

В ту сторону галопом помчались драгуны Шереметева. Впереди Кабанов заметил размахивающего шпагой Алексашку. Чуть приотстав, туда же неслись казаки.

Откуда-то выскочил разгоряченный Ширяев. В руке он сжимал повод второй лошади, на которой сидел какой-то полноватый швед без треуголки. Судя по шитью на мундире – какой-то генерал, уже успевший подрастерять былую спесь.

– Мы сделали их, Командор! – восторженно проорал Ширяев. – Сделали! Устроили Полтаву под Ригой! Пусть знают наших!

Кое-где еще слышались выстрелы, все еще неслась к выстроившемуся шведскому резерву кавалерия, но это были уже мелкие штрихи.

Шведской армии как могучей организованной силы больше не существовало. По крайней мере той ее части, которая высадилась в Прибалтике.

И торжественно звучал над полем крик:
– Мы сделали их, Командор!

Часть вторая Круги на воде

11. Прибалтийская осень

Деревья теряли остатки листвы. Уже не празднично нарядные, а невзрачные, пожухлые листья обреченно раскачивались вместе с кронами под порывами холодного приморского ветра, слетали то поодиночке, то небольшими группами, падали в грязь, словно норовя прикрыть ее от глаз путников, хоть чуть облагородить пейзаж.

Одни только наклонившиеся прочь от моря сосны стояли уверенные в себе, не боящиеся ни бесконечных дождей, ни зимних морозов. Хотя и под ними все было густо усыпано хвоей.

Впрочем, дождя, к счастью, сейчас не было. Даже солнце порой проглядывало в просветы уносящихся прочь облаков, словно надеясь своим мимолетным появлением немного скрасить довольно безрадостную картину.

Если только смотреть, то унылая, безнадежная пора.

Зато если слушать, то впечатление сразу менялось.

Откуда-то издалека, приносимый ветром, доносился бодрый перестук топоров. Еще подальше уже можно было расслышать взвизгивание пил. Еще дальше – людские голоса. Кто-то покрикивал, кто-то что-то указывал, кто-то просто тянул монотонную песню, некое подобие своеобразной шенги, знакомой каждому, кто хоть раз выходил в море.

Деревья наконец чуть расступились, и лорд в очередной раз поразился кипучей энергии молодого царя.

Здесь, между Ригой и Динамюнде, вырастала новая верфь. И не только верфь. В нескольких местах уже виднелись остовы новых кораблей. Повсюду трудились люди. Судя по одежде, лишь в крайне малой части своей из местных, а в большинстве – присланных или пригнанных сюда из России.

Иногда среди сермяг и зипунов виднелись военные мундиры и просто немецкое платье. Петр не делал особой разницы в положении подданных. Если работать, то уж всем, невзирая на сословие и древность рода. Труженик по натуре, монарх сам старался быть примером во всем. И в трудах, и в гулянках.

– Быстро строят, – заметил, оглядываясь, лорд Эдуард.

– Все равно до зимы корабли спустить не успеют, – с видом знатока отозвался сэр Чарли. – Да и лес, как всегда, наверняка сырой. Спешат так, что не успевают высушивать.

Лорд посмотрел на своего друга и возразил:

– Какие плаванья зимой? Зато к новой навигации у Петра уже будет здесь небольшой флот. С лесом серьезнее. Но зато темп...

– Да, энергии у царя Петра хоть отбавляй, – согласился Чарльз. – Вы не считаете, дорогой друг, что подобное возвышение России может нести нам угрозу? Очень уж у них убедительные победы.

– Несомненно. На мировой сцене появился новый игрок. Надо приложить все усилия, чтобы он стал нашим союзником хотя бы на ближайшее время. И заодно спланировать новую стратегию в наших отношениях. Вряд ли нам удастся укоротить их так просто. Значит, надо искать другие средства воздействия.

Карета между тем поравнялась с первыми работающими. Мужики практически не обратили на нее внимания. Мало ли кто может приехать на стройку? Да и какое им дело до снующих господ? Работа намного важнее.

А вот искать царя не пришлось. Может, он заметил сам, может, успел доложить кто из приближенных, однако Петр оказался у кареты достаточно быстро. Разгоряченный, в распахнутом, несмотря на холодный ветер, камзоле, отнюдь не производящий впечатление государя.

– Приехали! – Петр без этикетных экивоков, как старых знакомых, поочередно обнял приехавших дипломатов.

От царя пахло потом и табаком.

– От души поздравляем Ваше Величество с громкими победами над шведской армией и флотом, – освободившись, вежливо склонился лорд Эдуард. – Европа потрясена грандиозными свершениями вашего государства и рукоплещет Вашему Величеству.

Слушать подобное было приятно, и Петр не сдержал улыбки:

– Ничего. В ближайшее время у нас будет флот на Балтийском море. Я уже отдал распоряжение, чтобы товары доставляли в Ригу. Думаю, что это послужит к взаимной выгоде наших стран. Как добрались? Я ждал, что вы прибудете морем.

Государь посмотрел на покрытую волнами реку.

– К сожалению, в последнее время обнаглели шведские каперы. Они не обращают внимания на флаг и нападают на всех, идущих в эту сторону. Не поверите, но, по нашим данным, уже потеряно минимум четыре британских торговых судна. Наше правительство решило, что данное положение несовместимо с интересами подданных короны.

Это было правдой. Политика политикой, а убытки убытками. К последним англичане всегда были особо чувствительны. Горе тому, кто посмеет встать между джентльменом и его прибылью!

Унизительно послам великой державы высаживаться в Кенигсберге, а дальше плестись сушей по непролазному бездорожью. Еще хорошо, что через цивилизованные земли Пруссии и Курляндии. А если бы через кишашую разбойниками дикую Польшу? Но и стать жертвой шведских каперов было недопустимо, а прибытия военных кораблей можно в этом году не дожидаться. Их посылка, по сведениям дипломатов, была делом решенным. Однако навигация скоро должна была подойти к концу. Максимум два месяца – и из-за ледостава плавание станет невозможным. Вполне вероятно, что командование задержит корабли до середины будущей весны, чтобы не гонять их понапрасну.

Ждать полгода... Что еще за это время успеет выкинуть неугомонный русский царь со своими талантливыми помощниками?

Нет! За ним глаз да глаз нужен. Не говоря уже о делах сугубо личных, но оттого не менее важных.

– Ничего. – Теперь Петр взирал на строящуюся верфь и растущие остовы кораблей. – К весне спустим на воду флот, тогда всерьез займемся предотвращением этого безобразия. Если до этого времени Карл не согласится на мировую.

Британцы знали, что конница в победоносном сражении подвела. Шведы сумели задержать кавалерийскую атаку, а затем, во время погони, устроить небольшую засаду и даже нанести преследователям некоторый урон.

И уж совсем не показал себя заранее отправленный в обход отряд из двух пехотных полков и многочисленной кавалерии. Отступавшие шведы прошли сквозь него, как раскаленный нож сквозь масло. Пехота не устояла, а кавалерия понесла потери в напрасной атаке и ушла в сторону от места прорыва.

Во всей разыгравшейся суматохе королю удалось ускользнуть. Сейчас он, по имеющимся сведениям, находился в своей столице и лихорадочно собирал новые войска, вза-

мен безвозвратно утерянных под Ригой. Даже в Лондон и Амстердам посылал в надежде на помощь. Только недавние союзники отнюдь не горели желанием влезать в чужие разборки.

– Флот Его Величества будет сопровождать британские корабли. Но приказ четок – при нападении на наших подданных уничтожать всех нападавших без разбора, однако в войну не вступать ни на какой стороне.

– Понятно.

На англичан как на союзников Петр не рассчитывал, поэтому даже подобное заявление выглядело для него дипломатической победой.

Хотя у его собеседников создалось впечатление, что русский царь и на этот раз имеет в запасе какой-нибудь козырь, позволяющий и здесь устроить убедительную победу.

По мнению дипломатов, сделать это было намного труднее, чем на суше. Просто потому, что у Петра пока не было кораблей и, главное, – достаточно опытных моряков. Флот ведь не появляется мгновенно по мановению волшебной палочки. Даже если эта палочка в руках у монарха. А пришедших с Командором не так уж и много. Пакостей противнику они могут натворить, но разбить...

– У нас тут уже заложено два корабля и три фрегата. Как только прибудет лес, заложим еще, – гордо сообщил Петр. – До зимы должны успеть сплавить. Приходится одновременно обустроить верфь и сразу строить на ней суда. Очень не хватает людей. Особенно – опытных мастеров. Да и простых работников тоже. Здешние крестьяне слишком тупы и ленивы. Приходится вызывать людей из самой России. Там они попонятливее. С мастерами похуже. На два флота их не хватает. Не поможете нанять у себя? Или в Голландии? Я отписал Крюйсу, но ответа пока нет. Прямо не знаю, что и делать.

– Мы со своей стороны готовы помочь Вашему Величеству, – склонился лорд Эдуард. – Но считаю своим долгом предупредить: дело это достаточно непростое. Верфи в Британии загружены. Работы очень много. Сами знаете: обстановка в Европе вновь напряженная. Приходится готовиться к возможной войне. Вот если бы Ваше Величество согласилось выделить в подобном случае некоторую часть своей армии...

– У нас тоже война, – отрезал Петр. Но не грубо, а не пошли бы вы, мол, сами знаете куда, а лишь в значении «не могу».

– Война не вечна, – философски заметил лорд Эдуард. – Рано или поздно закончится. Но хотя бы ваше принципиальное согласие в случае большой европейской стычки занять нашу сторону...

– Давайте не заглядывать так далеко, – ушел от ответа Петр и сразу перевел разговор на другое: – Где остановились? Обедали?

– Пока – на постоялом дворе, – на этот раз ответил сэра Чарльз. – Немного перекусили с дороги.

– Немного – не годится. – Петр посмотрел на небо, как раз сейчас покрытое прилетевшими облаками, словно пытался определить время по положению отсутствующего солнца. – Приглашаю на обед. Заодно и обговорим основные новости. Ничего особого пообещать не могу, но голодными не уйдете. А уже вечером устроим небольшие посиделки.

– Простите, я что-то не вижу тут ни Меншикова, ни Командора, – словно вскользь заметил лорд.

– Их здесь и нет.

– Где же они?

– Гоняют остатки шведов по всей Прибалтике, – с довольной усмешкой сообщил царь. – Сейчас вот под Нарву подались.

– Почему под Нарву? – На бесстрастном лице лорда было написано искреннее недоумение. Мол, где Рига, а где – Нарва.

– Потому что Лифляндия и Эстляндия уже очищены от вражеского присутствия, – весело поведал Петр. – Население дружно присягнуло на верность России, а остатки шведской армии частью пленены, частью уничтожены, а частью бежали в Ингерманландию. Вот Командор их там и добивает. Раз по-хорошему не хотят.

Новость произвела впечатление на дипломатов. Они-то думали, что успехи Петра пока ограничились одним разгромом шведов под Ригой, а оказывается, весь край успел отойти под державную руку нового государя. Тут было над чем подумать. Скорее даже – пожалеть, что какие-нибудь меры принимать уже поздно.

Или тревоги напрасны? В конце концов, победа в одном сражении – это еще не победа в войне. Армия Петра оказалась лучше подготовленной, чем кто-либо мог предположить. Вдобавок использовала новые приемы и новое оружие. Все это можно перенять, было бы время. Если же учесть, что Швеция отделена от захваченных областей морем, то у Карла остается шанс на реванш. Да и денег в русской казне для длительной войны нет.

Но главное не в этом. Исчезнет Швеция с мировых карт как могучее государство – и что? Главное – это перенять опыт русских, получить образцы оружия и затем уже использовать полученное против врагов цивилизованного мира. Будь то Франция или та же Россия.

Одновременно с закономерными в подобном случае сомнениями лорд Эдуард испытывал невольное удовлетворение. Он знал, кто именно являлся косвенным виновником побед, и не мог не одобрить выбор своей единственной дочери.

Петр тем временем отдал какие-то распоряжения и без приглашения полез в карету к британским дипломатам.

– Какой-то части шведов удалось удраť к Ревелю и там погрузиться на корабли, – повествовал царь по дороге. – Большую часть беглецов удалось догнать и пленить, но, увы, не всех. Еще кто-то рассеялся по Лифляндии и Эстляндии и пополнил гарнизоны крепостей. А дороги здесь сами видели какие. Пока подтащишь артиллерию, зима наступит. В основном справились. Но Нарва... Сказывают, там самый сильный гарнизон в Ингерманландии. Плюс – хороший комендант.

Царь сделал паузу, и в нее вклинился сэр Чарльз:

– Позвольте узнать. Какую именно территорию вы собираетесь присоединить к России?

Британцы ничуть бы не удивились, услышав в ответ, что всю Швецию. Но царь был сравнительно скромен. Сравнительно – ибо за пару лет до этого мечтал всего лишь о клочке земли у устья Невы. Аппетиты растут быстро. Был бы стол накрыт.

– Отсюда и немного за Неву. Там бывшие русские земли. Нам много не надо. Иметь выход к морю для торговли с европейскими странами, плюс как-то обеспечить его безопасность, – успокоил дипломатов Петр и рассмеялся. – Король польский Август торчал во время нашей баталии со шведами в Риге, так, узнав о результатах, ажно перекопился весь. А потом долго пытался нас убедить, что Лифляндию мы должны отдать ему. Он, оказывается, на нее тоже виды имел.

Тут позволили себе улыбки даже флегматичные англичане. Где ж это видано, чтобы завоеванное отдавали другим просто так? Сверх того, Польша издавна находилась под влиянием Франции, и уже поэтому ее усиление было нежелательным.

Но хорошая сторона в желании Августа тоже имелась. И весьма неплохая сторона. Вот только как воплотить ее в жизнь?

– Нам не до войн, – перескочил на другое Петр. – Столько всего предстоит сделать! Прежде всего – сломать всю прежнюю систему воспитания дворян и бояр, чтобы были знающими, полезными сынами Отечества. Я своего сына отправил вместе с Кабановым. Пусть учится, как воевать надо.

Собственно, царевича Алексея Кабанов сам упросил отдать ему на воспитание. Командор со своими товарищами помнили о последовавшей за смертью Петра эпохе дворцовых переворотов и старались как-то избежать этого. В том числе – соответствующей подготовкой наследника. В их прошлом этим всерьез не занимался никто, зато спросили с царевича по полной.

Резон был прямой. Государство не может существовать без порядка. Основой же его всегда была преемственность власти. Любой временщик на троне может оказаться вредителем. Что ему до страны, в которой он дорвался до власти? А вот если та же власть дана свыше как тяжкая ноша, то тут поневоле отношение к ней будет иным. Заодно у любых желающих устроить переворот будет выбита почва из-под ног. Стоило Павлу принять строгий и четкий Закон о престолонаследии, и никаких попыток выдвинуть на роль монарха «своего» кандидата больше никем не предпринималось. Исключения – неудавшаяся попытка декабристов создать полицейское государство задолго до большевиков и удавшийся заговор самых разнообразных предателей в феврале семнадцатого.

Но на то, что ниспровергнет Россию спустя двести с лишним лет, напрямую Командор повлиять не мог. Лишь предпринять кое-какие меры, которые, возможно, смогут помешать этому. Например, он постоянно втолковывал Петру о необходимости сохранения патриаршества. Веское слово главы Церкви в смутное время может сделать многое, даже если заколеблется трон. Какие бы модные течения ни завладели верхушкой, простой народ долго, при удаче – навсегда, останется верующим в традиционные русские истины. В том числе – в высшие христианские ценности. Есть такое свойство у религии – объединять. В отличие от поздних материалистических учений, превративших человека в обособленный атом, из отвечающей за свои поступки личности в самодостаточного потребителя.

Все это не было сказано. Да и никто из едущей в карете троички, в отличие от нечаянных путешественников по времени, не знал о возможном, теперь уже будущем. Их всех интересовало сейчас совершенно другое. Петра – текущие проблемы государства, не только не исчезающие, но нарастающие снежным комом. Лорда Эдуарда – в первую очередь судьба собственной дочери. И лишь о сэре Чарльзе ничего нельзя было сказать точно. Но уж вряд ли он думал о том, что случится лет через двести—триста.

– А леди Мэри? Вашему Величеству неизвестно, где она? – не выдержав, спросил лорд Эдуард.

– Отправилась с Кабановым, – отвлекся от размышлений Петр.

И лишь после сказанного до него дошла собственная бестактность. Существуют вещи, о которых с приличными людьми не принято заговаривать вслух. А уж тем более – с отцами.

– То есть с армией. Ваша дочь живо интересуется всеми новинками, которые используются в военном деле.

– Я хочу ее навестить, – твердо произнес лорд. При этом он никак не отреагировал на невольный неприличный намек Петра.

– Насколько безопасны дороги в присоединенных областях? – уточнил сэр Чарльз. – Не потребуется охрана?

– Охрану я вам дам, – отмахнулся Петр. – Хотя... Есть другой способ. Но придется немного подождать. Все равно так будет намного быстрее, чем плестись по здешним дорогам.

– Быстрее? – Лорд с сомнением посмотрел туда, где должно было лежать море.

Ветер клонил деревья, сообщая о разыгравшемся среди волн шторме. В такую погоду сушей путешествовать намного надежнее. И порою пешком дойдешь быстрее, чем под парусами.

Петр понял ход мыслей британцев и в очередной раз широко улыбнулся:

– Ветер уляжется, и доберемся за день. У нас это быстро.

И с намеком посмотрел на мрачнющее небо.

12. Командор. То было раннею зимой

Если в той части Прибалтики, что называлась Лифляндией, царила грязь, то в ее северо-восточной части уже выпал первый снег. Ранний, только позавчера был Покров, но здесь были старые русские земли, следовательно, и зима начиналась намного раньше, чем в Европах.

По обочинам снег был девственно белым, каким бывает вскоре после первого снегопада, но на самой дороге уже был перемелен солдатскими сапогами и копытами лошадей, превратился в ту грязь, которую был призван скрыть.

Мороз стоял по российским меркам игрушечный – два-три градуса. Если бы дело касалось прогулки, никто бы не заметил. А двигаться без надежды хоть ночью обрести крышу над головой было уже зябковато. Пальцы, опять-таки, постоянно мерзли.

Мне, как начальнику отдельного корпуса и генерал-поручику, хоть всегда светила какая-нибудь лачуга на ночлег. Равно как и прочим генералам и полковникам. Но уже обер-офицеры зачастую спали вместе со своими солдатами прямо на земле или снегу.

Тут поневоле с ностальгией вспомнишь о вечно теплых карибских берегах.

Под Ригой шведская армия была разбита, как говорится, наголову, но это не значит, что она прекратила свое существование. Я не говорю об одиночках и небольших толпах. Какие-то подразделения сумели вырваться с рокового для Карла поля, какие-то даже не успели прибыть туда. Наш противник так торопился дать сражение, что даже не стал поджидать всех идущих к нему подкреплений. В какой-то степени это здорово ему помогло. Вряд ли несколько лишних тысяч сумели бы вырвать у нас победу. Шведы показали себя прекрасными вояками, они просто не ожидали всех новшеств, которые мы обрушили на их несчастные головы.

Организовать преследование на должном уровне мы не сумели. Наша армия имела еще массу недостатков. В числе их – маневрирование большими силами удавалось далеко не всегда и далеко не гладко. А уж кавалерия вообще показала себя, мягко говоря, не ахти. Если те же дворяне или казаки могли продемонстрировать весьма неплохую индивидуальную выучку, то вместе ставшие регулярными драгуны пока ничего из себя не представляли, а казаки являли собой некий аналог флибустьерской вольницы, и в правильном бою на них рассчитывать было трудно. Догонять шведские отряды они догоняли, но смять стройные линии им не удалось ни разу.

Ничего. Еще научатся.

Большинство уцелевших шведов смогло переправиться обратно в Швецию и Финляндию, часть пополнила гарнизоны крепостей, остальные бродили по всей территории, надеясь непонятно на что.

Им бы завязать против нас партизанскую войну, кусая по частям. Благо лесов здесь пока хватало. Прецедент был. Корпус Шереметева, человека крайне осторожного, раз на марше подвергся неожиданному удару. В корпусе было шесть драгунских полков и четыре пехотных. У шведов – от силы чуть больше полутора тысяч человек. Тем не менее управление было потеряно, солдаты дрогнули, превратились в стадо. Драгуны смешались с пехотой, а затем обратились в бегство. Хорошо хоть Шереметев смог опереться на два не пострадавших арьергардных полка, сумел на какое-то время устоять, а затем невероятным усилием собрал беглецов, привел их в чувство и в свою очередь отбил натиск.

В конце концов шведы довольно организованно отошли, потеряв треть первоначального состава, но наши потери были вдвое больше. Сыграл роль и сам факт неожиданного (дирижабль как раз несколько дней не летал) нападения, и отсутствие заметного преимущества в вооружении, и сыроватость шереметевских полков.

Но револьверных ружей было крайне мало. Хватало на небольшие команды, и только. А артиллерия, более-менее натасканная, но на треть осадная, неповоротливая, частью даже не успела развернуться и понесла большой урон. Вплоть до потери многих орудий, которые удалось отбить лишь в самом конце сражения.

Еще чудо, что обошлось. Шереметев, разумеется, изобразил случившееся грандиозной победой, чуть ли не под стать шведскому разгрому под Ригой. За такую грандиозную победу следовала соответствующая награда. Тем более что боярин попутно сумел заставить сдаться пару небольших крепостей.

И награда последовала. Ни много ни мало – орден Андрея Первозванного и чин генерал-фельдмаршала.

Я никого не осуждаю и никому не завидую. Еще Бисмарк заметил: нигде так не врут, как на охоте и войне. Видно, рыбалка с удочкой в его времена была непопулярной. Причем речь далеко не всегда идет о сознательном обмане. Так, неизбежные преувеличения, тем более не каждому и не всегда дано вспомнить, как там было на самом деле. О самом страшном порою не расскажешь, невольно забывая пережитое, зато на передний план зачастую лезут мелочи, вдруг становясь главным.

А уж чужие потери – это все равно что размер пойманной рыбы. И не хочешь, а руки раздвигаются сами.

Формально я стал как бы подчиненным, но на деле Петр повсюду стал вводить коллегиальность, и единоначалием пока не пахло. Да и относился ко мне Шереметев с уважением. Не приказывал, а советовался. Уже молчу, что сейчас сержант может значить больше фельдмаршала. Если сержант приближен к Петру, а фельдмаршал – сам по себе.

Надо будет и тут порядок навести. Армия должна иметь строгое подчинение. Или прежде в чинах еще подрасти немного? Мало ли кого назначат главнокомандующим...

После баталии Шереметев удвоил осторожность и стал передвигаться еще медленнее. Чего нельзя сказать о моем корпусе. Я предпочитал идти как можно быстрее, хотя и тщательно проводил разведку и обеспечивал охранение колонн. Для скорости у меня почти не было осадной артиллерии. Зато имелись ракетные установки. Осаждать, тем более штурмовать крепости – дело неблагодарное. Хитростью или налетом после наших успехов захватить их было уже невозможно, но кое-какие другие возможности у нас для этого имелись.

К счастью, шведы не обременяли себя и бюджет строительством совершенных крепостей во внутренней Прибалтике. Имеющиеся укрепления могли противостоять восставшим крестьянам, но никак не регулярной армии. Поэтому особых препятствий на моем пути не встретилось. Так, несколько заурядных стычек, которые трудно было назвать сражениями, захваты мелких крепостей, порою – покинутых при нашем приближении, а чаще – спускающих флаги при первом обстреле ракетами. Или же, в паре случаев, при появлении нашего чудо-оружия.

Не скажу о шведах плохого слова. У них не было ни одного шанса вне зависимости от нашего оружия. Есть такая вещь в военном деле – подавляющий численный перевес. Скорее даже – раздавляющий. И против него не поможет никакое мужество. Можно попытаться задержать неприятеля в расчете на подмогу. Если же подмоги не предвидится, то сопротивление – разновидность самоубийства.

Словом, внутренняя Прибалтика не доставила нам особых проблем. В точности как ожидалось.

Оставались крепости ближе к российской границе. И главной из них являлась Нарва. Она одна стоила всех мелких укреплений, которые мы захватили похода. Вдобавок гарнизон ее усилился за счет вырвавшихся из Лифляндии и Эстляндии солдат и целых подразделений. Так что с перевесом в силах, учитывая укрепления, обстояло сложно.

В моем корпусе насчитывался Егерский и шесть фузилерных полков. Плюс кавалерия. Два слободских, Ахтырский и Изюмский, два драгунских и два казачьих. Кровавых потерь было немного. Зато в результате трехмесячного похода, как ни старались мы с Петровичем, почти третья часть солдат выбыла из строя по разнообразным болезням. Плюс в некоторых местах пришлось оставить небольшие гарнизоны, выделить всевозможные конвойные команды, отдельные партии и много чего еще. В итоге в пехотных полках было в среднем штыков по пятьсот. Драгуны наполовину оказались пешими. Казаки, что донские, что слободские, лошадей смогли сберечь, однако вооружены они были кто чем, и не уверен, насколько смогли бы противостоять шведской кавалерии в открытом бою. Тем более – штурмовать укрепленные стены.

Собственно, не стены в прежнем значении слова, сколько земляные валы. Стены утратили свое значение с развитием артиллерии. Но ни одно ядро или бомба не в состоянии пробить земляную насыпь. Камень что? Его развалить гораздо проще...

Некоторое время я подумывал, не повторить ли рижскую авантюру. Прикинуться беглецом, а дальше действовать по обстоятельствам. Вот только шведского языка я не знал, немецким владел в зачаточной степени, номер с британскими путешественниками второй раз не прокатит. Несколько латышских фраз, памятных по прошлой жизни? Так латышам вход в города закрыт. Да и живут вокруг эстонцы. Которых, кстати, тоже никуда не пускают. А уж мой эстонский вообще состоит из двух слов. Что в многократные разы превышает степень владения языком у нынешних хозяев края.

Или уже бывших?

Все равно. Ход истории неотвратим, и России суждено стать великим государством. Как Швеции суждено из числа подобных государств выбыть.

И еще жила тревога за Ригу. Наш не только крупнейший, но и, по существу, единственный порт на Балтике находился вплотную к курляндской границе, а политика – вещь настолько переменчивая...

Людей же катастрофически не хватало. Приходилось действовать отдельными корпусами на широком фронте, вопреки нынешней военной науке. Да еще держать большие силы у Риги во избежание всяческих случайностей.

Плюс – юг. Хотя с Османской Портой подписан мир, но реваншисты найдутся всегда. В ту сторону тоже надо посматривать.

Перехода за три от Нарвы ожившая в условленный час рация сообщила о прилете Петра.

Мы специально устроили несколько воздушных станций в подходящих местах. Зато теперь можно было без особых проблем использовать дирижабль как курьерское средство. Даже один из дирижаблей. Вполне по-русски второй воздушный корабль окончательно вступил в строй уже после рижского сражения, в котором так был необходим.

Государь несколько раз навещал то один, то другой корпус. Пару раз появлялся в Москве. Поэтому исполнителям монаршей воли приходилось тяжело. Век еще являлся неторопливым, а тут в любой момент жди, что царь может внезапно нагрянуть с небес, хуже кома снега за шиворот.

Егеря привычно и сноровисто подготовили переносную причальную мачту, а когда дирижабль появился, помогли ему обрести временное пристанище у земли.

Мы стояли неподалеку отдельной короткой шеренгой. Я, на правах старшего, и мои ближайшие сподвижники: Клюгенау, Меншиков, Ширяев, Гранье – чуть подалее, продолжали ее командиры полков.

На этот раз царь появился не один. К моему некоторому удивлению, следом за ним из гондолы вышли лорд с неизменным сэром.

Государю виднее. Я привычно отбарабанил строевой рапорт, радуясь, что дипломаты не понимают русского языка. К чему им слышать о наших сложностях? Помочь – не помогут, а слухи за границей пойдут. Да такие, что вовек не отмоешься. Хотя любая армия в нынешние времена больными теряет гораздо больше, чем ранеными и убитыми. У нас хоть смертных случаев мало. Время пройдет, и почти все выбывшие выздоровеют и встанут в строй.

Петр с чувством обнял всех в нашей шеренге. Эдик и Чарли, как истинные британцы, ограничились долгими церемонными поклонами.

Да и что им Гекуба?

– Прошу всех в дом, – пригласил я.

Своевременное сообщение позволило устроить дневку у усадьбы эстляндского помещика. Сам хозяин отнесся к перемене власти достаточно равнодушно. Мародерства я не допускал, его права сразу же подтвердил именем нового государя. Так какая ему разница, чьим подданным числиться? Благо до принятия присяги он даже не считается изменником. Да и после ее принятия тоже. Если не вступит в наши ряды. А вступать в них он явно не собирался, предпочитая выжидать.

В принципе семнадцатый век – один из самых гуманных в истории. Казней в каждом государстве хватает, зато в боевых действиях никто мирное население не третирует. Могут по случаю прихватить что либо из плохо лежащего, главным образом съестного, но в целом любое войско старается проявить лояльность. Населения слишком мало, и земли интересуют те, на которых уже живут потенциальные подданные.

Террор против мирных жителей развяжут предтечи демократов – французские революционеры. Но демократии свойственно, скрываясь за высокими словесами, стремиться уравнивать всех под одну гребенку, а несогласных убрать с лица земли. Просто сначала это будет происходить более откровенно. Потом – завуалированно, с большей заботой не о физическом устранении противников, а об их духовном убийстве.

Слава богу, еще раз до демократии я не доживу.

В усадьбе царил переполох. Не каждый день помещику, пусть и барону, приходится принимать у себя могущественного монарха вкупе с дипломатами и кучей генералов. Хозяйка и дочери торопливо примеряли вытащенные из сундуков платья, челядь носилась как угорелая, выполняя многочисленные распоряжения по приготовлению обеда, уборке и еще непонятно чего.

Сам хозяин суетился не хуже, чем мальчишка. Да еще что-то выговаривал сыновьям, один из которых был уже вполне взрослый, а другой – чуть старше Маратика. Тут же присутствовал сам Марат вместе с царевичем и Мэри. Всегда прелестная и с виду холодная, как и подобает истинной леди.

Хотя внешность обманчива...

Я был таким же гостем, как и остальные. Но Петр явился в мой отряд, и потому часть хозяйских функций перешла ко мне. Вплоть до выделения барону в помощь нескольких человек.

После церемонии представления хозяев и перед ожидаемым обедом мы на короткое время уединились с царем. Насколько успел заметить, Мэри тем временем расположилась в уголке с отцом и сэром Чарльзом.

Петр похвастался перед нами успехами в кораблестроительстве, повздыхал, что результаты скажутся лишь во время следующей навигации, поведал о возможной помощи Англии в защите купеческого флота, посмеялся, вспоминая несколько баталей с Ивашкой Хмельницким.

Это мы на походе пирами не баловались. Хотя я этому был только рад. То ли старею, то ли умнею, но редко хочется приема спиртного в неограниченном количестве. Просто поси-

деть в кругу друзей порой хочется, а вот в толпе самого разнообразного народа – увы, уже нет.

Но самую главную для меня новость сообщила Мэри, когда мы усаживались за обеденный стол. По европейским правилам – мужчины вместе с женщинами.

Лорд Эдуард сумел оформить развод дочери, и теперь моя подруга была юридически свободной.

Я не ханжа и не восторженный юноша. После моего давнего неудачного брака связывать себя повторно узами Гименея я долгое время не хотел, а потом и не мог. Нет в Европе законов, чтобы сочетаться сразу с двумя. После гибели своих женщин я крестился в православие не столько из-за проснувшейся веры – мне трудно быть искренне верующим человеком просто по воспитанию и привычкам, – сколько от понимания: иначе я никогда не стану в России «своим». После крещения старые грехи автоматически списались. Зато появились новые. Попы мне втихаря пеняли за сожительство вне брака, хуже того – за сожительство с замужней женщиной.

Но и не только в этом дело. Мне хотелось нормальной семьи. Законных отношений, обязательно – еще одного ребенка, но уже от Мэри. Но бастарды в это время...

Сразу после обеда я подошел к Эдуарду:

– Лорд, я прошу руки вашей дочери.

Мой бывший враг смотрел на меня внимательно. Словно случившееся являлось для него сюрпризом и он хлопотал о разводе просто так, из-за нелюбви к нынешнему зятю. Или задумал завербовать меня прямо здесь и сейчас решает, как подступиться к этой нелегкой задаче.

Наговаривал я на лорда зря. Просто он не был бы лордом, если бы не обставил процедуру соответствующими случаю церемониями.

– С вашего позволения, я поинтересуюсь мнением дочери, – сообщил мне Эдуард и на самом деле отправился к Мэри.

Я прекрасно представляю и его сообщение («Леди Мэри, вашей руки просит генерал Кабанов»), и уж тем более ответ. Но не слушал и даже старался не смотреть в ту сторону, терпеливо дожидаясь решения своей участи.

– Моя дочь согласна, – наконец важно изрек вернувшийся лорд Эдуард. – Мы должны обговорить размер приданого.

Далось оно мне! Капитала хватало. Как привезенного из пиратских морей, так и заработанного здесь. А все подаренные мне за разные сражения деревни и села я даже перечислить не мог. Тем более что почти ни в одном из них еще не был. То одни дела, то другие, и какое в таких условиях может быть хозяйство?

Однако каждому времени – свое. Откажись я от приданого, и люди будут называть Мэри бесприданницей. Да и сама она, дитя своего времени и своей страны, будет чувствовать себя гораздо лучше, привнеся некую собственную долю в семейный котел.

– Я удовлетворюсь тем, которое назначите вы, – склонил я голову, не желая вступать в торги.

Пусть вылезает по собственному разумению.

– О чем беседуете? – вклинился к нам Петр.

– Я попросил руки леди Мэри, и лорд Эдуард ответил согласием, – не стал скрывать я.

Глаза царя сверкнули в предвкушении, словно женихом был он сам. Как же пропустить такое знаменательное событие и не отметить со всей широтой души!

– Когда свадьба?

– Я думаю, после взятия Нарвы, государь. Как только выберемся в Москву.

– В посаженные отцы пригласить не забудь, – хлопнул меня по плечу Петр.

Что ж, за язык меня никто не тянул. С другой стороны, теперь из кожи вон вылезу, но крепость возьму как можно скорее. Максимум – за неделю. А до Москвы можно добраться быстро. Двух дирижаблей вполне хватит не только на нас с Мэри, но и на всех гостей. Пусть не за один раз, но все равно же придется подготовиться к ответственному шагу.

Ох, грехи мои!..

13. Свадебный подарок

Нарва была переполнена. Помимо горожан и постоянного гарнизона сюда отошло много солдат из числа тех, кто идти в русский плен не хотел, а к берегу пробиться не смог. Или смог, но кораблей не нашел. В самом начале большинство таких беглецов проследовало сушей дальше в Финляндию. И лишь самые отчаянные и отважные остались в городе, желая еще раз попытать счастья в схватке с противником.

Первоначальный гарнизон города в тысячу триста пехотинцев и двести кавалеристов стал больше в полтора раза и все продолжал расти.

Скоро город оказался отрезанным с востока подошедшим русским корпусом Аникиты Репнина, и беглецы вынуждены были задерживаться в Нарве поголовно. От этого наблюдалась большая скученность, однако солдаты, в отличие от горожан, только радовались этому. Раз их больше, то, значит, больше и шансов отбиться от московитов, когда блокада сменится осадой, а последняя – штурмом. В крепости каждый становится сильнее. Так неужели не удержимся?

Артиллерии хватало. Боевых припасов было в избытке. Несколько хуже обстояли дела с продовольствием. Еще в самом начале войны летучие партии московитов сумели разорить окрестности, и новый урожай погиб на корню.

Стали редко прорываться в крепость обозы, идущие издалека. Но, слава богу, имелись запасы прошлых лет и какое-то время даже увеличившийся гарнизон мог не страдать от голода. А вот если осада затянется, тогда придется туго.

Но зачем думать о плохом? Прорвавшийся курьер привез послание короля, в котором говорилось о сборе новой армии взамен рассеянной под Ригой. Да и не вся армия успела перебраться в лифляндскую ловушку. Много полков оставалось в метрополии.

Комендант крепости полковник Горн был старым солдатом. Его Величество поручило его попечениям главный опорный пункт рядом с землями московитов, и Горн делал все, чтобы оправдать доверие монарха. Еще в мирные дни полковник старался вовсю, теперь же вообще редкую ночь проводил в постели. Все больше на стенах, в городе, а то и в поле, организуя короткие вылазки против зарвавшихся московитов.

Вылазки чаще всего оказывались безрезультатными. Основные силы русских оставались на другом берегу реки. На этом же большей частью действовали разъезды да всевозможные конные партии. Очевидно, решимости приблизиться к крепостным стенам вплотную у русских не хватало. А уж идти на штурм...

Горн был осведомлен, что московиты накатываются и с запада. Но, по тем же данным, осадной артиллерии у идущих от Риги крайне мало. Потому старый полковник крепко надеялся, что враги обломают о Нарву зубы, а там наступит настоящая зима, и придется им уйти восвояси до следующего года.

Потому со стен достаточно спокойно наблюдали, как вдалеке появляется неприятельское войско. Русские даже не стали сразу обкладывать крепость. Было видно, что основные силы располагаются сравнительно компактно и лишь кавалерия расходится подальше на фланги.

Но еще до того, как русские полки стали обустраиваться, а на окрестности упала ранняя темнота, к крепостным воротам подскочил парламентар в сопровождении неизбежного трубача и знаменосца.

– Царь и Великий князь... – бойко принялся перечислять полный титул московского государя парламентар.

В довольно длинном перечне неприятно резанули слух слова «герцог Лифляндский и Эстляндский».

Старый полковник едва сдержался, чтобы тут же не перебить наглеца. Но раз уж москвиты решили придерживаться воинских обычаев, то не годится первому выступать их нарушителем. Потому Горн возвышался безмолвно и гордо, левая рука на рукояти шпаги, кираса и шлем начищены до блеска, лицо не выражает никаких чувств, лишь глаза блестят пламенем.

Само предложение было максимально щедрым. В случае сдачи крепости гарнизон отпускался на все четыре стороны со знаменами, оружием и музыкой. Разрешалось даже взять с собой обоз. Но щедрость эта полковником была воспринята как лишняя наглость. Чтобы выдвигать условия, надо прежде победить.

– Передайте своему государю, самозванно объявившему себя повелителем чужих земель, что я, полковник Горн, в ответ предлагаю следующее. Русские войска могут со знаменами и музыкой смело покинуть пределы Шведского королевства. В чем я обещаю им не мешать. Другого ответа для вас у меня не будет, – холодно ответил комендант, повернулся и нарочито медленно пошел прочь.

Стоявшие на стенах солдаты и офицеры восторженно приветствовали его слова. Правда, не все, но молчавших было настолько мало, что их можно было не принимать в расчет.

В любой семье не без уroda.

Дали озарились сиянием костров. Что ж, пусть постараются возле них погреться. Надолго ли хватит москвитов при такой жизни? Если учесть, что продовольствия в окрестностях практически нет.

Утро поначалу не принесло ничего нового. Пару раз в поле между новым русским лагерем и крепостью появлялись всадники. Приближались, однако, держась на расстоянии, превышающем дальность ружейного выстрела, разглядывали презрительно молчащие бастионы и отъезжали прочь. До них не бывало ближе восьми сотен шагов. Осажденные морщились, ругались вслух, но ничего не могли поделать с противником.

– Угостите их разок, – не выдержал Горн, наблюдая со стен, как всадники, богато одетые, с шитьем на мундирах и перьями на треуголках, в очередной раз обзоревают крепость в подзорные трубы.

Невелик был шанс попасть, но уж очень обидно ничем не помешать врагу.

Ближайшая пушка гроыхнула, окуталась дымом. Ядро быстро скрылось из поля зрения, и только в подзорную трубу было возможно проследить его полет.

Чугунный шар не долетел до всадников, взрыл землю, попытался подпрыгнуть в последней попытке достать податливую человеческую плоть, но напрасно.

– Дьявол! – в сердцах высказался Горн.

Остальные выругались гораздо более замысловато.

Двое из всадников спешили, передали поводья сопровождающим и один за другим опустились на колено. В их руках были ружья. Это смотрелось настолько нелепо, что полковник не выдержал и сплюнул:

– Совсем с ума сошли! И еще что-то пытались требовать!

Это было даже не абсурдом, а какой-то несусветной дурью, непозволительной даже дикарям.

– Попробуйте достать их еще раз, – начал было Горн стоявшему вплотную адъютанту, но тут над фигурками, сначала над одной, потом над другой, всплыли дымки выстрелов.

Адъютант вдруг вздрогнул. На лице его возникло выражение предельного изумления, а уже в следующий миг он стал стремительно заваливаться на спину.

Горн поневоле повернулся. По шлему что-то ударило, со свистом унеслось дальше, и лишь спустя несколько долгих секунд полковник сообразил, что это была вторая пуля.

Оба стрелка не спеша поднялись, о чем-то переговорили с остальными и лишь тогда запрыгнули в седла. Кавалькада не спеша затрусила прочь.

– Им помогает сам дьявол, – с ноткой испуга произнес кто-то из солдат.

Горн посмотрел на тело адъютанта и повернулся к стоявшим неподалеку. Кто именно произнес паническую фразу, определить было невозможно. Лица у всех свидетелей были одинаково бледны.

– Никому не говорить о случившемся. За нарушение – смерть, – обронил полковник.

Пуля может пролететь мимо, а вот петля никогда не промахнется мимо шеи. Как и топор палача.

Спустя час в русском лагере забили барабаны. Через некоторое время под их неумолчный бой к Нарве стройными колоннами двинулась пехота. Полагалось бы линиями, но московиты шли словно не на бой, а в обычный поход.

Колонны подошли и вдруг застыли, не решаясь преодолеть тот предел, где их сумеют достать ядра.

В промежутках остановились орудия. Еще дальше встала кавалерия в тех же походных колоннах.

– Может, надеются на наш выход? – предположил кто-то из свиты Горна, безуспешно пытаясь понять смысл совершаемого на глазах странного маневра.

– Не дождутся, – проскрипел полковник.

Он тоже терялся в догадках. Не считают же его таким глупцом, чтобы просто так выйти из-под защиты стен! Пусть московитов с виду немного, только кто поручится, что они тут все?

Между тем русские продолжали чудить. От колонн отделились небольшие отряды пехотинцев, одетых во все белое. Под руководством нескольких всадников, явно из тех, кто недавно наблюдал за крепостью, они торопливым шагом двинулись вперед, а затем прямо на ходу стали разворачиваться веером. Веер превратился в редкую цепь, где каждая пара солдат была отделена от других пар большим промежутком. Но и внутри пар расстояние между людьми было великовато, и свалить ядром больше одного человека не стоило и пытаться.

Дальше произошло то, после чего даже у невозмутимых шведов от удивления отвисли челюсти.

Пехотинцы в цепочке, явно повинуюсь командам начальников, вдруг, вопреки любым воинским наставлениям и правилам, легли прямо в снег. Лицом к крепостным стенам. Белые одежды слились с белой целиной, и спустя минуту лишь самый зоркий глаз сумел бы различить на заснеженном поле прилегших людей. Одни всадники продолжали разъезжать вдоль рядов тех, кто лишь притворялся солдатами.

И вдруг то тут, то там стали расплываться дымки ружейных выстрелов. Сначала редко, затем – чаще, чем это было возможно для самого проворного стрелка.

Плюс – расстояние. Но, как и накануне, на стенах вдруг начали падать люди. Офицеры, солдаты, горожане, записавшиеся в ополчение и поднявшиеся посмотреть, что происходит.

Наверняка жертв было не настолько много, как казалось осажденным. Людям свойственно преувеличивать то, что происходит у них на глазах. Как, впрочем, и то, что они сами не видят. Если бы дело шло о честной схватке, когда нет времени рассуждать! Знай стреляй в прущие на тебя вражеские полчища или коли противников багинетом. А тут...

Лицо Горна посуровело еще больше. Полковнику не суждено было узнать: происходящее на его глазах было всего лишь боевыми учениями, устроенными Командором для своих егерей. Горн видел другое: противник не пытается устроить безнадежный штурм или разыграть честную артиллерийскую дуэль. Вместо этого московиты ограничились выдвиганием колонн на случай вылазки, а сами тем временем применили нечто непонятное, но несомненно дьявольское.

Полковник всю жизнь твердо верил в милость Божью, и вдруг Бог не то отвернулся от шведов, не то вообще перешел на сторону их противников. Но даже в этом случае человеку надлежит выполнить свой долг перед Небом, и лишь тогда Небо вновь изольет неисчислимые милости на верного раба своего.

С грохотом, перекрывая стоны раненых и выстрелы московитов, ударили крепостные пушки. Попасть в практически незаметных залегших людей было делом безнадежным, и артиллеристы попытались достать хотя бы разъезжающих франтоватых всадников.

Достать их первыми же выстрелами не удалось, хотя несколько ядер пролетели в опасной близости от намеченных целей. Залегшие стрелки немедленно перенесли огонь на канониров, и ряды оружейной прислуги стали редеть на глазах.

Спустя десять минут огонь из крепости почти смолк. Если бы речь шла о нанесении врагу реального урона! Рисковать же жизнями ради нескольких человек, какое бы положение они ни занимали, не хотелось никому.

Гарнизон оставался на стенах. Только солдаты и офицеры предпочитали держаться в укрытии. Смертоносный свинцовый ливень – лучшее средство от излишнего любопытства.

– Стыдитесь, господа, – прокрипел комендант, обращаясь к своей жмущейся свите. – Солдат не имеет права бояться смерти.

Сам он продолжал гордо стоять и наблюдать за врагом. Лишь один раз полковник позволил себе отвлечься и посмотреть на творящееся внутри городских стен.

В глубь города по узким улочкам тянулись раненые. Одни кое-как ковыляли сами. Других поддерживали или несли товарищи. Прямо под стеной складывали тех, кому уже ничья помощь не понадобится. Причем шеренга ушедших в мир иной получалась достаточно внушительной.

Но их хоть не надо будет лечить...

Неподалеку от полковника еще один офицер решил последовать примеру начальника, выпрямился и без звука завалился на спину. Лицо его было в крови.

– А это еще что?

Горн посмотрел, чем именно был вызван удивленный голос.

Московиты подтянули поближе к залегшим стрелкам какие-то странные решетчатые конструкции и теперь сосредоточенно возились вокруг них.

Вглядеться внимательнее полковнику не довелось. Что-то вдруг с силой ударило по руке, выбило из нее зрительную трубу, а в довершение звякнуло о кирасу.

Мир вокруг покачнулся, потерял четкость, но кто-то заботливо поддержал полковника, не дал упасть.

– Горна убили! – родился было крик, но комендант нашел в себе силы твердо оборвать панику:

– Тихо! Никому не говорить!

Боль была сильной, но дух потихоньку брал верх над ставшим немощным телом. Горн сумел выпрямиться и посмотреть на обвисшую перебитую руку.

Один из адъютантов уже проворно бинтовал рану прямо поверх мундира. Только что бывшая чистой тряпка быстро напитывалась кровью.

– Не так. Так слишком видно, – прокрипел Горн.

Не хотелось, чтобы по гарнизону разнеслись слухи о его ранении. Не хватало еще, чтобы дух солдат упал из-за подобной мелочи! Начальство должно казаться неуязвимым.

Он хотел оставаться на посту до конца. Адъютанты насилу уговорили коменданта уйти хотя бы на перевязку. Полковник запахнулся поплотнее в плащ и твердой походкой направился к ближайшему дому. Со стороны и не скажешь, что тело терзает боль. Разве что два офицера идут рядом в полной готовности поддержать да в ту же сторону спешит лучший лекарь гарнизона.

Но мало ли кто и зачем спешит на войне!

– Вам повезло, господин комендант, – спустя пять минут бормотал лекарь, осматривая рану. – Кость едва задета. Пуля прошила руку насквозь. Пройди она чуть в стороне, и был бы перелом. Надо быть осторожнее, господин комендант. Ваша жизнь принадлежит всем. И так столько доблестных воинов выбыли сегодня из строя!.. Пули какие-то странные. Не круглые, как должны быть, а конические. Но скажите, разве могут быть на свете такие дальнобойные ружья?

– Выходит, могут, – вымолвил Горн. – Но запомните, Свен, из ружья можно убить человека. А вот крепости при помощи одних только ружей не взять. Тут артиллерия нужна.

В подтверждение его слов снаружи загрохотали разрывы. Их было так много, что ухо отказывалось выделять каждый в отдельности и воспринимало их как один непрерывный гром.

Из узкого окошка вылетело дорогое стекло.

– Что это? – Лекарь оторопело посмотрел на полковника, а затем – на порезанную осколком руку.

Горн уже сорвался с места и устремился на улицу.

Первое, что увидел полковник снаружи, был пролетевший над головой, оставляющий за собой дымный след снаряд. Другой такой же, непонятный и дымящийся, ударил в черепицу одного из домов. Взрыв раскроил крышу. Куски ее полетели в стороны. Где-то послышался крик ужаса и боли.

– Дьявол! – выругался полковник.

Он поневоле ожидал худшего, однако бастионы с виду почти не пострадали. Лишь вдалеке было видно разбитое орудие. Да тут и там валялись трупы. Зато в городе продолжало все рваться и греметь и где-то уже поднимался в воздух дым первого пожара.

Московиты вдалеке вновь возились у своих решеток. Залегшие стрелки продолжали стрелять, хотя уже гораздо спокойнее. Но после всех взрывов на ружейные пули большинство защитников не обращали внимания.

Теперь артиллеристы вновь вернулись к орудиям. Раздались первые выстрелы. В ответ решетки окутались дымом и оттуда к городу вновь вылетела очередная партия снарядов.

Некоторые из них не смогли долететь до цели, в злобе своей лишь вздыбив снег перед бастионами. Другие перелетели стены и обрушились на дома и улицы. Лишь небольшая часть взорвалась среди защитников. Разрушить укрепления снаряды русских явно не могли. Зато от них хватало других бед.

Но шведские артиллеристы тоже показали свое мастерство. Пара наиболее метко пущенных бомб упала неподалеку от одной из решеток, и было видно, как несколько человек повалились в снег.

Русские дали еще один залп, после чего спокойно потащили свои странные орудия прочь.

Первую дуэль можно было считать выигранной. Так и было объявлено во всеуслышание разосланными комендантом офицерами. Только почему-то никого это не радовало.

Ладно, сегодня московиты почему-то отошли. А если они устроят правильные укрепления и займутся обстрелом вновь? Чем тогда закончится огненная перебранка?

Полковник словно слышал, как в уцелевших домах жители начинают робко спрашивать друг друга:

– Может, лучше сдаться?

Государства сменяют друг друга, но имущество остается. А будешь сопротивляться – потеряешь не только нажитое, но и саму жизнь.

Стоит ли игра свеч?

14. Твердыня

Кабанов прекрасно понимал: использованные в первый день средства не годятся для взятия первоклассной крепости. Все это больше воздействует на психику защитников, чем на оборону. Вот только именно от духа осажденных и зависит стойкость крепостных сооружений.

Преодолеть под обстрелом голое заснеженное поле – это сколько же людей поляжет! Да еще потом карабкаться на стены...

Пусть оружие у шведов менее совершенное, оно убивает ничуть не хуже, чем штуцера и револьверные ружья. А уж картечь...

Нет, штурм – последнее средство. Главное – лишить гарнизон веры в свои силы. А там, может, удастся заставить шведов выбросить белый флаг без напрасных потерь со своей стороны.

А уж сколько погибнет врагов – никакой разницы. Гуманизм тут ни при чем. Война – жестокая по определению штука. Пока идет бой, чужие – не люди, а только мишени. Любая жалость к ним – это безжалостность к своим. Аксиома, которую любой военный усваивает в первом же бою. Если не раньше.

Кабанов просто выполнял определенную работу. По возможности – как можно эффективнее, с минимальными издержками.

Совсем без потерь не обошлось. Но для боя они были небольшими. Ставший уже далеким штурм Азова обошелся на несколько порядков дороже. А уж первое «невзятие» турецкой твердыни – и вовсе. Да и сражение у Риги шло отнюдь не в одни ворота. Тут же – сущие мелочи. Не бывает так, чтобы вообще никого не задело.

Сами солдаты относились к гибели товарищей достаточно спокойно. Люди умирали просто так, безо всякого боя, от обычных болезней и тягот. От пули или осколка даже не столь обидно.

Сознание людей было религиозным. Вера – крепка. Что такое смерть? Всего лишь переход от краткой земной жизни к вечной небесной. Значит, никакой смерти и нет.

Грустно от разлуки. Больно от раскаяния, что не все дал при этой жизни ушедшему в долгий путь человеку. Но Царствие Небесное всем, кто положил живот свой на поле брани за Веру, Царя и Отечество! И вечная им память!

Первый день осады прошел. Войска отошли в лагерь. Лишь казаки продолжали бдительно наблюдать за происходящим в городе. Командор еще до наступления темноты выехал прочь. Прибалтийское бездорожье сильно мешало планам. Дело ведь не только в том, чтобы подойти к нужной крепости. Требуется продовольствие для людей и корм для коней, боеприпасы и многое другое. Например, не слишком отдаленное место для организации шведам еще кое-каких сюрпризов. Раз уж Рига далеко.

Тоже не смертельно для крепости. Зато, наверное, впечатляюще для местного отсталого населения. Любое оружие должно быть максимально испытано в полевых условиях.

Совещаний Горн не любил и не признавал. Пусть каждый отвечает перед Богом и королем за свой участок. А он, комендант, в ответе сразу за все. Так зачем лишние разговоры?

Еще меньше его интересовало мнение простых солдат. И уж вообще не затрагивали чувства и мысли горожан. Их дело – трудиться и торговать да пополнять налогами королевскую казну. При осаде же, как сейчас, выставлять положенное ополчение. Прочее – не их забота.

В данный момент полковник был верен себе. Он обошел город, выслушал доклады подчиненных, но выводы из них предпочел делать сам.

Разрушения в городе оказались намного меньше, чем представлялось поначалу. Многие дома пострадали. Взрывами снесло черепицу, вскрыло крыши, кое-где даже пробило стены. И тем не менее не рухнуло ни одно строение. Видно, обрушившиеся на город ракеты были не так сильны, как представлялось под обстрелом.

Укрепления вообще были почти не повреждены. Ничего серьезного, что нельзя было бы восстановить в ближайшее время. Несколько разбитых и поврежденных орудий можно не принимать в расчет. Москвитам потребуется минимум месяц, чтобы пробить в стенах хоть одну брешь. А за месяц может случиться многое.

Гораздо хуже были людские потери. Без малого полторы сотни защитников выбыли из строя убитыми и ранеными. Да еще горожане...

До этого дня Горн скептически выслушивал рассказы беглецов из-под Риги о всесокрушающих дальнобойных ружьях русских, но теперь вынужден был отнестись к этому иначе. Пусть многие пострадали при взрывах, но все равно число сраженных пулями было достаточно велико. Похоже, им действительно помогает сам дьявол. Или же Бог по каким-то причинам отвернулся от своих верных сыновей.

Или речь идет всего лишь о ниспосланном свыше испытании?

Ныла простреленная рука. Полковник старался прогнать боль прочь, думать только о деле.

Осадной артиллерии у противника с собой пока нет. Подвоз ее требует времени. Судя по времени появления и расстояниям, москвиты шли без тяжестей. Другой их отряд, тот, что подошел со стороны границы, тоже не имеет при себе ни тяжелых пушек, ни мощных мортир. Недаром так и держится по ту сторону реки. Следовательно, завтра крепость ждет то же самое. Комбинированный обстрел стрелков и ракетами.

Итог размышлений вылился в сравнительно короткий приказ. Пехоте держаться в укрытиях и быть в готовности отразить возможный штурм. На стенах оставаться артиллеристам. Главная задача – борьба с ракетными станками противника. По мере возможности – со стрелками. Использовать подручные средства для укрытия от огня противника: мешки с песком, фашины и прочее.

Полковник пожалел, что перед крепостью нет какой-нибудь укрытой лощинки. Можно было бы скрытно сосредоточить там небольшой отряд и обрушиться на цепь москвитов. Перед сомкнутым строем никаким одиночкам не устоять.

Увы! Еще в самом начале войны по приказу Горна поле перед крепостью было освобождено от деревьев и кустарника, а все ложбинки были засыпаны гораздо раньше. Как раз для того, чтобы противник не смог подобраться к крепости незамеченным. Но в таких делах палка всегда о двух концах.

Но, может, и к лучшему? Тот, кто командовал москвитами, не зря держал за стрелковой цепью вне досягаемости огня пехотные колонны и кавалерию. Так что опрокинуть врага на первом этапе отнюдь не значило победить.

С этой стороны действия противника были безупречны. Наверняка Петр взял в команду какого-нибудь кондотьера из Европы. Но вот то, что тот понадеялся на ружья и ракеты и не взял с собой осадной артиллерии, говорит не в его пользу.

Зря он. Ох зря...

Карл не думал выручать Нарву. Нет, он не забыл о гарнизоне и не отчаялся. Молодой король по-прежнему горел жадой реванша. Все находившиеся в самой Швеции части были собраны в кулак. Беглецы из Прибалтики переформированы. Практически все остатки казны пошли на наем новых солдат. Теперь армия была больше той, что имелась под Ригой. Но надлежало использовать ее с толком, нанеся врагу удар в самое чувствительное место. Такой удар, после которого москвиты вновь на века исчезнут в своих дремучих лесах.

Некоторые выводы из случившегося Карл сделал. Например, что нападать следует по возможности внезапно. Кто знает, как обернулось бы сражение, если бы москвитам не было известно о каждом его шаге? Вот они и сумели подготовиться к встрече со всей азиатской хитростью.

А если обрушиться, когда не ждут, смешать планы, сойтись в штыки, лишиться огневого превосходства, то вряд ли они сумеют продержаться против доблестных солдат хотя бы полчаса.

По некотором размышлении Нарва для решающего боя на данный момент не годилась. Крепость была обложена со всех сторон, отрезана от цивилизованного и даже получивилизованного мира.

Эстляндия почти полностью захвачена противником. Наверно, можно высадиться в Ревеле или Пернове, москвиты, по рассказам беглецов, не укрепляли эти города так, как укрепили устье Двины, но это значит сразу поставить противника в известность о собственных планах. Решат москвиты, что их силы под Нарвой недостаточны, – и спокойно сумеют перебраться на другой берег. Тем более их оружие сможет нанести немалый урон переправляющимся следом. Или же если враг силен, то опять-таки сможет не торопясь подготовиться и вновь преподнести какие-нибудь сюрпризы наподобие рижских.

Ингерманландия тоже захвачена. Но там еще хуже. Мели не дают возможности большим кораблям приблизиться к берегу. Высадка поневоле растянется настолько, что москвиты обязательно обнаружат диверсию в своем тылу. А тут еще сплошные болота, по которым с армией не очень пройдешь. Еще небольшими группами пробраться возможно, но ни артиллерию, ни обоз протащить не удастся. А в крепости вряд ли есть в избытке обычные припасы.

Те же непролазные болота мешают подойти из Финляндии. То есть оттуда, где несколько портов обеспечат высадку армии. Никаких дорог в тех суровых краях отродясь не водилось. Для кого и зачем их прокладывать? Для нищего местного населения, никуда не ушедшего по дикости от москвитов? Даже вездесущие купцы предпочитают обходить весь район далеко стороной. Купить нечего, продать некому, да и в болоте утонуть – раз плюнуть.

А тут еще отношения с Англией.

Едва добравшись до Стокгольма, Карл потребовал к себе британского посланника и высказал ему все, что думает о двурушнической политике бывшего союзника. Беседа едва не закончилась объявлением войны, и лишь советники короля в промежутке сумели настоять на более мирном окончании. Воевать против всего света Швеции не позволяло финансовое положение.

Будь посланник посамостоятельнее, в ответ на подобную речь короля объявил бы войну сам. Но любой дипломат – это передатчик политики своего правительства. И в итоге действия посланника свелись к выяснению нынешних намерений Лондона.

Отношения были неоднозначными. Главным конкурентом, а соответственно и врагом, оставалась Франция. Смерти испанского короля ждали в самое ближайшее время. Без прямых наследников неизбежно должна была начаться схватка. Англия не могла допустить, чтобы на освободившийся престол взошел племянник Людовика со всеми неминуемыми последствиями. Потому и прочее пока волновало лишь в перспективе. Или как возможная помощь в грядущей войне. Потому в открытую выступать не спешили ни на одной из сторон.

Пит доказал свою невиновность. Дядюшка тихонько устроил ему выволочку за поспешность и готовность оказать помощь шведам до официального решения Лондона, и дело пока тем и ограничилось.

Относиться по-прежнему к недавним союзникам Карл не мог. Даже после всех объяснений и доказательств невмешательства Англии. Что с того, что захват Риги явился сюр-

призом для всех? Червь сомнения в душе короля остался. Может, в другое время он бы из принципа перешел на сторону Франции, однако сейчас ему хватало собственных проблем.

И тут в самый разгар поисков решения начал проклевываться новый союзник. Тот, о котором раньше и подумать было нельзя. Более того, он всю жизнь рассматривался в качестве врага, а тут вдруг сам, вначале – осторожно и исподволь, стал предлагать помощь в войне против России.

Но и запрошено было столько, что встал вопрос: в чем смысл? Кто в здравом уме отвоюет собственные земли, чтобы потом передать их кому-то другому?

Карл отказался от предложения наотрез. Однако кое-кто из советников продолжил неофициальные беседы. Началась торговля. Долгая, упорная. Постепенно прорезалась несколько иная цель возможного союза. Не отвоение, а полный разгром России. Соответственно, торг стал приобретать смысл. Предполагаемый союзник тоже не мог забыть старых обид и жаждал вернуть потерянное, попутно присоединив к нему все, что могло бы быть когда-то своим, да в силу разных обстоятельств не стало.

Когда королю стали известны результаты переговоров и показаны на карте новые чаяния добровольных помощников, то Карл поневоле присвистнул.

Хотели столько, что второе по величине европейское государство в одночасье становилось первым.

Единственное, что привлекало, – место, откуда становилось возможным нанести удар. Причем удар неожиданный, которого москвиты в любом случае не ждут.

А Нарва... Крепость первоклассная. Должна продержаться до наступления холодов. Зимой москвиты поневоле будут вынуждены отойти от ее стен. В поле долго не проторчишь. Да и кормить армию там нечем.

Что осталось до той зимы?..

Горн тоже ждал настоящей зимы. Нищий край не мог дать москвитам достаточно продовольствия. Как не мог предоставить жилье для солдат. Следовательно, продержаться надо было не так долго. Может, от силы месяц. В крайнем случае – чуть больше. Если русские не подвезут осадную артиллерию, небольшой срок. Нынешними их методами ничего они не сделают. Вселят страх в сердца робких. Нанесут гарнизону потери. Причинят горожанам убытки. Ерунда. На то и война.

Да и тяжелые пушки не гарантируют победы. На стенах Нарвы артиллерии хватало. В честной дуэли еще неясно, кто кого сумеет одолеть.

В глубине души суровый воин мечтал о штурме. Тогда все преимущества перейдут к гарнизону крепости. Москвиты узнают силу шведского духа, а окрестности будут завалены трупами врагов.

Но это только в глубине. Горн хорошо знал: никто не решится атаковать крепость без солидной подготовки. Сначала надо хотя бы стены проломить. Иначе будет не приступ, а массовое самоубийство. Да и не похож русский командующий на сумасшедшего. Вот на самоуверенного сверх всякой меры человека – весьма. Считать, что оружие, весьма губительное в поле, может помочь при штурме крепостных бастионов, – это, знаете ли...

Ничего, скоро убедится в обратном и дальше будет вынужден воевать по принятым правилам. Или ждать прибытия осадной артиллерии, или снимать осаду. Причем второе – скорее. Пока еще по здешнему бездорожью удастся протащить тяжелые пушки. Да еще к ним – соответствующие запасы пороха.

Нет, уверенность должна базироваться на чем-то более серьезном, чем недавние победы и упование на новое оружие. А тут даже незаметно, что у москвитов действительно есть значительный перевес в силах.

Или это авангард, а основная армия вместе с осадным парком отстала и движется следом? В таком случае понятным становился наглый ультиматум. Русский генерал просто решил попробовать: а вдруг выйдет – и тогда вся честь занятия крепости достанется ему?

Пути для москвитов открыты. Ничто не мешает им подтянуть сколько угодно сил и средств.

Ничего. Дело солдатское. Надо как-нибудь выстоять с Божьей помощью.

Утро преподнесло Горну сюрприз. Он ожидал чего угодно. Повторения вчерашнего комбинированного действия со стрелками и ракетами. Начала планомерного строительства батарей в ожидании прибытия мощной артиллерии. Попытки провести мину в замерзающей почве. Еще чего-нибудь в этом же роде.

Ничего. Вместо нормальных действий к крепостным стенам не спеша направлялся позавчерашний парламентар в сопровождении неизменного трубача и переводчика.

Горн молчаливо и мрачно смотрел на них с высоты, не понимая, зачем нужен второй визит.

– Государь вновь предлагает гарнизону крепости почетную капитуляцию на условиях, объявленных ранее. Время для размышлений – до полудня завтрашнего дня. После полудня условия будут гораздо более жесткими. Командующий осадным корпусом генерал Кабанов предупреждает от себя: в случае штурма крепость будет отдана на разграбление на три дня и вся вина падет на вас. В этом случае пощады не будет.

– Не слишком ли он самоуверен? – проскрипел Горн.

– Не волнуйтесь, – с откровенной издевкой отозвался парламентар. – Наш генерал всегда держит слово.

Полковника обуял гнев.

– А теперь выслушайте меня. Если вы или кто другой еще раз подъедете к крепости с наглыми предложениями, то я прикажу стрелять. И в этом клянусь перед Богом я, комендант крепости полковник Горн. Второй раз повторять не буду. Запомнили? А теперь – убирайтесь.

– Что ж. Вы сами выбрали свою судьбу, – оставил за собой последнее слово парламентар и все так же нарочито не спеша поехал прочь.

О как хотелось Горну приказать дать по отъезжающим один-единственный залп! Да больше бы и не потребовалось. Но ладно. Пусть живут и передадут начальству, что шведские крепости просто так не сдаются.

Горн посмотрел на сопровождавших его офицеров. На всех лицах была написана решимость и твердость.

– Нахалы! – счел за нужное прокомментировать полковник. – Не имеют никаких средств для взятия Нарвы, а ведут себя, словно стены вот-вот падут.

Но вдруг подумал: а может, все же надо было взять время на раздумье? Зато был бы один спокойный день...

Ладно. В самом деле, что москвиты сделают?

15. Командор. Нарвский орешек

Взять крепость без артиллерии и должной огневой подготовки почти невозможно. Я прекрасно понимал, что стрелки с самыми дальнбойными ружьями – плохая замена мощным пушкам и мортирам.

Мой расчет строился на психологическом давлении на противника. Штурмовать крепость я собирался лишь в самом крайнем случае, когда гарнизон будет окончательно сломен.

Самое страшное для любого солдата – гибнуть и не иметь возможности нанести противнику хоть какой-нибудь урон. Тут уж самая отчаянная решимость дает сбой и человек поневоле начинает задумываться, во имя чего он ежесекундно ждет смерти? А ведь в городе помимо гарнизона полно мирных жителей, которым умирать непонятно за что вообще не с руки. Если даже не умирать – так имущества жалко! Свое же, не королевское, нажитое собственным потом...

Миндальничать я не думал. За одного погибшего солдата даже десятка врагов мало. И все равно, носят они форму или нет. Время либерастов осталось в будущем. Хотя и они с легкостью оправдывают любые бомбардировки, если жертвы на дух не переносят демократических ценностей. Мой былой век – лучшее подтверждение этому.

Посылка парламентаря была вызвана двумя причинами. Я хотел дать людям последний шанс решить дело миром. И одновременно закончить строительство базы.

Шведы понятия не имели, что на другом берегу, в десятке километров от крепости, уже сооружены ангары для двух дирижаблей, установлены причальные мачты, оборудованы склады бомб, топлива и водорода. Наверняка старый полковник Горн не может понять, почему войска Репнина даже не делают попыток переправиться. А они просто обеспечивают прикрытие нового объекта. Остались кое-какие штрихи, и все будет готово.

По-своему дирижабль в условиях отсутствия противовоздушной обороны – идеальное средство для бомбардировки. Самолет атакует в движении. Летчику или штурману требуется рассчитать траекторию бомб, и все это в краткие мгновения полета над целью. А тут – завис над нужным местом да швыряй вниз все, что душе угодно. Или то, что имеется на борту. Даже спешить никуда не надо. Сбросил – посмотрел оценивающе на результат.

Конечно, разрушить целый город до основания проблематично. Но мы же не англичане и не американцы, чтобы сеять разрушения из одной только любви к ним! Самим восстанавливать придется. Так стоит ли увеличивать предстоящий фронт работ? Так, постращать малость да понагнать страху. А там посмотрим...

– Почему он летает, Командор? – Царевич с интересом разглядывал принаитовленный к земле, но рвущийся в небо воздушный корабль.

Зря на него наговаривали позднее историки. Мальчишка как мальчишка. Пусть в нем нет неукротимой энергии отца и стремления все делать собственными руками, зато нет и ненужной жестокости к своим и чужим, стремления перекроить мир по своей мерке, даже не задумываясь, хороша она или плоха.

Зато в Алексее много природной любознательности. Ум достаточно остер. Есть определенная доброта. А прочее приложится. Петр сам виноват. Поручил воспитание сына первым попавшимся проходимцам, а потом еще что-то требовал от него да удивлялся, почему это родная кровь не является его точной копией. С чего бы это вдруг? Да и нужна ли копия? Может, каждому человеку лучше оставаться самим собой?

Нет, в десятилетнем мальчишке я решительно не находил черт, знакомых мне по популярному в грядущем фильму. Правда, там царевич показан уже взрослым, но все-таки...

Стоявший рядом с царевичем Маратик тоже наострил уши. Сын Ширяева был слишком мал, когда нас забросило в эти времена, а последовавших вслед за тем событий было столько, что ранние детские впечатления практически стерлись из памяти. Мальчик не помнил ни компьютеров, ни самолетов. Зато разбирался в типах парусных судов, в их довольно сложном такелаже, знал основные принципы маневрирования на море, умел говорить на французском и чуть меньше – на английском.

Даже странно – пиратский сынок моего бывшего солдата.

А я сам? Наверное, теперь тоже больше пират, чем десантник.

Жаль, мой собственный сын еще мал, чтобы приучать его к походным условиям. Пусть прежде хоть грамоте выучится.

– Понимаешь, Алексей, все в мире имеет вес. Даже воздух, который вокруг нас. Но воздух ведь тоже бывает разным. – Я старался говорить так, чтобы мальчишки меня поняли без дополнительных вопросов.

– Знаю. Холодным и теплым, – радостно кивнул царевич.

– Не только. Воздух – это смесь разных газов. Тот, который нужен нам для дыхания, – это кислород. Но помимо него есть много других. Даже вода может быть воздухом. Видел, как поднимается пар, когда она кипит? А пар – это тоже воздух.

– Еще вода может стать льдом, когда замерзнет, – самостоятельно дополнил Алексей.

– Молодец, – похвалил я царевича. – И так любое вещество. Только температура для каждого своя.

– Но так летают кабаньеры, – вставил Марат. – А тут же воздух не нагревают.

– Правильно. Потому что в дирижаблях используется самый легкий газ. Он настолько легкий, что спешит подняться наверх и тянет за собой оболочку, гондолу, людей, груз. Но если груза будет много, то газ поднять его не сможет.

Алексей вздохнул. Он явно что-то напряженно обдумывал и лишь потом опять спросил:

– А птицы? Они тоже вырабатывают газ?

Вот же настырный ребенок! Хотя мне эта настырность нравилась. Хорошо, когда ребенок в детстве задает бесконечные «почему?». А тут ведь не только задавал, но и делал некие логические выводы!

Пришлось попроще объяснить то, что на скорости воздух тоже является опорой. А также – что движение относительно и все равно, дует ли ветер или мы с той же скоростью несемся или ползем сквозь атмосферу. И, дополнительно, – о восходящих и нисходящих потоках.

Я стал эгоистично подумывать: считать любознательность положительным качеством или, напротив, занести ее в отвратительные черты характера?

Шутка, конечно. Но не всегда и не все легко объяснять. Особенно когда многое сам воспринимаешь как нечто само собой разумеющееся, а для иного маловато доходчивых образов.

– Значит, можно сделать крылья, поставить мотор от дирижабля и полететь? – никак не хотел сдаваться Алексей.

– Мотор очень тяжел, – пришлось вновь рассказывать легенду о найденном древнем кладе. – К сожалению, сделать новый мы пока не можем. Как – понимаем, а способов у нас нет.

– И в Европе нет? Папа говорил, там умеют делать все.

– В Европе умеют гораздо меньше нашего. Там нет ни паровых машин, ни кабаньеров, ни дирижаблей.

– А еще у них нет нашей веры, – дополнил царевич.

Нет, все-таки он мне нравился. Вот только наставники ему попались никудышные. А так – может, после Петра именно такой царь и нужен будет России? Более склонный исконно

русскому менталитету, не столь сильно подверженный иноземному влиянию. Если к тому времени уже будет закончено обновление армии, появится основа промышленности, займет нужное место флот, то следующей задачей неизбежно окажется предотвращение разрыва между дворянством и народом, воссоединение сословий, уже нарушенное Петром. И потребуются совсем иные черты характера, чем у энергичного, работающего государя.

– Скоро полетим бомбить шведов, – сообщил я.

Первый налет планировался на полдень, а сейчас все еще стояло утро.

Странная штука – это время. Одиннадцать часов утра, но двенадцать – уже полдень. По самому значению – середина дня. Тогда сколько же длится этот день, если его середина начинается менее чем за час? Да и про одиннадцать часов вечера никто не говорит: уже ночь.

– Шведы нехорошие? Поэтому мы их бьем?

Ого! Ну и вопросик!

– Почему нехорошие? Весь народ не может быть хорошим или плохим. Есть хорошие и плохие люди. Просто России нужен выход к морю. Иначе трудно торговать с другими государствами. А эти земли когда-то давно были нашими. Вот мы и возвращаем себе то, что отняли у нас.

– А еще нашими были земли на юге. – Маратик наслушался своего отца и теперь старательно демонстрировал эрудицию.

– Правильно, – кивнул я.

– Когда я вырасту, я тоже буду пиратом и воином, как мой папа и вы, – без особой последовательности сообщил сын Ширяева.

Алексей посмотрел на него с завистью, как смотрит один ребенок на другого, когда тот хвастается вещью или планами.

– Я тоже, – без особой уверенности сказал царевич.

– Нет, ты будешь царем, – отрезал Марат.

При нем мы никогда не говорили о нашем варианте истории, предпочитая творить ее сами.

Царевич вздохнул. У меня сложилось впечатление, что о царской доле он судит в основном по отцу. Обязательные пьянки с приближенными, участие в строительстве кораблей, определенное самодурство... Если учесть, что большинство приближенных отца царевича не жалуется, то понятно, почему мальчик не слишком хочет править ими. Но хоть не мечтает казнить из мести, как Петр стрельцов.

Снаружи ангаров послышался шум. Следовательно, подъехал Петр Алексеевич и скоро солдаты начнут осторожно выводить дирижабли.

Точно. В ангар ввалился царь в сопровождении небольшой свиты. При виде того, что я беседую с его сыном, на лице его мелькнуло выражение недовольства.

Нынешняя система чинов настолько запутана, что порою трудно разобраться, кто кому и когда подчинен.

– Господин капитан-командор! Поручик воздушного флота Петр Алексеев к полету готов! Какие будут приказания? – вполне серьезно отпартовал государь.

Все обговорено еще с вечера, но воинская служба имеет свои ритуалы. Пока еще не слишком сформированные, но я постоянно стараюсь следить, чтобы все было по форме.

– Действуем по плану. Вывод дирижаблей через двадцать минут. Нагрузка – максимальная. – Я помолчал и добавил то, что пришло в голову во время беседы с детьми: – Во второй вылет каждый корабль возьмет по ученику, – и кивнул на мальчишек.

Петр поморщился вторично. Наверное, прикинул, сколько бомб в итоге мы не сумеем взять.

– Пусть с детства привыкают к небу, – твердо закончил я.

Это было уже другое. Петр усиленно пропагандировал учебу, посылал молодежь для стажировки на заграничные флоты и, следовательно, возразить тут ничего не мог.

– Государь, можно на два слова?

Может, и не дело отвлекаться перед важной задачей, но откладывать на потом мне не хотелось.

Мы отошли в сторонку. Меншиков попробовал увязаться за нами, но Петр так посмотрел на фаворита, что Алексашка счел за благо отправиться распоряжаться причальными командами.

– Я подумал, что надо привести в порядок все основные законы. Сейчас одновременно действуют и старые уложения, и новые указы, а это дает право подьячим трактовать любое дело в желаемом русле. Иначе говоря, создает простор для злоупотреблений. Нужен свод основных положений.

– Хорошо, – кивнул государь. – Но кто этим займется?

Людей не хватало настолько, что каждый более-менее способный человек совмещал по несколько должностей. Я сам умудрялся числиться и по армии, и по флоту, и по воздушным силам. Помимо командных функций на мне лежали вопросы комплектования, обучения, усовершенствования организационной структуры и многое в том же духе. В ближайшее время я должен был войти в создающуюся комиссию по составлению Военного и Морского Уставов. Это если не считать наших общих с Флейшманом дел по производству, возни с новыми изобретениями и многое другое. Вплоть до дипломатии, хотя никакого поста в ней я не занимал.

Что говорить? В своих вотчинах я так и не побывал, сына видел урывками, и вообще, даже на отдых порою не мог выкроить достаточно времени.

– Тот, кто хорошо разбирается во всем этом. Не может не найтись нужного человека. – Я сразу дал понять, что эта область не для меня. – Могу лишь подсказать, что необходим четкий закон о престолонаследии.

– Это еще зачем? – Петр был недоволен подобным вмешательством в его жизнь. Начисто забывая, что жизнь монарха частной быть не может по определению.

Или в его отношении к сыну сказывалось отношение к бывшей жене? У мужчин нет инстинкта отцовства. В разное время мне доводилось слышать от многих, кто, разведясь, начисто забывал о детях. Петр, похоже, был из таких.

– Чтобы в дальнейшем избежать всяких смут.

Государь посмотрел на меня таким взглядом, словно заподозрил во мне грядущего зачинщика одной из них.

Но в отличие от монарха я помнил все последствия отсутствия подобного закона. Недалом последующее время окрестили эпохой дворцовых переворотов. В каких-то случаях Россия, возможно, и выиграла, но полагаться на случай...

– Кто?! – прохрипел Петр.

Его с детства преследовал страх перед вполне возможным бунтом. Порою ожидание становилось навязчивым, а поиск возможных злоумышленников принимал вполне маниакальные формы.

– Никого, государь. Но царь должен мыслить веками. Без четкого закона в дальнейшем наверняка найдутся люди, которые заходят при смене властителей возвести на трон удобного им кандидата. Жену ли правителя, кого-то из ближайших родственников. А тут все заранее будет обговорено, и это сразу выбьет у возможных заговорщиков почву из-под ног.

Петр покосился в сторону наследника. В ангар уже торопливо входили шеренги солдат, чьей обязанностью было осторожно вывести дирижабли и подвести к причальным мачтам. Оба наших корабля, «Святой Петр» и «Святой Павел», были уже нагружены топливом и бомбами, поэтому излишек подъемной силы был невелик.

– И еще. Надо как можно тщательнее подходить к воспитанию наследника. Я несколько раз говорил с царевичем. Мальчик любознательный, многое схватывает на лету, однако ему не привита любовь к труду, к военному делу. И вообще, наставники отнеслись к порученному делу спустя рукава. Надо исправлять, пока не поздно, чтобы был еще один помощник и продолжатель дела.

В двадцать восемь лет трудно думать категориями эпох. А именно столько было государю. Он и реформы-то свои затеял, не имея малейшего плана, насколько могу судить – вначале из-за одного желания устроить дела как в Европе. Тоже мне, нашел образец для подражания!

Но учился Петр быстро. Буквально вырослел на глазах. По крайней мере, я чувствовал разницу между тем царем, с которым познакомился четыре года назад, и нынешним повелителем одной шестой части суши. Или одной седьмой, учитывая, что земель в составе России намного меньше, чем во времена моего детства.

– Я подумаю, – буркнул Петр. И вдруг без перехода сообщил: – Будешь сам старшим наставником моего сына. Но смотри, если что не так...

Вот уж не было печали! Я и своего-то практически не вижу!

Хотя есть надежда, что после победы какое-то время появится. Или даже не время – дел по горло, – но хоть дорог будет меньше, и я ненадолго смогу осесть на одном месте.

– Взяли! – послышался голос Ширяева.

И сразу стало не до отвлеченных проблем. Недоглядишь – еще попортят оболочку. Но и держать корабли на открытом воздухе рискованно. Парусность у корпусов большая, а Прибалтика всегда славилась своими ветрами. Мало ли что?

Первый налет прошел как по маслу. Ни сучка ни задоринки. Моя крохотная флотилия появилась над Нарвой незадолго до полудня. Я вместе с царем был на «Петре», Ширяев с Меншиковым – на «Павле». Роль механиков исполняли лучшие ученики Ардылова. Между прочим, из дворян. Но не разорваться же моей небольшой команде, стремясь успеть сделать все и сразу! Благо помощь со стороны получить легко. Петр решает такие вопросы в приказном порядке. Взял два десятка недорослей и в приказном порядке приказал им учить матчасть. Кто-то не справился, зато теперь у нас была полудюжина довольно неплохих механиков из числа тех, у кого душа лежала к этому делу. Да и престиж. Это в пехоте надо отслужить солдатом и только потом получить шанс выйти в люди. Здесь после экзамена сразу давался чин поручика воздушного флота. Если же учесть личный состав, который до сих пор нетрудно пересчитать по памяти, причем с перечнем не только фамилий, но и всех личных данных, то недоросли только выиграли. Теперь это были приближенные государя. Жалованье, красивая форма, вес в обществе...

С высоты Нарва была видна как на ладони. Этаким игрушечный городок, покорно ждущий своей участи. Было видно, что гарнизон постарался как-то защититься от егерей. Вдоль стен, там, где стояли многочисленные орудия, торчали щиты, очевидно деревянные. Другие пушки прикрывались мешками с песком.

Но чем они могли помочь в данном случае? Вот именно, ничем.

Мы сделали круг над городскими стенами. Что ж, каждый сам выбирает свою судьбу. А этих храбрецов еще по-хорошему предупреждали!

Ветер был, как по заказу, слабенький. Удерживать дирижабль над целью было легко. Да и цели определены заранее.

Мы обменялись с Петром знаками, выбирая конкретное место, и я, на правах командующего, махнул рукой:

– Начали!

Три пары глаз проводили падающую бомбу. Внизу рвануло пламя.

– Есть! – восторженно выкрикнул Петр, разглядывая разнесенное орудие.

В стороне от находящегося ниже «Павла» отделился темный предмет. Было видно, как дирижабль качнуло и стало поднимать вверх. И новый взрыв предупредил шведов об ожидавшей их участи.

Вот только пушек многовато, часто придется летать. Для тренировки полезно, хотя и утомительно. Зато без потерь.

– Пошла вторая!

Взрыв. Взрыв. Взрыв.

16. Последние дни

Город горел. Не весь, все же дома были каменными, да и пожарные команды старались погасить любой огонь. Тем не менее то один дом, то другой вспыхивал от попавшей ракеты, и горе было тем, кто его населяет.

Кто-то из жильцов погибал при взрыве. Большинство спасалось. Им в чем-то было даже хуже. Хорошо, если взрывом дело и обошлось. По возможности залатаешь крышу или дыру в стене, а нет – постарайся заткнуть ее всеми имеющимися тряпками. А если дом загорелся? Тогда вообще погибнет часть имущества, и дальше живи как знаешь. А на дворе, между прочим, поздняя осень, фактически – зима.

Горн попытался запретить жителям разжигать в домах огонь. Да где там? Пусть печи и камины, разрушаясь, влекли за собой пожары, но и сидеть в холоде никто не хотел.

Зато сколько было криков! Женщины буквально не давали коменданту дороги, окружали его, требовали немедленной сдачи. Приходилось повсюду ходить с охраной, но и лица солдат были недовольными. Хотя они пока молчали.

То и дело над Нарвой появлялись дирижабли. Зависали над стеной, сбрасывали бомбы, расчетливо уничтожая орудия. Не было никаких средств бороться с воздушной напастью. Нервы у людей не выдерживали. Стыдно сказать – храбрейшие солдаты при пролете дирижаблей торопливо бежали прочь от стен, не дожидаясь сброса бомб. Хоть штурмуй в это время – некому будет встать грудью на защиту твердыни.

Но на штурм русские упорно не шли. Они вновь и вновь выдвигали стрелковую цепь. Пользуясь бегством защитников, разворачивали ракетные установки, давали по городу несколько залпов и отходили прочь. Напрасно Горн пытался объяснить солдатам замеченный им факт – москвиты никогда не стреляли, пока дирижабли не отходили чуть в сторону. Страх солдат перед небесными чудовищами был настолько велик, что лишь отдельные храбрецы находили в себе мужество, не дожидаясь окончательного отлета дирижаблей, подняться на стены и попытаться угостить бомбой или ядром обнаглевших ракетчиков.

Дирижабли избрали своей целью лишь артиллерию. Только раз один из них сбросил бомбу на проходивший улицей строй солдат. Даже выдавший виды Горн морщился при одном воспоминании об открывшемся ему зрелище. Вся улица была покрыта кусками человеческого мяса. Один дом рухнул, на печной трубе другого повисла чья-то оторванная рука.

Но это – один-единственный раз. Ракеты же летели, не разбирая цели. Даже ночью от них не было никакого покоя. Тишина, темнота, и вдруг во мраке вспыхивает пламя, несется на город, а дальше – кому как повезет. Нападавшим-то проще. Подошли под прикрытием ночи, город велик, куда-нибудь всегда попадешь. А в ответ даже целиться бесполезно. Ракетчики сделали свое дело да ушли.

Со стены несколько раз пробовали бить зажигательными, чтобы хоть осветить местность, но чему гореть в ровном заснеженном поле? На вторую ночь небольшой отряд самых отчаянных попытался сделать вылазку, чтобы неожиданно напасть на ракетчиков. Горн видел, как во тьме замигали вспышки ружейных выстрелов. Потом донеслись крики схватки. И все. Из отряда не вернулся никто. А утро осветило ровную шеренгу трупов. Потом, когда солнце поднялось чуть повыше, москвиты решили, что достаточно продемонстрировали осажденным участь их собратьев, и увезли погибших прочь.

Павшие достойны погребения.

Напрасно Горн пытался изо всех сил подбодрить гарнизон. Он не уходил со стен даже во время воздушных налетов, лично распоряжался открыть огонь, как только москвиты выволакивали решетчатые установки. Его почти не слушали. Дух людей стремительно

падал. И что с того, что стены до сих пор не имели никаких брешей? Полковник чувствовал: через какое-то время их просто будет некому защищать.

В гарнизоне явно нарастал бунт. Полковник повелел повесить несколько солдат, которые вели паникерские разговоры, и их трупы болтались перед казармами, оповещая остальных о том, какая участь ждет предателей.

Но какая разница – от чего умирать? От петли или честной солдатской смертью – от вражеского снаряда или пули? Чувствовалось, что вопрос вполне может быть повернут и так, и приходилось постоянно следить за подчиненными.

– Ничего, – со скрипом говорил Горн офицерам. – Московиты все равно должны будут пойти на штурм. Они наверняка считают, будто мы уже сломлены. Вот тогда сполна и посчитаемся за все.

Офицеры согласно кивали. Только глаза их говорили уже о другом. Мол, до штурма еще надо дожить. Да и неизвестно, что будет раньше – штурм или бунт гарнизона и горожан? И долго ли можно держаться в таком аду?

– Ракеты на исходе. – Гранье вздохнул. – Я несколько раз посылал нарочных, но транспорт с ними идет слишком медленно. На завтрашний день кое-как хватит, а дальше все. Придется устроить небольшой перерыв.

– Когда подвезут? – спросил Петр.

– Не раньше, чем послезавтра, – повторно вздохнул Жан-Жак.

Корпус Кабанова имел при себе минимальный обоз. Большая часть ракет была доставлена Репниным из России. Теперь оттуда же ждали очередного транспорта. На худой конец можно было бы использовать дирижабли, но грузоподъемность была невелика.

– Может, штурм? – предложил Репнин, который тоже принимал участие в совете.

Часть его корпуса давно переправилась и усилила осаждающие войска. Другая – оставалась на «русском» берегу, обеспечивая прикрытие от возможного нападения Карла с той стороны.

Каждый день один из дирижаблей совершал облет в поисках возможного противника. Вдруг шведский король решится на сикурс осажденной крепости и попытается скрытно высадиться и напасть на русских с тыла? Или со стороны Эстонии. Пока Финский залив не покрылся льдом, приходится учитывать все варианты. Вдруг рижский урок пошел не впрок и Карл вынашивает идею реванша?

Петр посмотрел на Кабанова, словно только тот и мог ответить на вопрос Аникиты.

Командор молчал. Ему уже надоела осада. Три дня комбинированных бомбардировок, и до сих пор шведы гордо не спускают своего флага. А когда его несколько раз сбивали, упорно поднимали опять. Поневоле задумаешься: возможно ли нынешними мерами захватить город?

– А что? Мы уже половину орудий их снесли к чертовой матери, – высказался Меншиков. – Шведы даже на стенах боятся показаться. Выпустить по ним все ракеты, так, чтобы половина гарнизона пожарами занималась, и сразу рвануть к городу. А дирижабли в то же время зависнут да отгонять чересчур храбрых будут.

– Я – за, – поддержал его Ключену. – Зольдаты хотят в бой.

– В крепости ни одной брешы, – нашел возражение Кабанов.

Но возражал он без особой уверенности. Не вечно же здесь куковать! С другой стороны, потери...

– Я могу снести ворота, – объявил Гранье. – Быстро подскать поближе с парой пушек да дать залп.

– Ворота укреплены изнутри, – напомнил Кабанов.

И сам подумал: сбросить на эти подпорки с каждого из дирижаблей по двухсоткилограммовому гостинцу – вот и вся проблема. При корпусе имелась пара достаточно мощных

орудий. Прямой наводкой да с близкого расстояния вполне могут снести ворота напроочь. Расчеты натренированы. Мало будет одного залпа – даже из больших пушек успеют за минуту дать три, а то и четыре. Если проделать все это под прикрытием стрелков и огня всех ракетных установок и выдвинутой артиллерии, то противодействие будет не сильным. Шведов в последнее время на стенах немного. Точечные бомбардировки заставили коменданта держать большую часть людей где-то в укрытиях. Или люди разбегаются сами. Пока выдвинутся резервы, пока подготовятся... Потом – бросок тех же стрелков в качестве первого эшелона. Если выдвинуть их поближе, то бег к цели займет пару минут. В идеале – применение кавалерии. Раз уж драгуны – кавалерия, предназначенная для действий как в конном строю, так и в пешем, им и карты в руки.

Если бы дирижаблей было не два, а хотя бы четыре! Чтобы первая пара обеспечила взлом ворот, а вторая осколочными бомбами перекрыла прилегающие улицы! Не хотелось Командору потерь, столь неизбежных при любом штурме!

Сверх того, Сергей привык всю жизнь брать на себя самое трудное. Теперь его смущала мысль, что сам он в безопасности будет наблюдать за происходящим с дирижабля. В то время как другие – рисковать своей жизнью.

Самая большая трагедия войны: в подобных операциях впереди идут самые подготовленные, самые лучшие. Они же гибнут. А кто потом придет им на смену? Поневоле задумаешься: может, продолжать обстрелы в надежде окончательно сломить дух гарнизона без особых потерь со своей стороны?

Однако сколько времени на это потребуется? Испортится погода, и встанут на прикол дирижабли, да и ракеты будет сносить в сторону ветер. Еще повезло, что за последние трое суток воздух был почти спокойным, словно природа решила помочь осаждающим.

Лишь о желательной свадьбе не думалось совершенно. Не было у Командора привычки думать о личном перед важным делом.

– Рановато нам еще на штурм идтить, – осторожно высказался Шереметев.

Часть его корпуса, полки Преображенский, Семеновский, Суздальский и Смоленский, подошла еще позавчера. С ними были вызванные Командором Кротких и Калинин. Первый перед тем выполнял кое-какие поручения Флейшмана в Лифляндии, последний торчал в Риге, но что делать моряку по окончании навигации?

Банальной была и причина вызова. Дирижабли использовались все светлое время суток. Кабанову просто не хватало времени для прочих дел, связанных с осадой, а подготовленных пилотов было мало. Если точнее – то и не было вообще. Кроме выходцев из двадцать первого века, Петра с Алексашкой и еще пары человек из числа бывших флибустьеров.

– Надо артиллерии дожидаться. Чтобы надежно, по всем правилам, – развил мысль новоявленный фельдмаршал.

Осадой руководил не он. До сих пор сиюминутные симпатии царя значили больше пожалованных званий. Да и кто вообще может считаться командующим в присутствии государя? Разве номинальным, а так – все советчики. В худшем случае – крайние при неудаче.

Наверно, потому Петр молчал. Взять крепость ему хотелось. Оконфузиться – нет. Пусть генералы сами решают, а он уже сделает на основании сказанного окончательный вывод.

Ширяев смотрел на Командора. Выполнить он мог любой приказ, но привык доверять мнению командира.

– Я за штурм, – наконец решился Кабанов. – Но при одном условии – в мои распоряжения не вмешиваться. Раз уж я начал, то мне и ответ держать.

– Быть по сему, – неожиданно быстро согласился Петр.

Утро было пасмурным и морозным. Но гораздо холоднее были взгляды нескольких обывателей, попавшихся Горну на его привычном пути к крепостной стене. Отношение

к коменданту со стороны горожан портилось буквально по часам, словно он не защищал Нарву, а, напротив, пытался захватить ее.

За ратушей на одной из улочек случилось вовсе невообразимое. Из полуразвалившегося дома вдруг разъяренной фурией выскочила женщина. Возраст определить было трудно. Вроде не слишком старая, но растрепанные, непокрытые – о, ужас! – волосы были наполовину седы. Платье грязное, порванное в нескольких местах, хотя, судя по материалу, женщина когда-то принадлежала к зажиточной семье.

С каким-то утробным воем выскочившая бросилась на коменданта. С невероятной ловкостью женщина проскочила мимо солдат конвоя и с отнюдь не женской силой несколько раз ударила Горна большим кухонным ножом. Лезвие звякнуло о металл кирасы, отскочило. Лишь после этих звуков солдаты опомнились, набросились на несостоявшуюся убийцу, стали оттащить ее прочь. Она сопротивлялась так, что вчетвером не могли с ней справиться. Но наконец скрутили. Нож выпал. И тогда женщина метко плюнула коменданту в лицо.

– Убийца! Убийца! – выкрикнула она, обмякая после вспышки гнева.

Горн вытер слюну со щеки и повернулся к адъютантам:

– Кто такая?

– Это же Марта, – приглядевшись, ответил один из офицеров. Видно, женщина была не похожа сама на себя, раз узнать ее сразу он не смог. – Вчера бедняжка потеряла мужа и троих детей. Вот, наверное, и спятила, – добавил офицер.

– Спятила или нет, но она пыталась убить меня. Человека, волею короля поставленного комендантом Нарвы, – прокрипел Горн. – Посему – повесить!

– Но Марта – женщина... – как-то робко начал тот же адъютант. Возможно, чуть ранее увлеченный нынешней преступницей.

– Перед законом равны все, – твердо ответил Горн и посмотрел на защитника так строго, что последний поневоле умолк. – Выполнять!

Солдаты послушно поволокли Марту к Ратушной площади, на которой стояла переполненная виселица. Женщина не сопротивлялась. Видно, ей было все равно. Но и не шла сама. Висела, подобно кулю, чем вызывала вполне понятное раздражение вояк, вынужденных тащить ее.

Впереди защелкали выстрелы. Московиты начинали очередной день осады с привычной уже перестрелки.

Поднявшийся на стену Горн убедился, что дела обстоят точно так же, как вчера. Основные силы русских стояли в колоннах вне досягаемости выстрела. Пехота, кавалерия, орудия и ракетные установки в запряжках... Лишь одетые в белое стрелки сливались со свежим снегом, изредка выдавая себя дымком выстрела. Да, как и вчера, совершали перебежки в направлении крепости. Залегали поближе, дожидались, когда таким же образом подтянутся остальные, а там осторожно двигались дальше.

Горн по опыту знал, что близко стрелки не подойдут. Не свойственная солдатам осторожность вызывала в полковнике внутреннюю брезгливость, заставляла не принимать стрелков всерьез. Хотя их пули до сих пор приносили ощутимый урон и заставляли орудийные номера прятаться за дополнительными укрытиями.

Пули посвистывали и сейчас. Наблюдатели поневоле пытались втянуть головы в плечи, и лишь полковник стоял спокойно. Раненая рука скрыта под плащом, вид гордый и неприступный. Как сами стены самой мощной шведской твердыни в Ингерманландии.

Равномерный перестук где-то вдалеке оповестил о скором прибытии воздушного противника. Гораздо более грозного, чем наземное оружие московитов.

Старый и опытный воин Горн давно заметил: ракеты рассеиваются в полете. Попасть ими в конкретную цель невозможно. Разве что эта цель является целым городом. В проти-

вовес им дирижабли зависали над намеченной жертвой, и их бомбы обрушивались вниз с немыслимой точностью. И не было от них ни спасения, ни защиты.

Вот два чудовища не спеша поплыли под серым небом. При их пролете нервы некоторых солдат не выдерживали. Стыдно сказать – некоторые самовольно покидали стены, и даже те, кто оставался, бросались прочь от орудий.

Горн продолжал стоять на месте. Начальнику надлежит во всем быть примером подчиненным. Да и разве упадет с головы хоть волос без воли на то Всевышнего? А будет воля умереть – все равно не скроешься и не спрячешься. Так какой смысл суетиться?

Но все-таки внимание полковника отвлеклось. Он стал меньше смотреть в поле. И даже то, что цепь стрелков сегодня была более плотной и более короткой, как бы сосредоточенной на небольшом участке, прошло мимо сознания. А дирижабли медленно двигались вдоль стен, словно никак не могли выбрать себе достойную жертву.

Егеря двигались вперед осторожно, медленно, но неуклонно. Вначале, повинаясь недавно введенным офицерским свисткам, перебегала вперед одна часть шеренги. Остальные прикрывали их, при необходимости ведя огонь. Потом наступала очередь следующих. И так – пока все не сосредоточивались на новом рубеже. После чего движение возобновлялось опять.

Револьверные ружья были лишь у охотничьей команды и первых взводов двух рот. Остальные егеря имели на вооружении штуцера. Потому приходилось каждый раз ждать, пока все не перезарядят оружие снова. Хорошо, что долгие тренировки приучили людей делать это достаточно быстро даже в неудобном положении «лежа».

Командор двигался вместе со всеми. Здорово мешала шпага. Довольно неудобная вещь, когда приходится ползти. Но револьверные ружья были громоздкими, барабан по понятным причинам помещался точно по центру тяжести. Чтобы его не нарушать, штыков не полагалось. А внутри крепости без рукопашной не обойтись.

Где-то тут же, но чуть в стороне вел егерей их новый командир – Ширяев. Хоть и не положено быть командиру полка в чине бригадира, но для егерей было сделано исключение.

Клюгенау, еще один верный помощник и надежный генерал, по своему нынешнему чину считался заместителем Кабанова и командовал стоявшими в колоннах пехотными полками. Там же находились Меншиков с драгунами, Лукич с казаками и Гранье с артиллерией.

В самом начале шведы еще изредка стреляли из орудий. Один раз вроде бы удачно. Но с появлением дирижаблей крепость окончательно затихла.

Командор много раз летал на бомбежки и прекрасно помнил, как это бывает. При зависании над конкретным участком стены расчеты орудий торопливо бросаются в разные стороны. Этакая игра из цикла «кто не спрятался», где победителю достается жизнь, а проигравшие присоединяются к мертвым. Тут уж не до каких-то стрелков в поле.

Из-за отсутствия целей почти утихла ружейная стрельба. Воспользовавшись тишиной, Гранье выдвинул на позиции ракетные установки. Крепость в ответ продолжала молчать.

Еще одна перебежка. Стены ощутимо приблизились. Происходи дело весной, и рывок до крепости занял бы меньше минуты. Но по снегу, пусть неглубокому, быстро не пробежишь. И ближе подходить пока не стоит. Еще немного – и противник может понять замысел, вызвать пехоту и открыть самый банальный ружейный огонь. Как бы ни стреляли шведы, но какие-то пули все равно найдут себе цель.

Длинные трели свистка. Внимание. Повинуясь собственной команде, Кабанов откинул барабан и заменил использованную гильзу новой.

В воздухе тоже ощутили приближение решающего момента. Под головным «Святым Петром» распустилось полотнище вымпела.

Новый сигнал, и первая цепь егерей во главе с Кабановым и Ширяевым рванула вперед.

На ходу Командор оглянулся. Увидел, как вдалеке с места двинулись два мощных орудия. Расчеты верхом неслись рядом.

До стены осталось полторы сотни метров, когда егеря, тяжело дыша от пробежки, попадали в снег.

Вовремя. Кто-то из шведов набрался мужества, и дым известил о скором прилете бомбы. А может, картечи. Что в лоб, что по лбу.

Было отчетливо видно, как от «Святого Петра» отделилась бомба. Дирижабль повело вверх. Заработал в полную силу мотор, уводя воздушный корабль в сторону.

Громыкнуло так, что заложило уши. В дыму и огне поднялись какие-то доски, камни... Путь одних был недолог. Другие словно решили поставить рекорд. Хорошо еще – в основном в сторону города. Но парочка предметов едва не долетела до головной цепи егерей.

Над стеной в нескольких местах появились головы наблюдателей, и егеря немедленно открыли огонь.

Вторая цепь рванулась к залегшим товарищам. Ее уже догоняли шедшие широким карьером орудия, а еще дальше с места сдвинулись колонны пехоты и кавалерии.

«Святой Павел» занял место собрата, и еще одна бомба полетела по ту сторону ворот.

Едва стих грохот взрыва, Кабанов поднял егерей. Сзади их догоняли две тяжелые, подпрыгивающие на рытвинах пушки.

Заскрежетало, засвистело. Над головой в сторону города понеслись ракеты. Момент был опасным. Разброс порою бывал велик, и несколько штук вполне могли не долететь, упасть прямо посреди своих.

Егеря дружно залегли. Лишь Гранье гнал артиллеристов вперед, хотя уже вполне мог бы поставить их на позицию. Но, видно, Жан-Жак решил подстраховаться.

Его пушки очутились впереди кабановских егерей, в какой-нибудь сотне метров от крепости. Только тогда запряжки совершили лихой разворот. Номера торопливо соскочили с лошадей, кинули поводья коневодам, а сами вмиг оказались рядом со своими тяжелыми голубушками.

Ракетные станки опустели. Кабанов вновь послал людей вперед, теперь уже – вдогонку сноровисто копошащимся канонирам.

Орудия бухнули залпом. Не успел рассеяться дым, как каждый из номеров совершил два-три движения и пушки вновь оказались готовыми к стрельбе.

Теперь цепь егерей залегла на одной линии с орудиями. Новый залп совпал с первыми пушечными выстрелами опомнившихся шведов. Хотя еще как сказать – опомнившихся. Судя по дымам, ответили три орудия, остальные пока молчали.

Лежащий рядом с Командором Ахмед выстрелил и радостно воскликнул:

– Есть!

Кабанов и сам стрелял, и даже вроде бы попал один раз, но полностью в том был не уверен. Человек исчез, а попробуй скажи, убит он, ранен или просто залег под укрытием!

Кто воевал, не слишком доверяет похвальбе снайперов...

– Смотрите, полковник! – Адъютант так торопился привлечь внимание, что начисто опустил необходимое обращение.

Горн оторвался от наблюдения за медленно проплывающими дирижаблями. Причина тревоги была понятна без лишних слов. Настолько, что полковник простил провинившемуся неправильное обращение.

Цепь русских стрелков стремительно бежала к крепости. Вряд ли с намерением атаковать, но ведь чем ближе дистанция, тем точнее огонь.

– Вызовите канониров. Остался же кто-нибудь на стенах!

Большинство артиллеристов спустилось вниз, не желая стать жертвами русских воздухоплавателей.

Двинувшиеся с места пушки Горн заметил сам. И сам же понял первоначальную ошибку.

– Пехоту сюда! Русские готовятся идти на штурм!

Одно из крепостных орудий все-таки выстрелило. И почти в этот же миг бомба с дирижабля упала где-то у ворот. Счастье, что полковник со свитой стоял в стороне и никто из них не пострадал.

Впрочем, один из офицеров неосторожно выпрямился и сразу стал медленно падать. На груди его расплывалось кровавое пятно.

– Где пехота?! – выкрикнул Горн застывшему адъютанту.

Тот наконец-то сорвался с места и под грохот новых разрывов устремился вниз. Туда, где коноводы с трудом удерживали перепуганных, рвущихся прочь лошадей.

Надо отдать должное шведским канонирам. Взрывы ракет вернули им мужество, и номера без всяких команд, да их было бы и не слышно, торопливо карабкались назад на стены, занимали свои места, а те, чьи орудия были заряжены заранее, без промедления открыли огонь.

Ракеты у москвитов кончились. По сравнению с непрерывным обстрелом следующие минуты показались всем тишиной.

– Пару пушек скорее к воротам! – Горн не отрывал взгляда от происходящего на поле. – Шевелитесь! Победа или смерть!

Самому коменданту судьба преподнесла последнее. Полковник едва успел закончить фразу, как пуля Ахмеда вошла ему точно между глаз. Горна отбросило на спину. Застывший взгляд был устремлен в пасмурное небо.

– Как же так? – Не столь важно, кто из свиты озвучил общий вопрос. – Что же теперь?

Словно в ответ ворота вылетели под очередными ударами ядер и со стороны поля послышался крик «Ура!»...

Как ни спешил Командор, до ворот он добежал отнюдь не первым. Его обогнали не кавалеристы. Казаки и драгуны погоняли лошадей еще на полпути от исходных позиций. Первыми добежали более молодые, чем Кабанов, егеря.

Возраст – безжалостная штука. Пусть до старости далеко, но все же не мальчик. Сердце от бега колотилось как бешеное, и никак не могло прийти в порядок дыхание. Хотя что такое полторы сотни метров? Еще совсем недавно – пустяк. Или виною тому образ жизни? Тот же табак, например?

Хотя при чем тут табак? Кабанов курил как до всей эпопеи, так и во время ее. И ничего. Не мешало.

Буквально за полминуты до того, как самые прыткие егеря достигли вожделенных ворот, «Святой Павел» прошелся вдоль них со стороны города и сыпанул несколько осколочных бомб. Кротких облегчил дирижабль до предела, однако в добавление к фугаске смог взять на борт немного гранат. Многим это спасло жизнь. Пусть шведы успели подтащить и зарядить только одно орудие, но залп картечи в упор мог бы выкосить всю первую шеренгу егерей.

Гибель канониров остановила тех шведских солдат, которые все же решились выполнить приказ и спешили на защиту опасного участка. В итоге егеря ворвались в город с налета, практически не встречая сопротивления, и лишь на ближайших улочках столкнулись лицом к лицу с противником. Сразу затрещали выстрелы, затем послышались крики – это егеря сошлись в короткой рукопашной с немногочисленными уцелевшими шведами.

На стенах тоже разыгрались схватки. Хотя тут перевес ворвавшихся был таков, что любое сопротивление было напрасным.

Жители города пытались торопливо забаррикадироваться в своих домах. Как будто двери и ставни могли спасти от захватчиков!

И тут на полном скаку в ворота проскочил Меншиков. Следом за ним вперемежку неслись драгуны и казаки, и положение защитников сразу стало безнадежным.

Но еще до того, как егеря и кавалеристы сумели добраться до Ратушной площади, флаг на шпилье крепости дрогнул и быстро пошел вниз.

Нарва без условий сдавалась победителям...

17. Новый посол

Хорошо жить в нормальной европейской стране. Территория небольшая. Все под боком. Дела и люди сосредоточены на крохотном участке. Даже если требуется куда-то съездить, то настолько недалеко, что, как правило, за несколько дней можно обернуться туда и назад. Если же дела требуют большего времени, то в крайнем случае на выходные можно быстро смотаться домой. Побывать с семьей, немного отдохнуть и вновь вернуться к отдаленной работе.

Другое дело – необъятная страна. Тут есть города, от которых скачи хоть во весь опор, все равно до ближайшей границы придется нестись, по выражению классика, три года.

Разыгравшаяся война потребовала некоторого напряжения, но почти ничего не меняла в жизни обычной глубинки. Не на одних шведах свет клином сошелся.

Огромные территории лежали в областях рискованного земледелия. Потому основная часть не такого уж большого по сравнению с бескрайними просторами населения была вынуждена выращивать урожай. Начали работать не так давно учрежденные мануфактуры. Велась торговля. Да мало ли дел?

Знающих людей было немного по сравнению с задачами. Потому, едва шведы были разбиты под Ригой, все, без кого в данный момент можно было обойтись, покинули театр военных действий. Что в этом театре делать простым зрителям?

Флейшман с Ардыловым сразу отправились в Коломну. Надо было успеть многое из намеченного к следующему году. Да и вообще, производство требует постоянного глаза.

А вот Валере Ярцеву по тем же делам пришлось ехать на юг.

Война со шведами была в тысяча семисотом году от Рождества Христова главной проблемой в жизни России. Главной – но не единственной.

Мир с Турцией был подписан, но доверия старый противник не внушал. В политике все просто – хочешь, чтобы тебя уважали, докажи свою силу. Или хотя бы продемонстрируй ее. Пусть первые торговые суда ушли в Средиземноморье через Дарданеллы, все равно приходилось держать на юге довольно значительные воинские силы. Помимо армии в Таганроге продолжал базироваться молодой русский флот. Новые корабли сейчас строились в меньших количествах. Сказывалась переброска части мастеров в Прибалтику. Да и средств на наращивание корабельных сил без всякой меры не было. Как и прямой нужды. Центр политической активности временно переместился на северо-запад. Здесь же пока требовались сдерживающие силы.

Помимо чисто политических задач флот играл учебную роль. Вдали от моря мореплаванию не научишься, а создавать кадры с нуля – вещь достаточно долгая.

Понятно, почему из всей компании для поездки на юг был выбран именно Ярцев. Балтийский флот был только заложен. Эта навигация в любом случае уже была пропущена. Частные корабли и суда ушли знакомым маршрутом в Европу, и опытному штурману в это время заняться в Риге было нечем. А тут надлежало проверить уровень подготовки Черноморско-Азовского флота, провести практические и теоретические занятия для слушателей Морской школы, будущих офицеров российского флота, обеспечить учения. Да и Флейшман еще просил проверить, как идут дела на верфях Воронежа и помочь оставленному там лучшему из русских корабелов Склеяеву в проекте принципиально нового корабля.

Не любил Петр не занятых делом. Оставалось радоваться, что друзья и соратники пока не довели до царя лелеемой мысли о постепенном продвижении России от Дальнего Востока к Америке. Не довели все по той же банальной причине – для осуществления столь масштабных планов требовались время, деньги и люди.

Времени не хватало. Хотелось сразу и всего, а на практике постоянно приходилось возиться с кучей разнообразных мелочей, без которых не сделаешь ничего по-настоящему большого. Одна проблема влекла за собой следующую, та – другую, и так без конца. Громадное же большинство из них были вообще нерешаемы при нынешнем уровне техники. Ведь одно дело – изготовить примитивную пороховую ракету, и совсем другое – космический корабль.

Денег в казне не хватало на самое необходимое. Частный капитал компании Командора тоже вечно вертелся в самых разнообразных проектах, и выделить на экспансию потребную сумму не представлялось возможности.

Да и кем заселять, когда страна, можно сказать, безлюдная? Шестнадцать миллионов человек на огромную территорию. Тут впору к себе колонистов приглашать, как позднее в иной истории сделала Екатерина.

Но разговоры все же велись, и Ярцев знал, на кого из компании будет свалено дело. В том случае, если до него дойдут все-таки руки.

А странствия уже так надоели...

Выйти бы спокойно в отставку, поселиться в одной из подаренных деревень да зажить тихой жизнью! Куда там! Это во Франции такое вполне возможно и естественно. Петр требовал от дворян пожизненной службы. Посему мечтать об отставке было все равно что мечтать о переносе обратно в свое время.

Вопреки тайным мечтаниям и желаниям, выполнять порученную работу Ярцев привык добросовестно. В Воронеже он много времени провел со Склеевым, объясняя ему суть задания, ради которого самый способный отечественный корабель был оставлен на юге. Даже поприисутствовал при закладке будущего судна. Затем в Таганроге, согласно предписанию государя, осмотрел флот и на одном корабле вышел в море с курсом на Керчь. Команда на треть состояла из морских учеников, и всю дорогу Ярцев заставлял моряков производить всевозможные эволюции, раз провел артиллерийские стрельбы и почти постоянно учил, учил, учил тех, кто когда-нибудь придет ему на смену.

Вторая половина плавания выдалась на редкость тяжелой. Разыгравшийся шторм едва не утопил корабль. Больше половины людей укачалось настолько, что только физическое воздействие (проще говоря – кошки) боцманов заставляли моряков бороться за свое спасение. В довершение в Керченский пролив в такую погоду войти оказалось невозможным. Пришлось вновь отходить от берега и пережидать непогоду посреди открытого моря.

Три дня, с точки зрения новичков целую вечность, пришлось болтаться по волнам и ветрам. И лишь когда морские боги сменили гнев на милость, лечь на нужный курс.

Внешне Керчь выглядела почти такой же, какой Валера запомнил ее по прошлому году. Новых строений практически не было. И в то же время что-то неуловимо изменилось и в городе, и в крепости. Или все дело было в попадавших на каждом углу солдатах, а то и простых людях в русском платье, купцах, мужиках? Посреди древнего города вдруг повеяло русским духом, хотя население его было крайне многонациональным. И первая построенная церковь мирно уживалась со старой мечетью.

Напрасно молодые моряки надеялись на отдых. Ярцев поставил на ремонт всех. Старый флотский закон – прежде приведи в порядок корабль, а потом веселись на всю катушку. Мало ли дел на корабле после шторма?

Лишь на третий день Валера отпустил людей на берег с предупреждением, что утром корабль уходит в обратное плавание. Приближалась зима, и следовало спешить в родную гавань.

Впрочем, ближе к вечеру коменданту крепости, у которого гостил Ярцев, сообщили о приближении с юга неизвестного корабля. Комендант, племянник Головина и человек сухопутный, заколебался – не объявить ли боевую тревогу?

– Зачем гоношиться, блин? – недовольно буркнул Ярцев. – Ну, корабль. И что? Раз он один.

И лишь потом сквозь легкий хмель берегового отдыха пробила мысль: «А чей он, собственно, раз Черное море до сих пор было внутренним озером султана?»

Ответ пришел быстро. Стоило Ярцеву один раз взглянуть издали на флаг. Да и как не признать, когда не столь давно в бытность в Европе приходилось видеть точно такое же полотнище у себя над головой?

– Кто они? Кто? – волновался Головин.

Словно была особая разница. Нет, могла бы теоретически быть, да только шведам здесь ввязаться было неоткуда.

– Французы, – коротко произнес Ярцев.

И хоть никогда не отличался особой сентиментальностью, но сердце разок все же екнуло. Вдруг кто из знакомых?

– Французы? – переспросил комендант и досадливо качнул головой. – На каком же языке мы объясняться будем? У меня и толмача таковского нет.

– Я сам переведу, – улыбнулся Валера и добавил любимое: – Ядрен батон!

Но гораздо больший сюрприз ждал Шкипера спустя пару часов, когда шлюпка с французского фрегата уткнулась в берег. Встречавший ее Ярцев сразу признал сходящего на твердую землю франтоватого дворянина. Был тот после плавания немного уставшим, однако взгляд его встретился со взглядом Ярцева, и глаза сверкнули искренней радостью.

– Валери!

– Мишель, блин!

Мужчины обнялись. Вот уж кого Валера точно никогда не надеялся увидеть! Память поневоле воскресила старые картины. Тюрьма, ожидание кары, неожиданное избавление в лице ворвавшегося Командора, а за его спиной – нынешний путешественник со шпагой в руке.

Как давно это было!

– Откуда вы здесь? Решили навестить? – От волнения Ярцев даже позабыл вставить в речь неизменное «блин».

– Решили. Причем не я, – широко улыбнулся д'Энтрэ.

– Наташа? – догадался Валерий.

– Берите выше. Его Королевское Величество собственной персоной. Хотя Натали была очень рада.

– Король? – не понял Ярцев.

– Он самый. Отныне я назначен полномочным посланником при дворе русского царя. А если все будет хорошо, то и послом.

– Блин! – помотал головой Ярцев, а чуть позади переминался комендант:

– Что он говорит?

Долгое время никаких русско-французских отношений практически не было. Если не вспоминать Ярославну и прочих личностей совсем давних лет. Вернее, как? Стороны прекрасно знали о существовании друг друга, изредка обменивались какими-то письмами, поздравлениями и прочим. На этом вся дипломатия завершалась. Между двумя странами лежала вся Европа с ее многочисленными государствами. Попробуй доберись!

Впрочем, до Петра путешествия русских за границу не поощрялись. А французы считали, что делать им в России попросту нечего. Торговля была перехвачена давними соперниками – англичанами. Делить с русскими было нечего. Других проблем хватало. Тут Испания под боком. Опять-таки, Голландия. Англия, Австрия... Да и за Атлантикой лежат земли, лишь по недоразумению присвоенные кем-то другим. Так что в целом отношения были безразличными. Ни одна страна ни представляла для другой опасности, ни оказывала помощи.

Взаимное равнодушие сдвинулось с мертвой точки стараниями молодого Петра. Не в лучшую, надо признаться, сторону. В окружении юного царя было немало англичан и голландцев, давних недругов Франции. От них Петр воспринял не только любовь к всевозможным техническим штуковинам, но и стойкую неприязнь к далекому, пока ничем не виноватому перед Россией государству. Вплоть до того, что с шумом и помпой отметил пару побед англичан над супостатом.

Даже во время своего вояжа в Европу во Францию Петр демонстративно не заглянул. А уж что посланников Короля-Солнца не принимал – о том можно и не заикаться.

Командору с приятелями пришлось приложить немало сил, чтобы хоть чуть нормализовать ставшие странными отношения. Политика не признает такой категории, как неприязнь. Хорошо все, что может быть выгодно. Франция проявила интерес к русским товарам, как традиционным, наподобие пеньки, так и к новым, тем, которые начал производить Флейшман. Итогом стала помощь в заключении мира с турками. Особенно в той части договора, который разрешал торговым судам свободно проходить проливы.

Помимо собственно экономической выгоды Людовик преследовал иную цель. Русские товары традиционно скупали враги-англичане. Значит, получив что-то из России напрямую, Франция косвенно наносила ущерб вечному сопернику.

В Париже сочувственно отнеслись к началу русско-шведской войны. Несколько лет назад Швеция входила в Аугсбургскую лигу, и борьба с ней как бы являлась продолжением затихшей европейской войны. Новые сражения маячили не за горами (вернее, как раз за горами, конкретно – Пиренеями), потому чем дольше русские воюют с одним из возможных противников, тем лучше.

Проигрышу России никто в Версале особенно бы не огорчился. Самонадеянные москвиты получили бы свое, и над ними бы искренне посмеялись, втайне мечтая о вторжении шведов в русские пределы с дальнейшим взаимным кровопролитием. Но вместо ожидаемого поражения от лучшей армии Европы едва появившиеся в качестве реальной силы русские смогли разнести противостоявшее им войско в пух и прах.

Самым интересным было услышать в числе наиболее отличившихся фамилию человека, еще не так давно активно сражавшегося под знаменами французского короля. Вернее, фамилию он перевел на местный язык, но при дворе нашлись советники и знатоки, которые смогли подтвердить, что, по всем данным, Кабанов и Санглиер – одно и то же лицо.

По мнению некоторых приближенных, вполне согласных с королем, это давало некоторый шанс не только сблизиться с Россией, но и вступить с ней в союз. Солдаты лишними не бывают, и гораздо лучше, когда третьи страны сражаются на твоей стороне, чем на стороне неприятеля.

Первоначальные проанглийские симпатии Петра секретом не являлись. Сменить их на диаметрально противоположные было трудно, но чужих трудностей Король-Солнце не признавал.

Кто-то подсказал, что Командор был дружен с Мишелем д'Энтрэ. И вот уже в далекую провинцию помчались королевские гонцы. Король срочно требовал своего подданного к себе.

– На аудиенции Его Величество выразил пожелание, чтобы в Россию в качестве посланника отправился я, – рассказывал Мишель. – На мое оправдание, что я воин, а не дипломат, он ответил, что верит в мои способности. Да и может ли быть иначе, когда перед ним представитель такого старого и знатного рода? А тут еще Натали... Я же знал, как ей хочется повидать своих друзей, и согласился. И вот я здесь.

– А супруга? – Все же в беседе с породистым аристократом называть его жену фамильярно по имени было не очень удобно.

– Разумеется, со мной. Просто подумалось: среди здешней дикости появление прекрасной женщины может вызвать нежелательные последствия. Я ничего не боюсь, но впереди еще такая длинная дорога! – искренне поведал Мишель.

Валера лишь покачал головой. Откуда взялись вековые представления о России как о стране кровожадных дикарей? На себя бы лучше хоть раз внимание обратили!

– Конечно, в дороге может быть всякое, – как можно мягче произнес Ярцев, – но поверьте, Мишель, шансы нарваться на разбойников ничуть не выше, чем в Европе. А уж про города говорить нечего. Даже про такой, как Керчь, лишь недавно ставший русским. Так что можете смело свозить на берег свое семейство.

– Я распоряжусь. – Судя по немедленному отзыву Мишеля, за томящуюся на корабле супругу он искренне переживал.

Пока они не спеша беседовали во дворце коменданта, снаружи наступила темная беззвездная ночь. Лишь огонь фонарей освещал ближайшую улочку да светился фонарь на идущей к французскому фрегату шлюпке.

– Правда, что Командор стал большим человеком при дворе царя? – спросил посланник.

– Большим – да. Но при дворе – вряд ли, – посмеялся Валера. – Блин, он и генерал, и адмирал, и кавалер высших орденов. Только у нас нет двора в его европейском понимании. Балы, приемы... Даже не знаю, стоит ли это, ядрен батон, заводить. Хотя, наверное, придется...

Ярцев вздохнул, представив, как его Женестьева отплясывает с пьяными (зная манеры Петра) кавалерами. Тут поневоле задумаешься: стоит ли перенимать с Запада все без разбору?

– Ладно, сами увидите, – продолжил Валера. – А так – все наши офицеры заняли кое-какое положение. Даже я теперь капитан первого ранга и личный шкипер царя. Государь щедро награждает за заслуги. Хотя и работы требует. Лучше скажите, как вы рискнули идти морем перед самой зимой? Тут же бывают такие шторма!

– Испытали. Но сушей еще хуже. Через Австрию, с которой, того и гляди, может разразиться война? Нет уж. Морем надежнее. Только очень долго. Лоцмана хоть дадите? Наши офицеры совсем не знают Азовского моря.

– Зачем вам лоцман? Завтра я уйду в Таганрог. Можете пристроиться в кильватер. Скоро могут начаться морозы, потому лучше не медлить.

Мишель вздрогнул. О легендарных российских морозах он наслушался достаточно и заранее страшился встречи с ними.

– Хорошо. Но мы взяли с собой теплые вещи, – а про себя подумал: настолько ли они теплые?

– Тогда вместе и поедem. Мне все равно надо заглянуть в Москву. Там я вам помогу пристроиться до приезда царя.

– А он разве не в своем дворце? – удивленно приподнял холеную бровь француз.

– Петр Алексеевич бывает в нем от силы пару месяцев в году. А когда и еще реже. Государство огромное, а наш царь любит все делать сам. Так что в столице он теперь будет вряд ли, – охотно пояснил Валера.

Вообще-то Наташа могла сообщить это своему мужу сама. Уж характер-то Петра известен всем, кто в грядущие века будет жить в России.

Может, и сообщала, да Мишель не поверил. На фоне важного Людовика труженик Петр смотрелся белой вороной.

Ничего. Познакомится с государем, сам убедится: на Руси главным для монарха является не развлечение, а труд.

– Петр, наверное, сейчас в Лифляндии. А может, в Эстляндии, – докончил Ярцев, наблюдая, как шлюпочный огонек скользит обратно к берегу. – И Командор где-то там...

18. Флейшман. Размышления и подарки

Командор с Петром появились в Москве почти сразу после взятия Нарвы. Без всякой помпезности и театральности, столь любимой иногда молодым царем, два дирижабля высадили людей, а утром умчались за следующей партией.

Я сразу узнал о последних новостях от прискакавшего курьера и в свою очередь по первопутку отправился на встречу победителей.

Москва ликовала. Даже те, кто втихомолку осуждал государя, искренне радовались убедительным успехам русского оружия. Давненько войны не были настолько победоносными. А победы над внешним супостатом в глазах народа искупают многое.

Трезвонили церковные колокола, празднично одетые люди поздравляли друг друга, на Красной площади глашатаи выкрикивали очередные реляции... И все это на фоне искрящегося на солнце свежего снега.

Красиво...

Война продолжалась, но кампания этого года была закончена. Часть войск оставалась для охраны вновь присоединенных к России земель. Прочие уходили на зимние квартиры. В основном – не слишком далеко от Прибалтики. И лишь несколько полков получили приказ идти на Москву для участия в торжествах.

Командора в столице не было. Улетел опять к Нарве. Пилотов было немного, потому и Сергей, и Алексашка в данный момент были вынуждены заниматься вульгарными перевозками.

Петра мне застать не удалось. Он носился по широко раскинувшейся столице, решая накопившиеся за время отсутствия дела, а может, просто похвываясь успехами. Везде мне отвечали: «Только что был, но умчался». В конце концов это надоело так, что я отправился в свой московский дом. Появился у меня в последнее время и такой. Не ночевать же по знакомым во время частых поездок по делам!

С Командором мне довелось увидеться только утром. Он сам заявился ко мне довольно усталый, но возбужденный и довольный.

Рассказал некоторые подробности последних дел. Выслушал мои. И лишь тогда объявил мне о прибытии в Россию лорда с сэром и о разводе Мэри.

– Так что скоро женюсь. Мэри готовится креститься в православие. С этой стороны проблем не будет. Кто посаженный отец, говорить не надо.

Еще бы! Любил русский царь выступать в подобном качестве. Особенно – если речь шла о его приближенных. Будь то вельможа или простой солдат.

– Вы все, разумеется, приглашены, – докончил Сергей.

– А ведь церковный брак – на всю жизнь. Не боишься?

– Чего бояться в мои годы? – улыбнулся Командор.

– Исповеди, – нашел я.

– Не страшно. Все, что было до крещения, Церкви не касается. Тут я как младенец, начинающий жизнь с чистого листа. А сейчас... Не такой уж большой я грешник, чтобы не заслужить прощения, – серьезно ответил Сергей. – Разве что не тверд в вере.

– Или вообще не веришь? – уточнил я, сам уж не знаю зачем.

– Не знаю. По-моему, верить по-настоящему я вообще не способен. Я же прекрасно знаю: Земля – не пуп Вселенной, а довольно заурядная планета, вращающаяся вокруг довольно заурядной звезды, в свою очередь находящейся на периферии заурядной галактики, а галактик тех считать – не пересчитать. Хотя порою мне кажется, что существует в мире некая высшая сила, которую можно назвать Богом за неимением другого термина.

Тут я с ним был согласен. Атеистом я не был. Верующим тоже. Но существование Бога готов был признать.

– Опять-таки опиум для народа, – поддел я Сергея главным образом для порядка.

– Почему обязательно опиум? Скорее, нравственная основа. – Командор был настроен явно философски. Это бывало с ним редко. Наш предводитель больше внимания уделял вопросам сугубо практическим. Но иногда каждому хочется разобраться в тайнах мироздания.

Разум дает нам только знания, а нравственность – религия. Мораль христианина – одно, язычника – другое, твоих соплеменников – третье, мусульманина – четвертое. Даже коммунисты после разрушителя Ленина вынуждены были создать некий суррогат религии. Помнится, у Пушкина к одной из вещей был эпиграф «Нравственность в природе вещей». Но в природе нет нравственности. Потому либерасты наших дней отказались от всякой морали. «Не укради» – но почему, если, украв, я стану жить лучше? Главное – не попасться. «Не убей», «не прелюбодействуй»... Так можно пройти по всем заповедям и обнаружить, что жить гораздо легче без них. И в итоге оказаться в тупике, слишком хорошо нам знакомом по прежнему времени. Нет уж, лучше религия. Плохому она не учит.

– А как же испанцы, с упоением резавшие и грабящие еретиков? Святая инквизиция? Суровые протестанты, уничтожившие коренное население Америки? Наши бывшие коллеги по пиратскому цеху, наконец? У них, если помнишь, в сундуке обязательно лежала Библия. Хотя большинство читать не умело.

– Инквизиция, положим, рассчитывала спасти души... – Сергей попытался затянуться трубкой, но табак весь выгорел и пришлось выбивать его, потом набивать трубку по новой.

– Ладно. А остальные? – не сдавался я.

– Остальные? – Командор вздохнул. – Протестантов в расчет можно не брать. У них во главу угла поставлен личный успех. А вот прочие... Понимаешь, Юра, если при наличии *такого* сдерживающего фактора люди ведут себя хуже скотов, то что будет, если их лишить даже основы? Представляешь?

Конечно, представлял. В нашем веке я был мирным человеком, не имевшим дело с оружием. А тут довольно скоро стал убивать, чтобы не быть убитому. Потом – просто чтобы выжить. А затем уже – по мере необходимости без жалости и ночных кошмаров. И это я, человек иного времени и воспитания.

Но согласиться я не успел. Во дворе поднялась суматоха, и минуту спустя к нам ввалился Петр в сопровождении неизменного Алексашки.

Первым делом царь налил из стоявшего на столе штофа водки в попавшуюся под руку чарку, залпом выпил ее и лишь потом поздоровался со мной.

– Помнится, кто-то обещал мне новое чудо показать. Даже уговорил Склеява ему отдать, – намекнул царь.

– Так по весне, – напомнил я. – Но сложа руки не сижу. Школу мастеровых открыл. Для расширения производства нужны умелые люди, а взять их негде. Даже в Европах таковых нет. Вот теперь набираю со всех сословий. Главным образом – молодежь, но обращаются и люди зрелые, кто работал по какой-нибудь близкой специальности. Кстати, государь, надо бы давать вольную тем, кто хочет и имеет способности учиться. В идеале – поискать по городам и деревням, а не только в наших вотчинах да в Коломне с Москвой. Людей очень мало, а дел много.

– Я тебе еще деревень отпишу, – вскользь заметил Петр.

– Ко многим работам необходим талант.

– Брось. Человек научится всему. Надо только заставить.

Сам Петр последнему принципу следовал всегда. Ставил людей в шеренгу, не считаясь с возрастом и происхождением, после чего первый десяток превращался в моряков, вто-

рой – в дипломатов, а третий – в пушкарей. Никакие личные предпочтения в расчет не брались. Надо – и точка.

– Разумеется, – согласился я. – Но талант у каждого разный. Один не поднимется выше подмастерья, а другой достигнет немыслимых высот. У каждого человека в любом деле есть некий потолок, который не перепрыгнешь. Потому и необходим отбор самых способных.

– Так отбирай, – отмахнулся Петр. – Подготовь бумагу, я подпишу. Как производство?

– Растет. – Мне было чем похвастать. – Бумаги за месяц произвели в два раза больше, чем в январе. Выпуск ружей тоже возрос. Паровиков скоро будем собирать по три в месяц. Стандартных, не считая более мощных. Короче, выпуск всех товаров растет. Ардылов обещал ткацкий станок немного усовершенствовать для простого народа. Все равно зимой крестьяне ничего не делают, так пусть хоть парусину какую ткнут. И им лишний доход, и государству польза.

Петр не удержался, через стол хлопнул меня по плечу своей длинной рукой.

– Слушай, почему у вас все получается? Сердце зело радуется, глядя на вас. Все бы такие были, давно бы построили здесь рай земной.

– Потому что мы не гонимся за Европой, а стремимся быть впереди нее, – ответил за меня Командор. – Еще обязательно надо создать несколько учебных заведений. Обязательно – техническое училище, которое бы готовило специалистов для самых разных производств, университет. Вот только преподавателей хороших найти. В идеале открыть школы для народа. Чем грамотней население, тем больше путей открыто перед каждым человеком. Соответственно – лучше для государства. Но это потом. Сначала надо какие-нибудь программы составить, учительские школы создать. Да и платить... Казна, насколько понимаю, опять пустая.

Вечная беда – нехватка денег, рабочих рук и голов. Не зря мы при каждом удобном случае стараемся внушить Петру, что одна из первейших задач – увеличение населения. А пополнение казны – торговля, производство в сочетании с поиском ископаемых.

– Война... – Петр сам хотел скорейшего подъема России. Но война тоже отняла немало денег. Да и прочие бесконечные проблемы.

И вновь разговор был прерван. На этот раз – известием о возвращении Ярцева и скором прибытии в Москву французского посланника.

– Надо идти встретить, – поднялся Петр. – Едем со мной. По дороге все обговорим.

– Свадьба-то хоть когда? – поинтересовался Алексашка, торопливо дожевывая кусок окорока.

– Как только Мэри примет православие. Каноны она выучила. Надеюсь, не сегодня завтра крестится. Мне откладывать тоже не с руки, – хмыкнул Командор.

Разумеется, если учесть, что не за горами Рождественский пост, а во время поста никакие браки не заключаются. И даже сам царь что-либо изменить в том бессилён.

Петр рассмеялся, будто услышал откровенную скабрёзность.

Впрочем, ничего большего в отношении Мэри он себе не позволял. Все же дочь знатного британского лорда. Да и поведение избранницы Командора было таким, что лишний раз подумаешь, говорить про нее что-либо или нет.

Прием французского посланника представлял смесь между Россией старой и новой. Наличествовали бояре из до сих пор не распущенной Думы. Уже без классических бород и даже без шуб, в предписанном польском или немецком платье, но все еще с остатками спесивости. А в дополнение к ним – новая служилая знать. Количественно знатных предков многие из них похвастать не могли, зато кое у кого на груди сверкали ордена за последнюю шведскую кампанию. Даже я, скромный мирный человек, имел Георгия третьей степени за баталию под Ригой. А что говорить о Командоре с его второй?

Собственно, из наших мы были вдвоем. Валера вроде бы прибыл с юга, но уехал повидать семью. Калинин отправился в Европу. Ардылов трудился. Сорокин сидел в Риге. Ширяев вместе с Клюгенау, Гранье и Петровичем вел полки к Москве. Кротких тоже где-то мотался. Поневоле вспомнишь счастливое карибское время, когда мы практически каждый день были вместе!

Новым для меня было присутствие на церемонии царевича Алексея. Видно, Петр внял нашим общим уговорам и решил потихоньку подключать наследника к делам. Пусть мальчонку он в память матери не слишком любил, но дети государя – дело государственное. Прошу прощения за невольный каламбур.

Но что не просто удивило, а едва не вогнало в ступор – личность посла. Всего я ожидал, только не нашего Мишеля, с которым, был уверен, в нынешней жизни увидеться нам не суждено.

Вот, поди ж ты... Жизнь еще не научилась подбрасывать нам всевозможные сюрпризы. Даже приятные. Мишелю-то было полегче. Он успел узнать о нас многое. Да и сразу стало понятным, почему послали именно его. А вот для нас прибытие хорошего приятеля явилось сюрпризом.

Вручение верительных грамот – процедура утомительная и неинтересная. Стандартные движения, положенные вопросы, расплывчатые ответы. Ничего выходящего за рамки установленного протокола. Потому Петр, как человек конкретных дел, сразу после приема назначил посланнику аудиенцию. Чтобы поговорить уже более четко. Почему, зачем и что мы с этого можем иметь?

Тут уже не было никакой Думы. Любой представительный орган – это прежде всего пустая болтовня. Потому – лишь несколько ближайших соратников, в число которых на этот раз вошли мы с Командором. Помимо прочего – как знатоки французского вопроса. А то и как бывшие подданные Франции.

– Вначале позвольте мне, Ваше Величество, выполнить приятное поручение, возложенное на меня королем, – приятно улыбнулся Мишель и после милостивого кивка Петра торжественно встал. – От имени и по поручению Его Величества за заслуги в прошедшей войне Серж де Санглиер награждается орденом Святого Людовика первой степени и пожизненной рентой, – изрек посланник, к удивлению всех присутствующих.

После чего Командору были вручены соответствующие знаки и грамоты. Недурной ход – попытаться привязать бывшего подданного пожалованием высокой награды, когда даже прославленный Барт имел лишь вторую степень.

Впрочем, наград у Командора хватало и русских. Разве что Георгий был второй степени, но я не сомневался, что скоро Сергей сдаст его в учрежденный недавно Капитул орден в обмен на первую. Война-то еще не окончена, и должен кто-либо стать первым кавалером первой степени.

Завистливо сглотнул Меншиков. Награды Алексашка любил до безумия. Не меньше, чем деньги и почести. И жадно пытался собрать их везде, где только можно. Но вот беда – король Людовик вряд ли знал о существовании будущего Светлейшего. Знал бы – может быть, и расщедрился бы на всякий случай.

После поздравлений пошел собственно разговор о главном. Если вкратце, то король предлагал свое посредничество в заключении мира со Швецией. Франция признавала все завоевания России в Прибалтике, очевидно даже те, о которых еще не было известно в Версале. Ведь пока Мишель добирался, случилось многое.

Интересно, а если бы мы проявили прыть и захватили Стокгольм, это тоже было бы признано?

В посреднике Петр нуждался. До сих пор все предложения о мире не находили ответа. Потеряв в течение лета и осени заморские колонии и потерпев ряд поражений, на капитуля-

цию шведы не шли. Конечно, не говоря уже об амбициях короля, которому, кстати, случившееся вполне может стоить трона, официальное признание поражения немедленно выбросит Швецию из числа тех держав, с которыми считаются в мире. Одно дело – проиграть в тяжелой войне, и совсем другое – встать на колени после первой же проигранной кампании.

Предложение Людовика было немедленно принято. Государь находился в некотором упоении от череды побед, но продолжения войны не желал. Еще до нее он был вообще готов удовлетвориться кусочком Ингерманландии, отдав все остальное грядущим союзникам. Но союз с Польшей разрушил Командор. Он же навязал Петру совсем иной план войны. Теперь Петр был более чем удовлетворен в своих притязаниях. Порт на Балтике получен. В придачу к нему – большой кусок территории. Цели достигнуты с избытком, и, по мнению царя, теперь требовалось бросить все силы на развитие торговли, поднятие промышленности, строительство военного и торгового флота, на переустройство внутренней жизни, то есть на то, чему война только мешала.

А вот прозвучавший вскользь намек на возможный союз против грядущих врагов Петр проигнорировал. В чем надо отдать ему должное – воевать за чужие интересы русский царь не хотел.

Да и действительно – нам-то что до испанского наследства?

Зато появился простор для маневрирования. Две сильнейшие на данный момент страны искали нашей дружбы. Соответственно, ни одна из них не могла напасть или хотя бы помочь чем-то Швеции, чтобы не увидеть нас вслед за этим во вражеском стане.

Мечта любого дипломата, да и только!

И, конечно, аудиенция завершилась дружескими посиделками. Поговорили о европейских новостях. Мы с Мишелем успели вспомнить былое. И, разумеется, просто повеселиться. Как оказалось, посиделки были мальчишником накануне свадьбы Командора.

Уж не ведаю, Петр ли поднажал на священников, Мэри ли проявила недюжинные способности в религиозных вопросах, но торжественное бракосочетание состоялось буквально через два дня. Да и то лишь ради не успевавших прибыть гостей.

Народа хватало, и какого народа! Я уж не говорю о наших скромных персонах. Даже Сорокин прилетел из Риги, благо погода делала любые боевые действия невозможными. Да и Гриша с Жан-Жаком и Клюгенау оставили ненадолго вышагивающие к Москве войска.

Но были здесь и знатнейшие бояре из числа сторонников преобразований. И сам Государь всея Руси. И послы государств, как едва ли не враждебных друг другу, вроде Мишеля и лорда с сэром, так и европейской германоговорящей мелочи.

Наш доблестный французский соратник смотрел на британцев так, словно собирался бросить им вызов. Они же старались его не замечать.

Ничего. Привыкнут. Работа дипломатов как раз и заключается в том, чтобы тщательно скрывать свои симпатии и антипатии. И разводить вокруг любого пустяка сплошные церемонии.

Если кого и не было – это посланника Речи Посполитой. Но того вообще не было в этот момент в России. Август так завидовал нашим успехам, что на некоторое время даже отозвал всяких поверенных в делах. Очевидно, для обсуждения текущей политики.

Но все равно нелегко сейчас Командору. Гости, конечно, знатные, да что толку, если на свадьбе есть одна абсолютно глупая роль, и это роль жениха?

Шаг вправо, шаг влево – побег. Прыжок на месте – попытка улететь. И хоть Командор никуда улетать не собирался, но все равно тщательное следование роли и жестко заданное поведение – вещи не из приятных.

А может, я и не прав, если все свершается по любви...

Во всяком случае, Командор выглядел не менее счастливым, чем невеста. И даже солнечный луч вдруг пробился из затянувших небо туч и скользнул по пышному платью и дра-

гоценностям новобрачной и орденам жениха. Хотя и солнце не могло соперничать с сияющими лицами молодых...

Часть третья

Курляндский вопрос

19. Известие

Снаружи безостановочно мела метель. Снежинки неслись сплошной пеленой. Так что, если смотреть из окна, казалось, это ты несешься в своем доме мимо какой-то белой непрерывной пелены. Словно зима захотела навек похоронить мир под слоем снега. Ни выйти, ни войти...

– Блин, погодка! Как по заказу! – Ярцев мотнул головой. – Я-то думал, быстренько все сделаем, а тут...

– А тут до Женеьевы не дойдешь, – хмыкнул Флейшман.

Ему-то идти никуда не требовалось. Разве что до спальни.

– Может, утихнет к утру. – Командор тоже покосился на окно. К счастью, ветер дул сбоку и дорожное стекло оставалось незаметным. – Хотя, конечно, не вовремя.

Представился недавно накатанный тракт до Воронежа, сейчас наверняка ничем не отличающийся от лежащих в полях сугробов. И время, потребное на его расчистку. Тут поневоле на язык придут слова, по сравнению с которыми обычные Валерины высказывания покажутся шедеврами утонченного стиля.

Паровая машина была полностью готова, проверена и приспособлена к транспортировке. Склеев недавно отрапортовал, что у него тоже полный порядок, и теперь остановка за двигателем. Тем самым, доставить который мешает разыгравшаяся метель. А ведь дел хватает и в других местах.

– Подождем, – философски заметил Флейшман, разливая по чаркам вино.

Да и что оставалось делать, раз дороги временно стали непреодолимыми? Только сидеть да ждать погоды. Или утра, когда можно будет пойти по многочисленным цехам. Благо производство от погоды не зависит.

С другой стороны, часто ли удастся посидеть немного в своем кругу, никуда особенно не торопясь? Если бы не мело и не надо было бы волочь паровую машину на юга, все равно каждый из троицы занимался бы сейчас своим делом. В крайнем случае – усталым пришел бы домой да коротал вечер с домочадцами, памятуя, что вставать придется еще до света.

– Жени не хватает. – Командор кивнул на висящую на стене гитару. Увы, Кротких был далеко. Наверняка сидел в какой-нибудь тьмутаракани да так же смотрел в окно в надежде на дальнейшую дорогу.

Кабанов задумчиво взял инструмент, провел по струнам, убедился, что гитара не очень расстроена, и тихонько пропел на манер популярного когда-то Учкудука с его тремя колодцами.

До сих пор в Кандагаре
Помнит каждый старик,
Как красавец наш танк
Средь дувала возник.
И как в синее небо
Умчалась «стрела»,
И как каждый душман
Улыбнулся тогда...

Почему он вдруг вспомнил нечто далекое из юности – кто знает?
Да и не пел сам почти никогда.

Допеть не дали. В дверь ввалился курьер, чем-то похожий на сугроб. меховая шапка, шуба – все было покрыто толстым слоем снега, который посыльный даже не потрудился стряхнуть.

С хорошими вестями в спешке не являются.

– Что? – односложно спросил Командор.

Гитара мягко полетела на диван.

– Нападение на Ригу, – с трудом выдохнул курьер.

Видно, еще не отошел от скачки в метель.

– Блин! – послышался голос Ярцева.

– Кто? С какой стороны? – Хмель мгновенно улетучился из глаз Кабанова.

– Шведы. Через Двину. Только что пришло донесение. Государь немедленно велел быть у него, – рассказать подробнее курьер не мог. Может, и сам не знал никаких подробностей.

– Сейчас выезжаю. Лишь домой заскочу. – Командор и в самом деле немедленно устремился на выход. Лишь у двери приостановился и бросил приятелям: – Придется вам самим...

И исчез. Только метель продолжала бушевать за окном.

Снег шел всю ночь. Порою он просто валил хлопьями, порою несся над белой землей белой метелью, порою превращался в буран, и тогда становилось непонятным, где земля и куда подевалось небо. Лишь сплошная пелена, мокрая, злая, секущая лица, стоило их только высунуть в промежуток между шапками и поднятыми воротниками тулупов. Каким образом сидевшие на козлах Ахмед и Василий сумели не сбиться с дороги, вернее, уже не столько с дороги, сколько с направления, осталось тайной. Они и сами не могли понять почему. Но возок не миновал ни одной почтовой станции, измученные лошади каждый раз перепрыгались, и уже под утро возок въехал в Москву.

Хорошо еще хоть, что некогда монголы учредили почтовые тракты и станции. И что на каждой из них были кони специально для спешащих по государственным надобностям людей.

Дорогой Кабанов радовался только одному. Военный совет во главе с Петром так и не вернул Егерский полк в Коломну, расположив его постоем в Пскове. В составе небольшого отряда поддержки Лифляндского корпуса. Следовательно, солдатам придется меньше переть до неприятеля. А вот двум другим гвардейским полкам предстоял марш от самой Москвы.

Прочее – огорчало. Баллоны обоих дирижаблей лежали аккуратными пустыми полотнищами в ангарах, их дизеля находились в переборке, и на воздушные силы рассчитывать не приходилось. Понятно, что те полки, которые расположены гарнизонами в самой Прибалтике, могут успеть к Риге раньше, чем ядро армии, даже если гвардия и сопутствующие ей войска сумеют выступить сегодня, но вопрос: стоит ли подходить по частям, которые Карлу будет легче бить? И вообще, стоит ли еще Рига? В донесении говорилось только о факте нападения и ничего – о численности неприятеля.

И как проморгали факт высадки шведов на побережье? Не говоря о том, что Рижский залив замерз?

Как?

Командор напрасно корил себя и всех, кто был ответствен за наблюдение за побережьем. На этот раз Карл проявил в полную силу и свой талант, и возможности нового союзника.

Армия была скрытно перевезена в Либаву прямо зимой, когда встретить в море какие-либо корабли практически невозможно. Сама же Либава принадлежала Курляндии, герцогству, находящемуся в вассальной зависимости от Польши. Понятно, постоянного наблюдения за недавним союзником не велось и высадки шведов русские здесь не ждали. Присматривали за самой границей, раз уж она проходит в опасной близости от нового российского порта и провокации со стороны поляков не исключены, хотя бы из-за их стремления лезть везде, куда не просят, но именно поляков, а не шведов.

Меж тем новым союзником Карла был не кто иной, как Август. Сочетание республики с монархией имеет свои минусы, а вот плюсов – увы, нет. Это законный государь сам решает, какую политику лучше проводить на благо государства. Выбранный – лишь должен выполнять пожелания своих избирателей. В противном случае ничто не помешает последним выдвинуть кого-нибудь другого. Например, его соперника Лещинского.

Те же недостатки характерны и для прочих выборных форм правления, когда руководит не сам правитель, а люди, формально признавшие его главным.

Одним из главных условий, на которых на престол Речи Посполитой был выдвинут саксонский король, было присоединение Лифляндии и Эстляндии. Причем исключительно силами саксонских войск. Зачем ясновельможным панам отвлекаться от любимых дел – охоты, попоек и прекрасных паненок?

Не умея наладить порядок на своей территории, шляхта с вожделием смотрела на чужие земли, видя в них залог своего процветания. А ведь неподалеку лежала Малороссия, не так давно отошедшая под власть Москвы. Да и сами русские территории представлялись панам весьма лакомым куском.

Обхаживание Августа длилось недолго. Вначале прекрасные паненки, от которых Август терял голову, в ответ на ухаживания намекали, что видный мужчина должен быть не только любовником, но и героем, который бросает к ногам возлюбленных целый мир. Потом, когда Август стал созревать, явились представители сейма и поставили перед ним вопрос ребром. Или он выполняет обещания, или прощается с короной.

Август хорошо относился к Петру. Но и терять одну из своих корон не хотел. Власть – это в первую очередь разнообразные удовольствия, до которых был так охоч Август.

Немалую роль сыграл и Паткуль. Обласканный и приближенный Петром, даже назначенный помощником лифляндского губернатора по гражданской части, Паткуль довольно быстро разочаровался в новом хозяине. Вернее, не в нем – русского царя Паткуль успел узнать достаточно неплохо задолго до войны, – а в самом государстве.

Петр требовал от всех службы. В полную силу. В сравнении с этим польская безалаберность казалась раем. Еще бы! В мутной водице шляхетских вольностей рыбку ловить намного проще, чем в жесткой иерархии нарождающейся империи.

Да и терзали его сомнения: уж не сделает ли Петр новоприобретенные земли обычными губерниями со всеми вытекающими последствиями? Вон уже строит верфи, а к ним – небольшой городок, в котором селится разнообразный люд, связанный с кораблестроением. Так потихоньку городок может превратиться в город, и как в нем чувствовать себя истинному лифляндцу?

И Паткуль со своей стороны тоже стал осторожно зондировать Августа на предмет возможного пересмотра границ. Он прямо писал польскому и саксонскому королю, что дворянство Лифляндии и Эстляндии хочет отойти под Речь Посполитую и даже готово поддерживать поляков своей вооруженной силой.

Тут, правда, таился небольшой обман. Кое-кто, может, и был бы не прочь. Но в своей массе прибалтийские бароны присягнули на верность российскому царю и не собирались отступать от клятвы. Как не собиралось отступать от присяги торговое сословие, почуявшее возможность новых барышей.

Им лишь бы была прибыль, а грядущее и не важно.

Под напором двух сторон Август не выдержал. Саксонские полки находились в Курляндии с начала войны. Дипломаты потихоньку вышли на Карла, и тайный союз в конце концов был заключен. Лифляндия должна была отойти к Польше, Эстляндия – вернуться к Швеции, и обе державы затем вплотную собирались приступить к дележу русских и малороссийских земель.

Четырнадцать тысяч пехоты и три – конницы, больше, чем было у Карла под Ригой, появились в Либаве и скрытно двинулись к границе, где их уже ждали саксонские войска.

Правда, сам Август с Карлом так и не встретился. Очарованный очередной красавицей, король проводил время неподалеку от Дрездена. Красавица на войну не рвалась, а королю было не до всякой ерунды. Его черед придет позже, когда настанет пора пожинать лавры. А пока пусть справляются генералы. Да и венценосный собрат, раз ему так нравится дым костров и свист картечи.

Не обошлось без накладок. Время года было суровым, на Балтике бушевали шторма, и прибытие союзной армии здорово растянулось во времени. Да и не была приспособлена Либава для приема столь большого количества кораблей...

– Судя по донесению, саксонцы среди нападающих тоже есть. – Петр вздохнул и качнул головой. – Ах, Август, Август...

– А ведь это даже неплохо. – На красном с мороза, усталом лице Командора промелькнула тень улыбки.

– Что – неплохо? – не понял Головин.

В кабинете они находились втроем. Все прочие уже носились по Москве и окрестностям, готовя необходимое к походу.

Это же только кажется так просто – отдать приказ войскам к выступлению, и все. На самом деле марш на большое расстояние – дело сложное. Надо наметить маршруты, пункты ночевки и дневок, собрать обоз со всем необходимым – от провианта и одежды до боеприпасов. А также предусмотреть кучу всякой мелочи, вроде подковывания лошадей и прочих чисто бытовых, но, увы, неизбежных дел.

– Саксонцы. Один раз дадим урок, больше никогда лезть не захотят. – Развивать мысль Кабанов посчитал пока преждевременным. Хотя в голове уже роились некоторые соображения, как навсегда обезопасить Ригу с юга.

– Ты думай, о чем говоришь, – встрепелся Петр. – Был один противник, стало двое. Если же к ним еще присоединятся поляки...

– Поляки – вояки не страшные, – отмахнулся Командор. – Хотя... Надо бы срочно написать в Малороссию. Пусть на всякий случай подготовятся к встрече. И еще послать им какие-нибудь войска на подкрепление.

– Какие?

Армия была не настолько велика, чтобы прикрыть страну с разных направлений. Часть находилась в Прибалтике. Другая – в столице и окрестностях. Плюс приходилось держать войска на юге на случай каких-либо действий со стороны Турции. Малороссия прикрывалась в основном казаками да гарнизонами из сохранившихся там стрельцов.

Ответа на свой вопрос Петр не ждал. Он перебрался за стол и начал сразу писать бумагу.

Лицо царя чуть подергивалось, как всегда с ним бывало при волнении.

Неудивительно, что Петр не вспомнил сам о возможной угрозе с юга. Все его мысли были заняты происходящим под Ригой, и он просто не успел до конца прочувствовать все вероятные последствия измены несостоявшегося союзника.

Перо скользило быстро, порою едва отрываясь от листа, порою роняя по пути чернильную кляксу.

Царь размашисто подписался и крикнул:

– Ягужинского ко мне!

В дверях немедленно вырос молодой подтянутый офицер.

– Доставишь Мазепе. Срочно!

Командор невольно вздрогнул.

Он несколько раз мельком встречался с человеком, чье имя стало синонимом предательства. Впечатление было довольно неприятное. Несколько одутловатое лицо гетмана дышало властолюбием и жестокостью, однако при виде Петра в глазах появлялся самый обычный подхалимаж мелкого хозяйчика к хозяину крупному. Царь плохо разбирался в людях, принимал лизоблюдство за искреннее уважение и любовь, но обмануть Командора было труднее.

Любой нормальный офицер просто обязан быть психологом. Иначе он просто не сможет управлять людьми, которые волею судеб стали солдатами. Да и за годы работы начальником охраны у народного депутата Кабанов насмотрелся всякого. Было в гетмане что-то нечистоплотное, как в тех очень важных, важных просто и не слишком важных людях, с которыми частенько имел дело его бывший патрон. Конечно, была в отношении Командора некоторая предвзятость, но все же он привык доверять своему чутью.

Предателями не рождаются. Ими становятся благодаря обстоятельствам и свойствам характера. Другой, быть может, и предал бы, но условий не создалось, и он остался честным человеком. В известной Кабанову истории Мазепе показалось, что Карл одержит верх в растянувшейся схватке, и он поспешил забить себе местечко при новом хозяине. Но если в данный момент сильнее Петр, то для измены не найдется места. Не все люди идеальны, так что из того?

Но порою тянуло заложить Петру гетмана как изменника. Благо при нынешних методах дознания главное – это попасть к палачу, а там уж сознаешься сам во всем, в чем тебе предложат сознаться. Вот только останется тогда наградить себя тридцатью серебренниками Иуды...

Ягужинский кивнул государю и торопливо вышел.

– Все же, государь, послать туда армию необходимо, – твердым голосом произнес Командор. – Нет у меня веры, что казаки могут справиться одни в случае необходимости.

– Нет у меня свободных полков. Нет, – отозвался Петр. – Сейчас главное – не дать шведам отвоевать Лифляндию.

– Но и дать им вторгнуться в пределы нашего государства мы позволить не можем. – Командор говорил, а сам вспоминал, какие из частей находятся поближе к Малороссии. – С одной стороны, наличие крупных сил способно остудить самые горячие польские головы. С другой – собрав там кулак, мы сами будем иметь возможность в случае необходимости перейти в наступление с той стороны, с которой нас не ждут. Думаю, без особого риска туда реально направить Костромской и Курский пехотные полки из Орла, Самарский из Воронежа и по одному – из Таганрога и Азова. Все равно зимой турки никаких действий предпринять против нас не смогут, да и на юге чуть что – хватит моряков. И еще Тверской драгунский. Все равно он стоит в тех краях без дела.

– А что? По-моему, дело, – поддержал Командора Головин.

– Да? И кого вы предложите в командующие? Уж не себя ли? – поинтересовался Петр.

Это тоже было извечной проблемой. Не хватало надежных людей, а про людей не просто надежных, но еще и талантливых – не стоило и говорить.

– Можно Шереметева, – вздохнул Командор. Он немного побаивался, что сейчас его обвинят в зависти. Мол, старается устранить конкурента с поля грядущей битвы. – Одно дело – если Мазепа вынужден будет подчиниться какому-нибудь генералу, и совсем другое – когда фельдмаршалу.

– Не доверяешь гетману? – по-своему, хотя вполне правильно понял подозрительный Петр.

– До сих пор у него не было случая проявить свои полководческие способности, – уклонился от прямого ответа Кабанов. – Лучше иметь там проверенного человека.

– Быть по сему, – согласился царь. – Мы же выступаем, как только все будет подготовлено.

Петр поднялся, давая понять, что разговоры закончены и пора заняться живым делом.

– Государь, разреши. – Кабанов тоже поднялся. – Можно я выведу прямо сейчас на Псков? Заберу стоящие там полки, потом присоединю какие-нибудь гарнизоны по дороге и буду у Риги на несколько дней раньше.

– Разобьют, – веско заметил Головин.

– Я осторожно, – слегка улыбнулся Командор. – Но Риге необходима помощь как можно быстрее. Буду действовать налетами, не ввязываясь в сражение. Это здорово отвлечет шведов и саксонцев. Тут главное – не лезть под удар.

По лицу Петра было видно, что ему очень хочется поставить на место строптивного подданного. Но до сих пор Командор не подводил царя ни разу, более того – всегда помогал в самых сложных положениях, и царь поступил справедливо.

– Действуй. Но потерпишь поражение – ответишь головой.

– Отвечу, государь, – согласился Кабанов.

Но весь его вид говорил: «Поражение – не дождетесь!»

– Ты хоть уверен, что Рига еще стоит? – вдруг спросил Петр.

Ему было до боли жаль вожделенного порта.

– Куда она денется, государь? Там же Сорокин. А Костя себя заставить врасплох не даст.

Однако на войне бывает всякое, и полной уверенности Кабанов не чувствовал. Потому и спешил, что постоянно терзался вопросом: «Как там Рига?»

Ставший русским город у нерусского моря...

20. У рижских стен

Еще никто не додумался в те времена закрывать границы на замок. Если что препятствовало жителям приграничных районов навещать друг друга – так это крепостное право. Помещики зорко следили, чтобы их крестьяне не отдалялись от своих жилищ далеко. Да и что они там могли увидеть? Такие же деревни, но с иным помещиком. Потому следили не столько за приезжающими, сколько за отъезжающими.

Сами люди в большинстве своем тоже были не склонны к путешествиям. Поездка к соседям за десяток верст считалась событием. Даже жители вольные предпочитали сидеть дома. Разве что заработок зависел от дорог, как у торговцев, или была возможность поискать лучшей доли.

Но все же определенные связи между частными лицами разных государств сохранялись. Кто-то с кем-то встречался раньше, кто-то был связан делами, кто-то состоял в родстве. Никаких пунктов о родственниках за границей еще тоже не придумали. Да и к самим родственникам относились иначе, чем в начале двадцать первого века.

Где путешествия, там и новости. До эпохи средств массовой информации оставались еще века. Ни телевидения, ни радио, ни Интернета. Газеты – и те редки, да и выходят мизерными тиражами.

Оно, в общем-то, и неплохо. Хотя бы никто не навязывает свою точку зрения. А путнику хочешь – верь, а хочешь – не верь. Дело исключительно твое... Более того – можешь и вообще не слушать, как путешественник излагает вперемежку были и небылицы, в которых известия о свадьбах и смертях общих знакомых причудливо переплетены с описаниями неведомых царств и видений ангелов. Последнее – взамен грядущих летающих тарелок и особенностей сексуальной жизни звезд на какой-то там фабрике.

Какая сексуальная жизнь может быть у сгустков плазмы, разбросанных друг от друга на светогода?

Первым известие о шведах в Курляндии доставил из Митавы Зиберн. Ни шведам, ни русским он особо не симпатизировал. Какое дело управляющему чужим имением до схваток двух государств? Урожай поздних яблок повыгоднее продать да свежепосоленное сало, так, чтобы и в свой карман что-нибудь перепало, – вот это да. Достойная тема для размышлений.

Собственно, поэтому Зиберн и объявился в Риге. Был у него тут свояк, державший корчму, который обычно покупал вышеназванные продукты. Из яблок гнал сидр, а уж сало в корчме лишним не бывает.

Обойти молчанием новость о шведах Зиберн не мог.

Вначале свояк рассказал ему о новых повелителях края. Нормальные люди, расплачиваются аккуратно, не буянят. Рядом растет целый городок кораблестроителей, а это тоже неплохо. Больше людей – больше и прибыль. Самое же главное – уменьшена вдвое таможенная пошлина. В сочетании с русскими товарами это обещает такие барыши, что остается только радоваться грядущему открытию навигации.

– Не шибко радуйтесь, – возразил Зиберн. – В Митаве объявились шведы. Так что скоро все может вернуться на круги своя. И плакали ваши пошлины.

Сами планы воюющих сторон он знать, понятно, не мог, но для чего еще в соседнем государстве может обосноваться армия противника? Только для нападения.

– Что? – Свояк не на шутку взволновался. Он-то уже прикидывал, насколько удастся расширить торговлю, а тут...

Новость мгновенно облетела остальных посетителей корчмы. И на этом прервала свой полет.

Кто-то успел сбегать до Паткуля с самыми лучшими намерениями – предупредить о грядущей осаде. Помощник губернатора по гражданской части среагировал мгновенно. Он объявил, что намечается бунт, прихватил с собой дюжину солдат и отправился на место.

Солдаты немецкого языка не понимали. Им велели исполнять приказы начальника, а уж на каком языке их отдадут, никого не озаботило. Потому смысл разговора Паткуля с посетителями корчмы остался солдатам непонятен. Они ждали какого-нибудь знака, мол, хватай всех, ребята, но Паткуль если и жестикулировал, то исключительно для посетителей и хозяина.

Речь помощника губернатора была краткой. Мол, кто обмолвится за этими стенами хоть словом, немедленно отправится на эшафот как распространитель опасных слухов.

– Я поступлю еще проще, – решил в конце речи Паткуль. – Все находящиеся здесь будут тщательно переписаны, и если хоть кто-то в городе заговорит о шведах за рекой, то даже не буду разбираться, от кого пошел слух. Казнены будут все.

Он бы с радостью арестовал собравшихся, но опасался, что их начнут искать жены или какие-другие родственники. Так причина может легко дойти до кого-нибудь из русских начальников. Самого Меншикова, назначенного рижским губернатором, в городе не было, но имелся комендант. Тот самый Сорокин, который прославился разгромом шведского флота в устье Двины. В повседневную жизнь города новоиспеченный генерал и адмирал вмешивался мало. Ему хватало дел на верфи, где уже почти готовые стояли корабли грядущего Балтийского флота, в лихорадочно строящемся городке корабелов и флотского люда, на батареях и среди расквартированных в городе войск.

Нападение должно было состояться семнадцатого января поздним вечером, практически – ночью. Ночной штурм предложил сам Паткуль. Он достаточно усвоил уроки новых правителей края и посчитал неожиданность и дерзость лучшей гарантией успеха, чем традиционную ставку на силу.

Сейчас приближался вечер шестнадцатого. Следовательно, надо было соблюсти тайну совсем немного. Чуть больше суток, а там она из разряда тайн перейдет в действительность. Весьма неприятную для ничего не подозревающего гарнизона.

Даже меньше суток, если учесть, что с наступлением темноты все ворота в крепость закрывались и вестникам пробраться в Ригу становилось невозможно.

Свой собственный отъезд Паткуль спланировал на завтрашний полдень. Август обещал ему массу благ, вплоть до грядущего губернаторства, но в Швеции авантюрист еще несколько лет назад был приговорен к смертной казни, и приговор никто не отменял. Так что самое лучшее – это исчезнуть на какое-то время. Пока шведы не уйдут бить русских дальше.

Выехать Паткулю было нетрудно. Все же его должность охватывала всю Лифляндию, и всегда можно было придумать некий пункт, который он якобы собирался осмотреть.

В городе было спокойно. Горожане прогуливались или шли по делам. Изредка попадались русские патрули. На карету помощника губернатора посматривали, но без малейшего удивления. Мало ли куда может ехать высокопоставленный человек?

Точно так же не было и подбострастия. За минувшие полгода жители Риги насмотрелись на самых разных вельмож, включая русского царя, так что какой-то там помощник губернатора, к тому же, можно сказать, практически свой, не вызывал никаких особых эмоций.

Мелькнуло в голове: может, он зря затеял все это? Собственное положение хорошее, население особого недовольства испытывать не может. Недаром те, с кем Паткуль осторожно заговаривал о возможной смене власти, лишь пожимали плечами. Мол, от добра добра не ищут. Под русскими намного лучше, чем под шведами. А каково станет под поляками – еще неизвестно. Что могут дать паны, кроме собственного бардака?

Но поздно. Войска уже должны идти на Ригу, и отменить это движение не сможет не только какой-нибудь генерал, но и любой из королей.

Паткуль не знал, что, когда он выезжал из города, с другой стороны в него влетел небольшой возок, запряженный парой взмыленных от долгой скачки лошадей.

Это была та самая накладка, которой так боялся Паткуль.

Была ли она неизбежна? Пожалуй, была. Шила в мешке не утаишь. Просто до этих пор несколько человек, которые пытались рассказать про смутные слухи о высадке в Либаве шведских войск, попадали к самому Паткулю и после отеческого внушения сознавались: да, слухи. Сами никаких войск не видели и только с чужих слов...

А тут – прямой свидетель, да еще рижский купец, человек, заслуживающий доверия.

Купец имел ту самую фамилию, имея которую в Германии можно считать, что не имеешь никакой. Мюллер. И как те, кто привозил слухи, он точно так же отправился первым делом к Паткулю.

Увы, помощник губернатора уже уехал и должен был вернуться не скоро.

У Мюллера хватило ума не кричать в гражданской канцелярии о грядущем нападении. Об отсутствии губернатора он был осведомлен и потому отправился к коменданту.

Вообще-то с него и надо было начать. Кого больше касаются известия о войне, как не старшего в крепости генерала? Но Сорокина купец не знал, а с Паткулем был знаком лично. К тому же, как было известно Мюллеру, немецким комендант почти не владел, разве что успел нахвататься в последнее время каких-то слов. Купцу, в свою очередь, был пока неведом русский.

Коменданта на месте тоже не оказалось. Но на этот раз Мюллер проявил настойчивость и при помощи какого-то офицера, владеющего основным прибалтийским языком, сумел узнать, что комендант находится на верфи.

А время все шло, неумолимо отсчитывая оставшиеся часы.

Впрочем, едва Сорокин уяснил полученную информацию, события понеслись вскачь, словно старались наверстать упущенное.

Гонца Константин отправил сразу же. Времени на подробное донесение не было. Он лишь написал несколько слов о нападении шведских и саксонских войск. Именно – о нападении. В любом случае путь гонцу предстоял неблизкий, и, следовательно, к тому моменту, когда бумага попадет в руки Петра, штурм станет свершившимся фактом. Фраза же о разыгравшемся сражении поневоле заставит торопиться больше, чем вести о дошедшем намерении шведов атаковать вверенный попечению Сорокина город.

Почти сразу же за реку умчались казачьи разъезды. И еще быстрее они вернулись. Цепь казаков была развернута в кратком промежутке между Курляндией и Западной Двиной почти сразу после занятия города. И теперь посланные просто встретили спешащих с известиями товарищей.

Сорокин действовал энергично. В его распоряжении было всего пять пехотных полков и один драгунский. По одному полку насчитывали гарнизоны Динамюнде и Коблешанца. Следовательно, в самой Риге он мог располагать лишь тремя полками, не считая кавалерии.

Ни о каком сражении перед стенами думать не стоило. Точных цифр нападавших Сорокин знать не мог, но они в любом случае превышали имевшиеся у него силы. Главное, было удержать город и обе крепости, благо артиллерии хватало.

Оба «местных» полка были в Цесисе, где проходили боевую подготовку вдали от родных мест и неизбежных соблазнов. Константин не знал, радоваться этому или печалиться. С одной стороны, лишние штыки и сабли. С другой – у него не было стопроцентной уверенности в преданности лифляндцев новому престолу. Вроде бы все добровольцы, никого силой в армию не тянули, но мало ли что? Вдруг решат переметнуться на сторону того, кто им сейчас покажется сильнейшим?

Самое плохое, что может случиться в осажденной крепости, – это бунт в гарнизоне. Лучше уж иметь меньше людей, зато пусть все они будут проверены. Коренным русакам уж точно изменять нет причины. В чужих краях им и деться-то некуда.

Поднятые в ружье полки торопливо занимали места на стенах. На узких улочках галопировали усиленные драгунские патрули. Но оставалось еще одно дело, которое ни в коем случае нельзя было откладывать в долгий ящик.

За несколько месяцев за пределами крепостных стен успели вырасти не только верфи. Корабелям необходимо было где-то жить, и рядом с верфями появились бараки и дома. Пусть пока небольшой, но городок рядом с большим городом.

Защитить его Сорокин не мог. Никто не думал строить там какие-либо защитные сооружения, и теперь явно поздно было наверстывать упущенное.

Комендант предпринял то единственное, что оставалось в этом положении. Он лично выехал во главе двух драгунских эскадронов в Корабельную слободку, как ее частенько звали между собой ее обитатели. Может, и лучше было бы употребить последние часы на подготовку войск, но Сорокин знал, что среди жителей пользуется немалым авторитетом, и потому предпочел сделать заявление лично.

Оно было кратким. Ввиду вторжения неприятеля все обязаны немедленно отойти в Ригу. С собой взять только одежду и продукты. Если у кого есть мебель или иные громоздкие вещи, то пусть остаются на месте. Времени перетаскивать их уже нет.

Корабли тоже бросались на произвол судьбы и вражеских солдат. Пушки, к счастью, еще не пришли. Лед на реке помешает противнику использовать парочку судов, которые реально было бы ввести в строй в ближайшее время, а до весны осада должна прекратиться. Или корпуса грядущих пенителей моря останутся нетронуты, или враг их самым элементарным образом сожжет.

Хотел спалить все сам на всякий случай, но не поднялась рука. В конце концов, к себе шведы или поляки недостроенные остоны не уташат. Да и вдруг налет удастся отбить тем или иным способом? Зачем сразу собственное добро жечь? Не по-хозяйски как-то. Сорокин даже бараки жечь не приказал. Хотя именно их стоило бы. Ведь наверняка осаждающие станут использовать их по прямому назначению.

Обитатели слободки не роптали. Русского человека трудно испугать внезапным нашествием. Тем более – распоряжением уходить от противника прочь. Кому охота оставаться под врагом? А тут рядом крепость, неужели за стенами не отсидимся? Не хватит солдат, так можно помочь всем миром.

Эвакуация завершилась быстро. Люди хватали нехитрый скарб, грузились на мобилизованные волею коменданта телеги рижан и двигались в город. Благо мужики подневольные доставлены сюда были без семей. А вольные – мастера и те, кто хотел научиться мастерству своей охотой, – жен и детей вызывать тоже не торопились. Разве что несколько человек. А с сугубо мужским коллективом проблем всегда меньше.

Так же быстро была решена проблема размещения. Сорокин клял про себя не вовремя исчезнувшего помощника по гражданской части, но тут был редкий случай, когда начальство являлось скорее помехой. Или, во всяком случае, не слишком большим помощником. Жители сами разобрали беглецов из Корабельной слободки, и лишь те из строителей, кто изъявил желание, отправились в казармы, в формирующееся ополчение.

Ополчение формировалось не только из русских. Кое-кто из местных немцев тоже выразил желание защищать родной город. Не много: большинство выжидало, чем кончится очередная заварушка, – так и объявление коменданта прозвучало совсем недавно.

Зимняя ранняя ночь накатила на Ригу. На счастье, выглянула луна. Ее лучи мягко отражались от снега, освещали округу. И в крепости и за ее пределами царила тишина.

Последние казачьи разъезды втянулись под защиту бастионов. Теперь оставалось только ждать.

Сорокин несколько сожалел, что в пехотных полках есть лишь штатные стрелковые команды, полсотни штуцеров на полк, но производство все равно не позволяло большего. Револьверные ружья, например, до сих пор имелись лишь у егерей. Но в принципе сейчас должны были помочь сами стены.

А тревожило больше другое. В Динамюнде за старшего остался князь Александр, в Коблешанце – полковник Головин, еще один родственник формального главнокомандующего. Справятся ли они? Тут главное – выдержать первый натиск, не сробеть. А потом шведы с саксонцами будут вынуждены начать планомерную осаду, и появится время, столь необходимое на подход помощи...

Потихоньку время перевалило за полночь. Солдаты поочередно в две смены то мерзли на стенах, то согревались в ближайших домах. Тлели рядом с орудиями жаровни. Со стороны наверняка трудно было определить, что крепость находится в напряженном ожидании. Редкие тихие разговоры, а так – полное впечатление, что город мирно спит.

Молчал Коблешанц. Тихо было в стороне Динамюнде. Оставалось гадать: на кого первым будет совершено нападение? Хотя Сорокин примерно представлял. Казаки успели донести, что шведско-саксонская армия направляется тремя основными потоками. Причем больше всего сил идет в левом, которому придется переправляться чуть выше по течению. Скорее всего, противник попытается первым делом атаковать Ригу левой колонной и лишь чуть после или одновременно напасть на одинокий Коблешанц и позже – на Динамюнде. Во всяком случае, сам Сорокин поступил бы именно так. Без Риги прочие крепости долго не продержатся, а вот если гарнизон крупнейшего города в Лифляндии успеет занять свои места – штурм окажется проблематичным.

– Идут!

Лед чуть в стороне от крепости потемнел.

Разбежались посыльные. Солдаты занимали места на стенах молча, без тревожащих слух барабанов. И так же молча к городу направлялись пехотные колонны атакующих.

Теперь не требовалось даже приглядываться. На белом расчищенном пространстве виднелись длинные темные прямоугольники. Потом стал слышен хруст снега под ногами. Колонны неотвратимо приближались. Тысяча шагов. Пятьсот. Триста.

– Пали! – Дальше медлить было опасно.

Одна за другой выплеснули картечь пушки. Затрещали ружья. Полдюжины оставленных в крепости ракетных установок заскрежетали, выбросили в сторону атакующих огненные снаряды. Другие ракеты взмыли ввысь, чтобы осветить происходящее.

Какое-то время враги еще надвигались на стены, даже попытались перейти на бег, чтобы быстрее добраться до крепости. Но крепость грохотала без перерыва. Атакующие подразделения теряли людей и управление, смешивались, наконец остановились и уже без всяких команд повернули прочь.

Спустя полчаса лишь удаляющиеся силуэты беглецов, масса неподвижных тел да доносившиеся оттуда стоны напоминали о попытке внезапным броском захватить крепость.

Зато загрохотало на том берегу. Коблешанц, в свою очередь, подвергся атаке и теперь яростным огнем не давал противнику приблизиться...

А потом отдаленная канонада донеслась от моря. Третья колонна двух королей сблизилась с Динамюнде...

21. Сикурс

– Долго мы еще будем торчать в этой дыре? – осведомилась Вика.

– Сколько понадобится. Я же не могу оставить армию, – как можно спокойнее ответил Ширяев.

Он уже давно относился философски к заскокам жены. Тем более сейчас Виктория в третий раз была на сносях, а в это время портится характер даже у самых нежных женщин.

– Командор же оставил. Отдыхает сейчас в Москве, – упрекнула супруга. – Не то что некоторые.

– Отдыхает, – согласно кивнул Григорий, но не удержался и добавил: – На пути в Воронеж.

Вроде бы чего не хватает? Муж отмечен царем, имеет неплохое положение. О богатстве не стоит и говорить. Так нет, все равно находятся какие-то поводы для недовольства.

Ну никак не может Вика понять, что положение – это не почивание на лаврах, а в первую очередь постоянная служба на благо государства. А дел столько, что делать – не переделывать.

Да и не звал ее никто в Псков. Могла бы спокойно сидеть хоть в той же Москве, где у них была собственная усадьба, хоть в Коломне, где была еще одна, хоть в любой из пожалованных деревень, в которых пока даже не побывали. Но нет. Сама приехала сюда сразу после свадьбы Кабанова и теперь старательно отыскивала поводы для очередных упреков. Хотя здесь дома у Ширяева не было и он снимал всего лишь несколько комнат у воеводы.

Дыра! Между прочим, древний город, известный с тех времен, когда Париж был не более чем деревней.

Но, справедливости ради, центром цивилизации назвать Псков было трудновато. Город как бы застыл в прошлом, не проявляя никаких тенденций к развитию.

Развлечений маловато? Так где их много? Не пришло еще время для пышных балов и танцев. Танцы – безделье. Не любил их Ширяев. Тут вполне хватает попоек, которые периодически устраивает Петр.

Как тут не вспомнить Стругацких с их понедельником, который начинается в субботу!

И, между прочим, во Франции с ее утонченными развлечениями был всего лишь лейтенант Ширак, а здесь – генерал Ширяев. Разницу чувствуете?

Супруга меж тем обдумывала дальнейший ход. Мчаться в Воронеж ей абсолютно не хотелось. Да и какие дальние дороги в ее положении?

– Все равно. Мог бы взять отпуск. Или настоять на переводе в Москву. С твоими-то заслугами...

– Какой отпуск? Война не закончена, – вздохнул Ширяев. – Да и Командор, чует мое сердце, объявится здесь в самое ближайшее время.

Предчувствие его не обманывало. Правда, первым объявился не Командор, а курьер из Риги.

– Папа! Там гонец прискакал! – прокричал ворвавшийся в горницу Маратик.

Вот ему здесь было раздолье. Бесконечные игры с мальчишками, катание на санках и лыжах, снежки, даже снежная крепость – настоящий рай.

Сейчас от Маратика тоже веяло морозцем. Мальчишка даже шубы не снял. Раскрасневшийся, веселый, еще не понимающий, что вестники далеко не всегда приносят радостные известия.

– Иду. – Ширяев мгновенно сорвался с места.

Расквартированным в Пскове отрядом командовал по старшинству Клюгенау, но без Григория не обходилось ни одно действие. Клюгенау сам вызывал его по всякому поводу, а

еще чаще просто заходил не чинясь. Для бывшего заместителя Кабанова что Командор, что Ширяев были учителями в некоторых специфических областях службы, благодаря которым карьера заурядного подполковника стремительно пошла вверх.

Да и вообще, Ключенау относился к службе серьезно. Как и к стране, ставшей ему новой родиной. Даже по-русски говорил почти свободно, и лишь порою в речи прорезался акцент.

– Надо готовиться к выступлению, – бодро заявил Ширяев, когда бумага была прочитана, а курьер умчался оповещать другие гарнизоны.

Мысленно Григорий похвалил себя за то, что практически каждый день тренировал все три полка ходить на лыжах. По здешнему времени года и климату – единственное средство проделать быстрый марш. Пешим порядком по снежным дорогам – долго и чрезвычайно утомительно. Перекладными, как когда-то егеря двигались от Коломны до Москвы, – невозможно из-за редкого населения. Элементарно неоткуда взять лошадей и саней на всех. Тем более полки пополнены после похода как новобранцами, так и выздоровевшими от хворей и ран ветеранами. Пусть не совсем штатная численность, но уже где-то близко.

На лыжные тренировки особенно упирал Командор. Егеря имели лыжи еще с прошлого времени, прочие солдаты изготовили их сами, едва стали на постой в Псков.

– Йа. Надо, – согласился Ключенау. – Пять-шесть дня, и получим приказ. Надо быть готовым.

– Приказ? – Ширяев задумчиво коснулся виска. – Приказ может быть. Но, Дитрих Иоганнович, ты забыл про Командора. Он тут объявится значительно раньше. Разве что успел добраться до Воронежа. Так что...

– Так есть, – неожиданно рассмеялся Ключенау. Потом задумался, подсчитывая, и озвучил итог: – Тогда завтра вечером. Мы должны торопиться. Обоз, повозки... Времени нет.

Ключенау был прав в своих расчетах. Командор примчался в вечерней тьме. Немного очумелый от бесконечной скачки, но буквально искрящийся энергией.

– Готовьте части к выступлению, – с порога объявил он.

На торопливо налитую чарку водки Кабанов даже не взглянул. Хотя наверняка успел продрогнуть в дороге.

– Полки готовы, – важно ответил Ключенау. – Когда выступать?

– Молодцы! – Командор попробовал улыбнуться, но мускулы лица слушались плохо. Он попытался растереть их руками, потом наконец взялся за чарку. – Ваше здоровье!

Опрокинул залпом, не поморщившись, и вроде чуть поправился:

– Здорово, черти! Рад вас видеть!

Генералы обнялись. От Кабанова пахло морозом.

– Быстр, – посмеивался Ширяев.

Они с Ключенау выглядели именинниками. Успели же к сроку без малейших приказов со стороны!

Впрочем, дело – в первую очередь. И Кабанов сразу принялся распоряжаться:

– Обозы отправить после полуночи. При них – соответствующее охранение. Роты выходят на рассвете. К их приходу чтобы в каждом месте привала была готова горячая пища и дрова для костров. Дайте карту. Разберемся с маршрутом и местами остановок.

– Может, сначала обед? – предложил Ширяев. Хотя заранее предвидел ответ.

Кабанову явно не мешало бы немного согреться и отдохнуть с дороги. Средняя скорость недавно введенной курьерской тройки – двадцать верст в час. С перепряжкой на каждой станции лошадей, на которую у опытных зрителей уходят минуты, и опять бесконечная скачка по зимним лесам с вкраплениями полей.

Пока несли карту, Сергей подошел к печке и с видимым удовольствием почти прижался к ней. Он чувствовал, как под воздействием тепла понемногу начинает клонить ко сну, и привычно встрепенулся, прогоняя негу.

Клюгенау принес карту. Как водится, весьма далекую от совершенства. Настолько, что любой малоопытный читатель, пользуясь ею, рисковал превратиться в Ивана Сусанина.

Все же ужасно плохо, когда многое приходится делать сразу и на ходу. Буквально перед Новым годом Петр по настоянию Кабанова учредил школу квартирмейстеров и колонновожатых. Одной из задач нового учебного заведения была подготовка офицеров-картографов. Что для войны, что для мира, но в стране должны быть хорошие, детально выверенные карты. Пусть все тот же Командор по старой привычке предполагал приложить все усилия, чтобы они были засекречены. Мало ли?

Если верить свидетелям грядущих войн (и если эти войны действительно будут), у агрессоров карты Русской земли вечно были намного лучше, чем у ее защитников. Защитников Кабанов планировал вооружить получше, а потенциальным агрессорам помогать отнюдь не собирався.

От учреждения до выпуска должны были пройти годы. Тут сама программа школы находилась в стадии становления, и, как всегда, остро не хватало грамотных учителей. Пока же приходилось пользоваться тем, что есть.

Особого выбора в путях не было. Земли бывшей псковской Украины имели немного дорог. Еще меньше тех, которые могли вывести к цели. Поэтому с этой стороны проблем не было. Зато пришлось тщательнейшим образом рассчитать марш. Лишь непосвященным кажется, будто для похода достаточно отдать приказ. На самом деле требуется учесть все. Среднюю скорость обоза и боевых частей, необходимость отдыха, места, где удобно сделать привал. Больших селений, способных вместить в свои строения все три полка, по дороге почти не было. Расположить в чащобе три с половиной тысячи человек невозможно. Словом, не все так просто, как кажется.

Наконец план похода был намечен, закреплен в приказе, и тогда пришел черед обоза.

Командор не любил досаждать мелочной опекой. Он верил подчиненным. По крайней мере тем, кто был достоин веры. Потому проверять подготовленные сани, уложенную поклажу, лошадей и прочее он не стал. Но список взятого все же потребовал. Вдруг в спешке упущено нечто важное и, наоборот, взято не столь нужное? В походе и на полковой стоянке требования ко многому различны.

Список удовлетворил. Ничего не забыто, зато никакой ерунды, которую лишь зря таскать туда-сюда.

— Молодцы! — качнул головой Кабанов. Когда хвалишь за дело, сам тоже испытываешь не меньшее удовольствие. — Как настроение солдат и офицеров?

— Боевое, — отозвался Ширяев.

— Какое может быть настроение, когда Командор с ними? — развил его мысль Клюгенау.

Прослужив с Кабановым больше трех лет, Дитрих полностью усвоил его систему. Основа армии — подготовка. Солдат и офицер должны в полном объеме уметь всё, что полагается обязанностями. Даже чуточку больше, чем все. Но не менее важна сила духа, уверенность в своей непобедимости. А она далеко не в последнюю очередь базируется на вере в отцов-командиров. Солдат обязан умереть по приказу, но должен знать, что зря тот приказ не отдадут. И что командир тщательно все взвесил и нашел самое лучшее решение, которое обязательно приведет к победе.

И, конечно же, чувствовать заботу о себе. Начальник может быть строг, как строг отец в большой семье, но обязательно справедлив и старается сделать все, чтобы любой солдат был своевременно накормлен (в любой армии еда всегда занимает одно из первых по значимости

мест), одет, обут. А что гоняет – солдат всегда видит, когда это делается для его блага и когда из одной придури.

До сегодняшнего дня поражений Командор не знал. Все, кто был с ним при взятии Азова, во время крымских диверсий или сражений в Прибалтике, без колебаний были готовы идти за ним в огонь и воду. Не только солдаты, но и сам Ключенау. Даром что генерал и кавалер.

Командор улыбнулся. Он вполне отошел с мороза и сейчас чувствовал себя одновременно и бодро, раз предстояло серьезное дело, и чуточку устало.

– Ладно. Раз так, то можно пока пообедать. Признаться, в этой спешке остановиться не было времени.

Стол был накрыт в соседней комнате. Оставалось подать на него томившиеся в печи щи и мясо. Зимой горячее гораздо лучше любых самых изысканных закусок. И, конечно же, по случаю войны к позднему обеду женщины приглашены не были. Тут не до политесных разговоров и вежливых улыбок.

– Из Риги какие-нибудь новости были? – спросил Ключенау, словно Москва располагалась гораздо ближе Пскова к атакованному городу.

Но мало ли?

– Нет, Дитрих, не было. – Кабанов разболтал в щах сметану и потянулся к предобеденной чарке.

Даже самый внимательный наблюдатель не смог бы разглядеть на его лице тень тревоги.

Старый армейский принцип – никогда не сей панику. А лучше – не проявляй показного беспокойства раньше времени.

– Там Костя Сорокин, – вздохнул Ширяев. – А его голыми руками не возьмешь.

– Ну, за его успех! – Чарки сдвинулись.

Пить плохо, но по одной с мороза да перед едой – ничего страшного. А больше никто не собирался. Еще требовалось проводить обоз, хоть немного поспать перед завтрашним походом, а с рассветом – в путь.

Какие тут посиделки?

Сорокин тоже пользовался немалым авторитетом. Гарнизон и жители Риги прекрасно помнили учиненный им разгром шведского флота. Чтобы такой боевой генерал не справился с блокирующей город армией? Бросьте. Не может быть!

Большинство рижан после принесенной присяги на верность Петру не ждали для себя от шведов ничего хорошего. Потому и завербовал Паткуль немногих. Вдобавок военное положение, сохранявшееся с момента перехода под власть России, никто не отменял. Провести в город и поселить там какой-нибудь отряд переодетых саксонских солдат было невозможно. За этим строго следили поставленные в помощь гарнизону добровольные помощники из горожан, которым были обещаны за это дополнительные льготы.

Те же, кто разделял мнение Паткуля и хотел польской власти, вовремя подойти к воротам изнутри не сумели. Сорокин не зря не только подготовился к грядущему штурму, но и наводнил Ригу патрулями и усиленной охраной всех важных мест.

Охотники Ширяева или бывшие карибские флибустьеры, быть может, рискнули бы и при таком неблагоприятном раскладе, но ни у лифляндских помещиков, ни у горожан, вовлеченных в заговор, подобной подготовки не было и быть не могло.

Несостоявшиеся диверсанты крохотными группками и в одиночку посмотрели на происходящее на улицах, оценили и решили подождать, чем дело кончится.

Кончилось отбитием штурма. Справедливости ради, еще до того, как нападавшие шведы и саксонцы сумели приблизиться к городским укреплениям. Так что осторожность спасла заговорщиков. Хоть целыми остались. Сорокин, даром что родился в более гуманное

время, церемониться в подобном случае не стал бы. Перевешал бы всех как собак. Если же точнее – тех из них, кому повезло бы уцелеть в неизбежной схватке с драгунами.

Но штурм был отбит, и теперь какое-то время городу ничего не угрожало. Как бы ни был горяч Карл Двенадцатый, однако и он не собирался бросать солдат в безумную атаку на подготовленную крепость. Военная наука давно доказала невозможность этого, так зачем поступать вопреки ее проверенным временем положениям?

Еще меньше желания умирать было у саксонцев. Если перед шведскими солдатами готова была содрогнуться Европа, то их новых союзников никто всерьез не воспринимал. Разве что по сравнению с поляками и – до недавнего времени – дикими москвитами.

Раз не удалось захватить крепость с наскока, приходилось начинать правильную осаду. Вначале три разрозненные крепости следовало обложить со всех сторон, чтобы прервать их связь с миром. На направления, с которых к осажденным могли подойти подкрепления, были выдвинуты сильные отряды. Еще дальше ушли дозоры и разведка. Остальным солдатам предстояла работа. Та самая, которая, по представлениям марксистов, должна облагораживать человека.

На безопасном расстоянии стали возводиться укрепления против возможных вылазок гарнизона. Потом, когда подойдет осадная артиллерия, укрепления потихоньку начнут приближаться к крепости. Затем придет пора артиллерийских дуэлей. По мере сближения они станут все жарче, и лишь в том случае, когда удастся проделать брешь, наступит пора штурма.

В самом крайнем случае военная наука рекомендовала подвести под городские укрепления минные галереи, начинить их порохом и подорвать. Но в данной ситуации это граничило с фантастикой.

Земля промерзла. Шанцевого инструмента в обеих армиях было мало. Работы превратились в каторгу. Пока расковыряешь почву, пока возведешь, сто раз поневоле позавидуешь осажденным, которым не надо работать. Сиди в тепле, ходи в караулы да терпеливо жди следующего хода противника.

Из всех солдат повезло лишь тем, кто блокировал Ригу ниже по течению. Оставленная в неприкосновенности Корабельная слободка хоть обеспечила их жильем. Было где переночевать после тяжелой работы, поспать в тепле, благо москвиты успели запасти на зиму немало дров. Всем прочим солдатам приходилось проводить ночи в снегу.

Вначале Карл хотел отдать приказ сжечь захваченные корпуса кораблей. Однако советники убедили его немного подождать с приказом. В случае успеха наиболее готовые суда можно было достроить и ввести в состав флота взамен нашедших гибель в здешних водах. Если же фортуна в силу извечных женских капризов вдруг повернется задом, то запалить деревянные остовы будет никогда не поздно.

По всем расчетам выходило: помощь осажденным подойдет не раньше чем месяца через полтора, а то и два. Пока соберут отведенную на зимние квартиры армию, пока выступят в поход, пока одолеют огромное расстояние, пройдет столько времени, что весенняя распутица вполне может застать русских по пути. А через грязь пробиваться еще хуже, чем через сугробы.

Да и через сугробы несладко. Собственная артиллерия до сих пор никак не может дотачиться до Риги. А та, что при войсках, имеет малые калибры и ничем не может повредить стенам.

На всякий случай Карл предложил блокируемым гарнизонам почетную сдачу и получил в ответ ожидаемый отказ.

Ничего. Посмотрим, как они запоют, когда осадной парк все-таки подойдет и на город обрушится дождь ядер! Без надежды на сикурс, обложенные со всех сторон, москвиты

поневоле будут вынуждены капитулировать, как почти всегда капитулируют в подобных случаях гарнизоны крепостей.

Сейчас-то, конечно, сдаваться они не собираются. Это тоже входит в незыблемый воинский кодекс – вначале противник должен доказать, что сильнее, и потом слабейший принимает его условия.

Это им не прошлое лето, когда они смогли сосредоточить здесь огромную армию. Сейчас все преимущества отнюдь не на их стороне. А у московитов что? Одни стены. Только нет таких стен, которые не пали бы без подмоги извне...

Снег скрипел. Только этот звук да шумное дыхание многих людей нарушало устоявшуюся зимнюю тишину.

Шли быстро. Даже соблюдали относительное равнение. Конных почти не было. Все три генерала точно так же скользили на лыжах в голове колонны. Лишь изредка то один, то другой из них останавливался, пропускал мимо себя мчащихся лыжников. Подбадривали уставших, отпускали соленые мужские словечки, шутили, а потом торопливо догоняли колонну.

Старые русские воеводы боярских кровей, родовитые французские, британские, австрийские генералы на походе важно ехали в сопровождении свиты из помощников и слуг, тащили за собой целые обозы всевозможного добра, скрашивающего суровый военный быт.

Но что требовать с Клюгенау, когда в многочисленных немецких княжествах да герцогствах генерал зачастую не намного богаче солдата? Тут поневоле привыкнешь экономить на всем и приучишься обходиться минимумом благ. А уж про неизбалованного жизнью Кабанова или Ширяева не стоит и говорить.

Но была в том и другая цель. Солдату всегда легче, когда он видит, что начальство целиком разделяет его труды. Пусть у офицеров и генералов есть денщики, понятное дело: некогда командирам самим готовить себе пищу или место ночлега, зато насколько прибавляется сил, когда видишь в своих рядах любимого командира!

И конечно, не давало отстать сознание, что спешат помочь своим. Сам погибай, а товарища выручай. А тут не о гибели речь, а лишь о том, чтобы встать рядом, плечом к плечу.

Нелегко, но скоро наступит вечер. Еще немного, и где-нибудь впереди замаячат горящие огни костров. Чарка, горячая пища, отдых, а утром снова в путь.

Вон чуть в стороне остановился Кабанов. В такой же меховой длинной куртке, внешне почти ничем не отличающийся от солдат, покрасневшийся, веселый.

– Поднажми, братцы! Скоро привал! Еще два дня, и будем у цели!

И по колонне отзвуком пробежало: «Два дня, два дня...»

Всего-то...

22. Командор. Партизан – это звучит

Я менял уже третью точку наблюдения. Ни одна мне не нравилась. Окинуть целиком лагерь двух вражеских армий никак не удавалось. Да что там целиком, хотя бы сколько-нибудь большую часть! Но равнинная местность имеет свои недостатки. Повсюду в поле зрения попадались леса и лесочки, закрывали поле зрения, и попробуй разберись, что скрывается за ними!

Поневоле закрадывались сожаления об отсутствии в моем небольшом авангарде хотя бы одного кабаньера. Сорокину было легче. Даже без бинокля можно было разглядеть крохотную точку воздушного шара, висевшего над Ригой. Еще одна проглядывалась в мощную оптику штурманского инструмента в той стороне, где был Коблешанц. Это радовало. Значит, укрепления держатся.

Оставалось решить, чем им помочь. На людях я привычно изображал всеведущего и всемогущего командующего, у которого все давно обдумано до мелочей, но на деле не имел никакого реального плана. И в этом наличие или отсутствие кабаньера не играло никакой роли. Все равно я бы не стал его использовать, чтобы не привлекать внимания.

При нынешнем соотношении сил, три полка против целой армии, вернее, двух армий, пытаться напасть на противника было безумием. Нас просто и элементарно окружили бы, едва схлынула первоначальная растерянность. И никакие револьверные ружья и штуцера нам бы особо не помогли. Не тот случай, и перевес у противника не тот.

Но и пассивно ждать подхода основной армии во главе с Петром я не мог и не хотел.

Когда невозможно нанести решающий удар, поневоле приходится переходить к тактике укусов. Вот только найти бы у противника местечко, где можно куснуть побольнее!

Потому я и ползал с самого утра вокруг лагеря осаждающих. Не один, со мною были Григорий, Василий, Ахмед, еще десяток егерей из охотничьей команды. В общем, компания подобралась достаточно большая и, на беду врага, умелая.

В эпоху едва ли не карнавальной яркости военного костюма никому из противников в голову не приходило, что можно не торчать вызывающе празднично на виду, а нацепить маскхалат и старательно изображать, что тебя попросту нет на расстоянии по крайней мере сотни верст. Для его вящего спокойствия.

Кое-что я уже знал от захваченных пленных. При приближении к Риге я не повел отряд ни по одной из дорог, а предпочел уйти несколько в сторону, выслав повсюду разведывательные партии из ширяевских орлов. Итогом этого стала достаточно очевидная картина шведско-саксонского охранения и несколько солдат, в поисках пропитания разбредшихся по дальним хуторам.

Солдат не может ничего знать о планах командования. Зато мне достаточно подробно расписали неожиданный отпор во время внезапного штурма. А равно – и не слишком-то радующие солдатские души земляные работы и ожидание тяжелой артиллерии.

Последнее было интереснее всего. Понятно, что, спеша нанести неожиданный удар, Карл с Августом не стали волочить на себе малоподъемный артиллерийский парк. Теперь им приходилось исправлять последствия собственного оптимизма. А мне, соответственно, следовало помешать им в их новой затее.

Но не хотелось заикливаться на одном, имея перед собой гигантское поле приложения сил. Вернее, главная цель была ясна, но почему надо ограничивать себя главным? Вдруг в раскинувшемся вокруг каждой из трех крепостей лагере тоже найдется что-нибудь лакомое?

Лакомое упорно не находилось. Имелось несколько мест, вполне подходящих для короткого энергичного удара с последующей ретирадой, но поднимать шум ради

шума – слишком вульгарное занятие. Не сулящее особой пользы, кроме некоторого развлечения для неприятеля.

Оставались бараки и избы Корабельной слободки. Не к лицу доблестным шведо-саксонцам подвергаться искусству ночевки под крышей. Истинному воину постель – мать сыра земля, крыша – небо над головой, а подушка – собственный кулак. Кавалеристу – седло. Нельзя же оставлять на ночь без присмотра табельное имущество! Народ такой – не успеешь оглянуться, как уже свистнут. И седло, и шашку, и пистолеты, а то и самого коня.

Вроде бы жалко сжигать собственное имущество, пусть с чужими обитателями, набившимися в него, как тараканы, но ничего другого пока придумать было нельзя.

Конечно, после артиллерии. Сообщать шведо-саксонцам раньше времени о своем нахождении где-то в окрестных лесах у меня желания не было. Пока, во всяком случае. Самые лучшие сюрпризы те, которые преподносятся вовремя.

– Отходим, – тихо произнес я лежащему рядом Ширяеву.

Ох, знал бы Карлуша, что совсем неподалеку разлеглись два русских генерала!

Григорий взмахнул рукой, и наша охрана медленно, не приподнимаясь, стала отползать назад.

Все на виду у шведов. Но нельзя же военным быть такими невнимательными! Учишь их, учишь...

Беспечность нашего противника была потрясающей. Мало того что он не потрудился обозначить линию фронта, так и границы Курляндского герцогства практически не охранялись. Мы третий день базировались в Курляндии, и ни одна собака об этом проведать не смогла.

Большой отряд для подобной диверсии мне был не нужен. Скорее, просто мешал бы. Потому я отправил Ключеганау с пехотой в район Огре, небольшой деревушки, со временем обязанной превратиться в городок. Туда должны были подойти собираемые со всей Прибалтики подкрепления. Пока же они соберутся, я с одними егерями устремился на перехват осадной артиллерии.

Не то чтобы меня съедала жадность. После наших прошлогодних побед трофейных пушек и мортир у нас было в избытке. Но это не повод оставлять столь ценную вещь противнику. Тем более что шведам без нее делать у Риги абсолютно нечего. Разве что сидеть и ждать подхода наших главных сил.

Они на нашей территории, мы – на ихней. Хотя разве народ Курляндии виноват в глупости своих правителей? Здешнему народу все равно, какая власть и кто сидит наверху. Да и настолько ли чужая эта земля? По мне, так своя. Надо же раз и навсегда обезопасить главный порт на Балтике от всяких неприятных сюрпризов!

Но Митаву я пока решил не трогать. Да и осадной парк, как выяснили мои разведчики, шел чуть в стороне от нее. Уж не ведаю, из каких соображений. Может, чтобы ненароком не потревожить покой малолетнего герцога?

Лесов в Курляндии было в избытке. В отличие от умных людей. Причем моя оценка умственных способностей в полной мере относилась и к хозяевам, и к гостям. Представьте, орудия волочились до того беспечно, без головных и боковых дозоров, словно дело происходило где-нибудь в районе Стокгольма или Дрездена!

Уму непостижимо, насколько далеко может простираться человеческая глупость! Так и тянуло крикнуть: «Люди! Опомнитесь! Все вы не хозяева, а гости на этой земле! Так проявите хоть капельку уважения к собратьям по профессии, но одетым в иную военную форму!»

Но кричать было слишком далеко. Я ведь наблюдал за едва ползущей колонной отнюдь не вблизи.

Имелось и более серьезное возражение. Шведского языка я не знал. При попытке перевести фразы на немецкий получились три банальных слова: «Хальт! Ахтунг! Партизанен!»

Прямо младшие классы советской школы с их пиететом к событиям Второй мировой войны! Нет, объявлять подобное во всеуслышание мне было стыдно.

А вот сделать доброе дело – нет.

Каждую из трех десятков тяжелых пушек и мортир тащила чуть не дюжина здоровенных лошадей. Никому в голову не пришло поставить смертоносные игрушки на полозья, и потому все эти громоздкие конструкции двигались еле-еле. Тем более дорога то чуть поднималась, то шла вниз да еще умудрялась петлять. Затащить массивную чушку на крохотный взгорок стоило невероятных усилий. Еще тяжелее было спустить ее, не переломав лошадям ноги.

Парк охранял батальон саксонцев, только вместо несения службы солдат припахали в помощь артиллеристам и лошадям. Бедолаги, уж сами решайте, кого я имею в виду, буквально валились с ног от усилий.

Не лучше было и шведским рейтарам, целый эскадрон которых был рассеян вдоль всей растянувшейся колонны. Эти не утруждали себя работой. Но, словно в наказание за лень, похоже, успели промерзнуть в седлах так, что даже по сторонам смотреть не могли. Наверное, взгляды тоже имеют свойство замерзать на такой холодрыге. Так что не понять, кому было хуже – вспотевшей пехоте или задубевшей кавалерии.

Я убедился, что колонна вот-вот втянется в лес, и осторожно отправился к своим егерям. Им тоже необходимо было немного погреться.

Дальнейшее было просто до элементарности. Одно дерево случайно упало поперек дороги, преграждая колонне путь. Другое – сзади, отрезая отступление. Из чащобы вдруг выскочили егеря, в своих белых масках больше похожие на привидения, чем на живых людей. Только оружие в их умелых руках призрачным не являлось и прекрасно могло убивать вполне материальными пулями и штыками.

Ружья у саксонцев в целях облегчения были сброшены на затесавшиеся в общий ряд повозки. Потому саксонцы даже не пытались оказать сопротивление. Покорно подняли руки вверх да и застыли, радуясь передышке в работе.

Рейтары, напротив, решили пробудиться от спячки. Если бы дело происходило в поле, где у них было место для разгона, да если бы они не проявляли крайний индивидуализм и ехали в плотной колонне, а не поодиночке, то какой-то шанс у них наверняка был бы. А так им даже некуда было ускакать. Дремучий лес – не лучшее место для конного.

Пороха на полках пистолетов у рейтаров не было. Видно, решили, что все равно отсыреет, пока доберешься до Риги. Наиболее воинственные пытались махать вынутыми шпагами. Но задубевшие руки слушались плохо. Да и мы не зря не жалели пороха в обучении егерей. Стреляли те метко, прицельно, и забияки один за другим окрасили снег красной кровью. Остальные образумились или замерзли настолько, что не могли шевелиться вообще.

Уйти никому не удалось. Нашими пленными стали восемьсот с лишним человек, включая четыре десятка офицеров. Добычей – весь артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер к нему, кони, повозки...

Вспотевшие саксонцы и артиллеристы смогли отдохнуть, замерзшие рейтары вынуждены были сойти с коней и хоть немного согрелись, опять-таки, егеря получили неплохую практику.

Потерь в моем полку не было. Так, несколько царапин не столько от оружия противника, сколько от неловко задетых веток. Зато теперь появилась проблема.

Осадной парк мог ползти со скоростью от силы полтора десятка верст в день, и добраться с ним до Огре в обход всех вражеских постов было проблематично. Остаться на месте с таким количеством пленных тоже не стоило. Потому выход был один.

От леса до реки Курляндская Ая было версты три. Мы ликвидировали все следы схватки, а затем проделали путь до реки часа за полтора. По уверениям двух егерей из числа поступивших в полк лифляндских дворян, неплохо знавших здешние места, глубины на этом участке реки хватало. Правда, пришлось долбить толстый лед, но не мы же сами! Пленные на что?

Короче говоря, с наступлением темноты мы их там и утопили.

Нет, не горемык-солдат, а всего лишь пушки. При нынешнем морозе через пару дней здесь все схватит так, что не отличишь одно место от другого. Если же кто ненароком попытается проехать пораньше, что ж, всегда существует надежда, что нечаянный ныряльщик принадлежит к племени моржей.

Там же, на дне, нашли успокоение ядра. Карлу будет очень не хватать заготовленных запасов, но зачем нужны ядра без пушек? Что вообще делать под крепостью без артиллерии? Разве что вздохнуть или выругаться и отправиться в далекую Швецию.

В отличие от короля мне осадная артиллерия сейчас была ни к чему. По весне же можно будет спокойно вытащить трофеи и там уже решать: то ли принять их на вооружение, то ли пустить в переплавку.

Порох я брал с собой. Эта вещь на войне лишней не бывает. Подумывал я еще об одном сюрпризе для наших противников, но теперь мой отряд слишком оброс пленными и грузом, да и маловато для следующего мероприятия одного-единственного полка.

Кстати пошедший снег старательно заметал следы нашего окаянства.

Сплошной линии фронта в нынешних войнах не было. Потому обратная дорога была не менее спокойной, чем путь сюда. Разве что, в отличие от противника, мы шли со всеми полагающимися предосторожностями. Небольшие заставы егерей скользили со всех сторон, оберегая нас от нежелательных встреч. Лыжи – самый лучший вид передвижения в зимних условиях. По крайней мере, идущие в колонне пленные порою смотрели на нас с завистью. Но шведы хоть большую часть пути хранили гордое молчание. Саксонцы же то и дело тихонько проклинали собственного короля, втавившего их в зимнюю авантюру.

То ли еще будет, как пелось в одной неизвестной здесь песне! Ой-ой-ой...

За время нашего недельного отсутствия Огре стало не узнать. Вокруг крохотного городка вырос другой, намного больший по размерам.

Впрочем, о втором городе я узнал задолго до того, как увидел его воочию. От разъездов, перехвативших нас за добрых полтора десятка верст. Ключенау службу знал отменно и никогда бы не допустил оплошности попавших в мои лапы артиллеристов.

Пока в лагере приветствовали егерей и рассматривали пленных, мы с Григорием воспользовались приглашением Дитриха и направились к нему.

Дитрих изредка кидал на меня какие-то странные взгляды, словно пытался что-то сказать и никак не мог решиться.

Я ничего не стал спрашивать. Пока имелись дела поважнее и все прочее могло подождать.

Одни люди, выбившись наверх, начинают кичиться новым положением. Другие ведут себя так, словно не прибавили ни в чинах, ни в богатстве. Представителем первых был Меншиков. Вторых – Ключенау.

Дитрих снял для себя две комнаты в небольшом доме на самой окраине, и лишь пара часовых у входа свидетельствовала, что тут остановился генерал.

– К нам прибыли оба полка из Цесиса, Смоленский пехотный из Тарту и два полка казаков, – коротко и по существу докладывал Дитрих. – В двух переходах находятся нижегородские драгуны, Изюмский и Ахтырский слободские полки во главе с Меншиковым. С ним же идет артиллерия под командованием Гранье. Основные силы, по последнему письму Петра, приближаются к Пскову. Казаки постоянно следят за осаждающей армией, доста-

вляют пленных, при возможности уничтожают небольшие партии фуражиров. – И неожиданно закончил: – Я снял каждому из вас жилища по соседству.

– Мог бы и одно на двоих, – отмахнулся я.

– Не положено, – почему-то улыбнулся Дитрих. – Я бы советовал посмотреть, вдруг будут пожелания и претензии?

Удивительно такое слушать от службиста! Но в чем-то Ключенау был прав. После похода требовалось хоть чуть привести себя в порядок. Если не сходить в баню, то хотя бы помыться, поменять белье. Насколько было понятно, срочных дел не предвиделось. Вполне можно выделить себе полчаса, а уж потом намечать дальнейший план действий.

Да и пообедать бы не помешало, хотя умыться – важнее. Снег – плохая замена мытью. Даже машина нуждается в уходе. Вот только...

– Лагерь для егерей подготовлен, – понял мои затруднения Дитрих. – И баня.

Ох плут! А еще порою говорят о немцах плохо!

– Ладно. Встречаемся здесь через полчаса, – решил я. – Показывай, где пристанище.

– Рядом. – Дитрих вышел с нами, даже не позаботившись накинуть что-нибудь поверх мундира. – Только не перепутайте. Этот дом – Григория, а этот – твой.

Да... Мог бы и предупредить. Занятый делами, еще не отошедший от похода, я и не думал ни о каких сюрпризах. Меж тем...

– Долго я буду ждать? – Мэри спросила это так, словно не было никакой разлуки и я выходил из дому за несуществующими сигаретами.

Дыхание перехватило. Вот уж не ожидал!..

– Мэри...

И лишь тогда супруга поднялась и вдруг оказалась в моих объятиях.

– Но как?.. – глупо спросил я, когда вернулось дыхание после затяжного поцелуя.

– Ты мне что говорил? Что едешь в Москву. А не в Ригу. – Надо отдать Мэри должное: она никогда не опускалась до крика. – Забыл про обещание? Быть вместе в радостях и горестях...

Леди говорила со мной почти исключительно по-русски. А уж с момента свадьбы... Надо сказать, успехи в языке она делала просто потрясающие. Небольшой акцент чувствовался, но все ли коренные русаки говорят правильно?

– Но не на поле брани. – Я попытался вновь прибегнуть к самому безопасному средству при общении с женщинами – поцелую, однако Мэри ловко отстранилась.

Ох, чувствую, не придется мне сегодня помыться!

– На войне не только бои. И я не лезу в твои дела, – напомнила мне Мэри.

– Почти не лезешь. – Я не смог удержаться и поправил леди.

В ответ меня ожгли таким взглядом, что все дальнейшие поправки остались при мне.

– Как ты сумела добраться? – Наверное, надо было спросить это в первую очередь, но я был ошарашен встречей для подобного элементарного вопроса.

– Как и ты. В Пскове узнала, что вы уже ушли, и пришлось пуститься следом. – Мэри говорила так, словно речь шла о пустяках.

– Надо будет приставить к тебе охрану. – Для меня подобные вояжи супруги пустяками не являлись.

– Попробуй, – улыбнулась Мэри. – И кто кого будет охранять?

Вопрос, что называется, интересный. Но мало ли что?!

– Мэри, извини, мне надо хоть чуть привести себя в порядок. – Встреча – встречей, но неловко стоять перед любимой грязным и пропахшим дымом костров.

– Горячая вода в другой комнате. – Мэри успела позаботиться обо всем.

Странно, что она не вышла встречать, ведь о нашем прибытии было известно заранее, но тут я ее в чем-то понимаю. Сюрприз, господа!

В некоторых вопросах моя страстная супруга оставалась истинной леди. В частности, никогда не лезла ко мне, когда я мылся или переодевался.

Лохань – не такое большое удовольствие. Банька – это да. Но на баньку не было времени, поэтому пришлось обходиться самым примитивным из всех примитивов.

Минут через десять я, почти чистый, уже вновь стоял перед возлюбленной.

– Обедать будешь?

– Извини, чуть попозже. Надо заглянуть к Ключенау, наметить план действий.

Никаких сцен по поводу новой отлучки Мэри закатывать не стала. Она с детства воспитывалась в мысли, что главное для мужчины – дела, а любовь – потом.

– Что ты задумал на этот раз, Сергей? – спросила она, пытливо уставившись своими несравненными глазами.

– Так, ерунду, – попытался отмахнуться я, окунаясь в глаза, словно в омут.

– Я же чувствую, – тихо произнесла Мэри.

И было в ее голосе нечто такое, что я, выдавший виды мужик, не удержался и в двух словах поведал то, что пока не говорил никому, кроме Ширяева.

Но Мэри давно уже была частью меня самого. И немалой частью...

23. Затянувшаяся осада

Карл был зол. Все шло наперекосяк. Хорошо продуманный налет не оказался для противника неожиданностью. Вместо победоносного захвата главного города Лифляндии войска получили осаду со всеми неизбежными трудностями. Вдобавок трудности эти непрерывно множились день ото дня.

Артиллерийский парк, без которого невозможно было сделать бреши в укреплениях противника или хотя бы нанести городу такой урон, после которого гарнизон и жители поневоле заговорили бы о сдаче, так и не прибыл к армии. Парк просто пропал по дороге. Во всяком случае, те из адъютантов, кто вернулся из поисков, ничего о судьбе артиллеристов и охране рассказать не смогли. А многие из посланных не вернулись сами. И думай про них что хочешь. Волки ли загрызли, метель ли замела.

Выдвинутые в сооруженные кое-как укрепления полевые пушки ничего поделаться с вражескими стенами не смогли. В то время как сами понесли изрядный урон от более крупных и дальнобойных крепостных калибров.

Вдобавок к холоду перед солдатами соединенных армий замаячил призрак голода. Посылаемые в Лифляндию отряды фуражиров вдруг стали бесследно исчезать. Вначале Карл пытался объяснить это дезертирством союзников, однако многие партии были составлены не из саксонцев, а из доблестных шведов. Тех, кто сбежать не мог, но пропадал точно так же, как ненадежные солдаты непутевого курфюрста.

Дальше – больше. Стало хуже поступать продовольствие из Курляндии, где еще Август заложил большие магазины. Причем гонцы оттуда сообщали, что обозы уходят по-прежнему. Но тогда где они? Распродаются по дороге? Разворовываются?

От вороватых поляков можно было ожидать всего, но тут же Курляндия, вассальные земли и хоть какие-то законы действуют! Да и население – все те же немцы, а не спесивые паны. Про латышей Карл и не думал.

Происходящее объяснилось сравнительно быстро. Вначале несколько вырвавшихся из вражеской засады кавалеристов рассказали, что весь их отряд, посланный за сбором продовольствия, подвергся налету каких-то варваров с бородами и русских регулярных солдат.

На следующий день информация подтвердилась еще одним беглецом, единственным уцелевшим из другой партии. Посланные на разведку в разные стороны драгуны и рейтары, вернее, те из них, кто сумел вернуться, доложили, что, судя по всему, осаждающие, в свою очередь, обложены противником. Силы противника неясны, лишь понятно, что это – московиты. Как их регулярные части, так и легкая иррегулярная конница, называемая странным словом «казаки».

Наглецов следовало проучить.

Карл взял несколько пехотных и драгунских полков с артиллерией и выступил в поход. Без всякого результата. Враг как сквозь землю провалился. Хотя кое-кто утверждал, будто видел на опушках лесов неприятельские разъезды.

Московиты явно не желали вступать в честный бой, зато не прочь были напасть из лесной чащи на слабейшего.

О летней конфузии Карл предпочитал не вспоминать и совсем как тогда злился на коварство противника.

Возвращение ни с чем привело еще к одному неприятному сюрпризу. Как стали доносить доброхоты, среди саксонских солдат потихоньку поднимался ропот. Вместо обещанной легкой прогулки и богатой добычи им приходилось мерзнуть, многим – на голой земле, голодать и пропадать неизвестно за что.

Вдобавок жалования им Август опять не заплатил. Должно быть, промотал казенные денежки на очередную красотку. Не появлялся курфюрст и сам. Подобное легкомыслие совершенно не укладывалось в голове его венценосного собрата, и Карл стал всерьез подумывать: не заменить ли владельца польской короны кем-нибудь более покладистым и надежным?

Если бы на этот ход оставалось время! Пока добьешься согласия панов, пока они на сейме сумеют убедить остальных, пройдет явно не один месяц. Как бы еще не год.

Но все равно Карл не сдавался. Теперь он разделил войска на три части. Одна, как и прежде, блокировала крепости. Другая повернулась к ним спиной для защиты от прячущегося где-то поблизости противника. Наконец, третья, состоящая из одних шведов, была собрана в кулак в ожидании решительного боя.

Но как Петру удалось настолько быстро добраться до Риги? По всем данным, русские войска успели встать на зимние квартиры в самых разных местах.

Как?!

Насчет Петра Карл заблуждался. Основные силы русской армии все еще находились в походе, и против шведско-саксонских войск действовал только отряд Кабанова. Просто он не стоял на месте, а постоянно курсировал небольшими партиями, фактически блокируя блокирующего Ригу противника.

Вступать в крупные бои при превосходстве врага Командор запретил. Своей задачей он считал деморализацию противника, лишение его подвоза, но никак не полный разгром.

Конечно, последнее было бы здорово, но тут уж не по Сеньке шапка. Любой риск должен быть оправдан. Тем более – риск на войне. Кутузов не выигрывал сражений, зато выиграл подряд две войны. Заставил прежде турок, а затем французов жрать конину. Так почему не воспользоваться опытом одноглазого старца?

Имеющиеся в распоряжении казаки быстро ухватили мысль Кабанова. Малая война с ее засадами и уловками была их стихией. Чего не скажешь о крупных баталиях.

Егеря тоже создавались во многом для действий, в нынешние правила не вписывающихся. Остальных потихоньку приходилось подтягивать.

Первыми подключились слободские полки, в сущности, те же казаки. Глядя на них, ободрились драгуны. Особенно русские, где в рядах простыми солдатами служили многие дворяне. Но и лифляндцы не отставали. Им в чем-то даже было легче на своей земле.

И, наконец, пехота. Оба полка Клюгенау успел натаскать еще в Пскове. Похуже было с прибывшими. Но потихоньку дело пошло и у них. Зимой хороший лыжник бывает маневреннее кавалериста. Тем более в лесах, где и происходили все схватки.

Тон задавали егеря и казаки. Они так хвастались своими победами, куражились удачей, что остальные готовы были вылезти из кожи, но тоже хоть раз на бивуаке иметь право рассказать о лихом деле.

Разведчики постоянно издали следили за лагерем осаждавших и при выдвижении какого-нибудь отряда как могли быстро докладывали, сколько и куда пошло голодных ртов.

Дальше искатели съестного подвергались нападению в какой-нибудь чащобе. Герои шли на тот свет, остальные – в плен.

Каждый новый отряд фуражиров становился осторожнее, но люди Кабанова тоже на глазах набирались опыта, входили во вкус схваток, и победа каждый раз оказывалась на стороне партизан.

Были потери и у русских. Как же без них? Но все же врагов погибало гораздо больше. Быстро настал момент, когда почти все отряды начали попадать не в одну ловушку, так в другую. Если у Командора не хватало сил на генеральную баталию, то на широкую блокаду их имелось с избытком.

Потом первая партия партизан перешла в Курляндию. Местные жители в военные дела не вмешивались. Их никто не трогал, и они, в свою очередь, не стремились оказаться между воюющими противниками. Тут ведь как? Вмещаешься, а потом рискуешь получить от обоих. Лучшая политика – оставаться в стороне.

Едва ли не единственный лифляндец, кому успехи русских не давали покоя, был Паткуль. Победы Петра уже не просто тревожили – откровенно страшили пригретого ими авантюриста. В кошмарных снах ему уже мерещился мир под русской пятой. Паткуль просыпался весь в поту, горя одним желанием – не допустить!

Хотя что он Гекубе?..

В первые дни помощник губернатора скрывался на хуторе, принадлежащем, вместе с крестьянами, одному знакомому помещику. Все ждал известия о падении Риги. Когда же верные люди донесли, что шведы с саксонцами осадили крепость, то понял: внезапный налет сорвался.

Дальше – больше. Кампания пошла явно не так. Мелькнула мысль перебраться в Курляндию, но там можно было наскочить на давних неприятелей, крайне желающих получить его голову. Но почему-то без тела.

Вечно скрываться невозможно. Пришлось Паткулю появиться в русском лагере. Объяснение было простым – поехал по губернии, а тут нападение. Обратного в Ригу не пробраться. И что делать дальше – неизвестно.

Командор отнесся к рассказанной истории довольно равнодушно. Мало ли чего бывает в жизни? Зато прибывший с драгунами Меншиков был искренне рад видеть своего номинального помощника. Алексашка очень переживал за судьбу «своего» города. Он был рад, что теперь рядом объявился еще один ответственный за завоеванный край, причем тот, кто не покидал его ради далекой Москвы и общения с царем.

Сам Меншиков делал все, чтобы побыстрее отбросить шведо-саксонцев вспять. Принимал участие едва ли не в каждой стычке, если успевал туда примчаться, много раз руководил сам засадными операциями, помогал Кабанову планировать дальнейшее – словом, буквально кипел от переполнявшей его энергии. И такой же точно энергии он ждал от Паткуля.

Если Паткуль и собирался кому помогать, так это отнюдь не непосредственному начальнику или кому повыше. Напротив, он по-прежнему был готов сделать все, чтобы русские не увидели больше этих земель. Но только как это сделать?

Оба полка из местных уроженцев отпадали. В них служили те, кто искренне связал свою судьбу с Россией, и подбить их на выступление против новой родины было невозможно. Уж это Паткуль прекрасно понимал.

Его собственные единомышленники почти все остались в Риге, и теперь никто не мог сказать, живы ли они. Те немногие, кто в силу разных обстоятельств оказался за пределами крепостных стен, с готовностью кивали на призывы поговорить со знакомыми и соседями, но каждый раз после встреч лишь старательно разводили руками. Мол, ни о каких саксонцах бароны даже слушать не хотят.

Может, вдали, а сами не решались на откровенный разговор. Донесут – и тогда не миновать дыбы. На этот счет никто не обольщался.

А то и еще хуже. Втайне решили для себя, что от добра добра не ищут. Лучше находиться в составе сильного государства, которое само верных подданных не обидит и от других возможных обидчиков защитит.

Дошло до того, что Паткулю некого было послать с донесением в саксонский лагерь о местоположении русского. Послать же было необходимо. При всех несомненных военных дарованиях Командора и хорошей подготовке войск ничто не компенсирует численного перевеса союзных армий. Уж Паткуль-то был прекрасно осведомлен, сколько русских пол-

ков вызывали головную боль у осаждающих. А в придачу к ней – урчание в полупустых желудках.

В итоге пришлось прибегнуть к помощи одного из слуг, полунемца-полушведа Отто. По крайней мере, Паткуль доверял ему настолько, насколько вообще можно доверять слуге.

При расставании помощник губернатора особо подчеркнул, что записку надо передать исключительно саксонцам и ни в коем случае не отдавать шведам. Если же случится худшее и Отто встретится с русскими, тогда листок бумаги требуется уничтожить.

Слуга флегматично кивнул в ответ, мол, все понял.

Теперь оставалось ждать результата. И, как в первом случае, по возможности обезопасить себя.

Но расшалившиеся нервы не позволяли думать об укрытии. Прятаться, не ведая в очередной раз, как обернутся дела, казалось невыносимым. Тем более, по замыслу Паткуля, командовавший саксонскими войсками Флеминг вряд ли захочет делиться честью победы с союзниками. Вернее всего, он приложит все усилия, чтобы вывести из лагеря свои войска. А раз так – то, чем прятаться, лучше, напротив, устремиться ему навстречу. Тем более Паткуль, будучи в русском лагере лицом известным, мог бы помочь саксонцам подойти к русским укромными тропами, а при удаче еще и обвести вокруг пальца часовых.

После долгих раздумий и колебаний Паткуль решил. Под первым попавшимся предлогом он выбрался на волю, якобы навестить союзников из числа местных помещиков, а сам направился к небольшому поселку Икскуль, находящемуся как раз на пути из Риги. В крайнем случае, если в числе нападавших окажутся шведы, всегда можно выдать себя за местного жителя: вряд ли кто из шведских офицеров знал его в лицо. А солдаты даже фамилии наверняка не слышали.

Что им, больше делать нечего, как все фамилии подряд запоминать?

– Ваня, смотри, куда это он намылился?

– Кто? – так же тихо, чтобы голоса не разносились дальше тщательно укрытого секрета, переспросил напарник.

Но в следующий момент он уже увидел сам.

– Это же Паткулев слуга!

Две пары глаз внимательно следили за одиноким всадником.

Услышав отдаленный перестук копыт, к ним присоединился старший секрет, до того отдыхавший с остальными солдатами. Если простое лежание в укрытии можно считать отдыхом.

В поздних предутренних сумерках последний раз мелькнула тень, и лишь позвякивание сбруи пару раз нарушило тишину.

– Докладайте.

Сержант, как и большинство солдат в секрете, был ветераном гвардейских егерей. Тех, кто гордо именовал себя кабанятами. Это теперь, когда полк стал одним из самых прославленных, почти половина нового пополнения состояла из дворян. Но молодежи было еще служить и служить до лестного прозвища.

Ему в двух словах сообщили об увиденном. Отдельно добавили свои подозрения. Сержант, совсем еще не старый, – среди егерей вообще не было стариков, ибо для тяжелой службы набирались лишь молодые, – раздумывал лишь несколько мгновений.

Весь секрет, полдюжины человек, уже успел собраться, почуяв неведомым образом, что их тайное пребывание здесь принесло толк.

– Семен и Василий, хватайте лыжи и дуйте за ним вслед. Токмо осторожно. Не вас учить.

– Можно мне? – Единственный новик в секрете, Петр Марков, дворянский сын, посмотрел на сержанта с юношеской надеждой. И даже добавил совсем не по-военному: – Я смогу, Козьма Митрофаныч. Честное слово...

Сержант чуть скривился. Лестное обращение по отчеству его не тронуло. В армии важнее звание, чем происхождение. Но молодой Марков успел принять участие во взятии Нарвы, да и в последних сшибках зарекомендовал себя весьма неплохо. Наверное, сильно помогало то, что новик с детства был заядлым и умелым охотником. Да и втроем сподручнее.

– Ладно. Действовать осторожно. Ежели впрямь к шведам едет, то перво-наперво одного пошлите сюда, предупредить. Сами же наблюдайте, не выйдут ли шведы из лагеря. И сторожко, сторожко. Чтобы он ни сном ни духом. Действуйте.

Несколько мгновений, и трое солдат, облаченных в белые маскхалаты, легко и проворно устремились по следу.

Зима была снежной. Повсюду в лесу громоздились сугробы. При таком раскладе лыжник всегда сумеет догнать конного. А вот конный лыжника – еще вопрос.

Сержант взглянул на оставшихся и кивнул:

– Давай, Ваня, в лагерь. Пушай подбросят кого-либо. Негоже на посту втроем оставаться.

Обстановка в стане осаждающих явно оставляла желать лучшего. Осадная артиллерия не прибыла. Как теперь стало ясно, была перехвачена по пути. Взять без нее первоклассные крепости нечего было и думать. Тут впору отступить, чтобы получше подготовиться, и уж тогда попытать счастья сначала. По мнению же саксонцев, так вообще лучше больше не пытаться. Жалованья все равно не платят, а голодать непонятно за что...

Отношения между двумя армиями ухудшились. Саксонцы вообще не рвались воевать. Но и шведы были злы от голода и неудач и теперь во всем стремились обвинить союзников. Не выставляя же главным виновником собственного короля! Тем более он по-честному делит с армией все трудности. А где саксонский курфюрст, он же – польский король? Где?!

Черт с ним, с курфюрстом! Но кто проворонил артиллерию? С мощными пушками и мортирами вмиг бы сумели захватить все три крепости. А если и не вмиг, то все равно очень быстро. Теперь сиди здесь...

И большинство отправившихся за провиантом отрядов тоже были из саксонцев. Еще вопрос: действительно на них напали или они просто дезертировали на все четыре стороны?

Следом за своими солдатами перестал доверять союзникам Карл. Нет, в прямой измене он их пока не подозревал, но что-то не было веры ни в стойкость саксонцев, ни в то, что они в конце концов не взбунтуются прямо в виду неприятеля. Потому за линией дозоров, выставляемых от каждой армии, дополнительно рыскали конные шведские патрули.

Рыскали – слишком сильное слово. Дела с фуражом обстояли еще хуже, чем с продовольствием. Вдобавок зима, морозы. Кони шведских рейтар и драгун едва переставляли ноги. Но кобыла Отто после долгой поездки по заснеженным лесам вымоталась полностью и теперь вряд ли смогла унести своего всадника даже от пешего.

Разъезд взял подъезжающего всадника очень аккуратно. Несколько человек сумели зайти с противоположной стороны, и, даже если бы Отто имел свежего коня, он бы еще трижды подумал, стоит ли рисковать.

– Кто таков?

– Мне нужен командующий саксонской армией по чрезвычайно важному делу.

Страх Отто не испытывал. Не из-за храбрости. Просто он провел весь зимний день в седле, и теперь от усталости ему было уже все равно. Да и что сделают шведы своему соотечественнику?

– Ишь ты... – протянул усатый рейтар с красным от долгого пребывания на морозе лицом. – Аж самого командующего! – И неожиданно рявкнул: – А почему саксонского?

Отто все-таки вздрогнул. Другой рейтар, такой же краснорожий, как и первый, потянул из ольстры пистолет.

– У меня для него важное письмо, – признался посыльный.

Но раз армия одна, то большая ли разница, кто именно прочитает послание?

О нависшем над Паткулем приговоре слуга думал меньше всего.

– Шпион? – спросил товарищей рейтар с пистолетом.

Происходящее мгновенно перестало нравиться. Никто не трогает мирных жителей. Если не считать, конечно, всевозможных реквизиций, а равно – порчи жены и дочерей, буде таковые имеются. В самом крайнем случае пнут хорошенько, дабы не путался под ногами и не мешал предаваться нехитрым солдатским радостям. Однако короток разговор со шпионом. Вережка, на которой ему предстоит висеть, и то зачастую длиннее.

– Какой я шпион? – наполовину возмущенно, наполовину плаксиво спросил Отто. – Говорят вам, послали меня к Флемингу с важным письмом. Там все о русских сказано. Где находятся, сколько их, как их лучше разбить...

Пояснение немедленно возымело свое действие. Власть соединенных армий до сих пор распространялась лишь на ту территорию, на который они находились. А именно – на сравнительно небольшой клочок земли вокруг удерживаемых русскими крепостей. Все, что лежало за его пределами, казалось сплошным зловецим морем, откуда практически никто не возвращается.

И вдруг узнать, где именно скрывается противник!..

– Тогда тебе, приятель, надо прямиком к Его Величеству, – вымолвил старший из рейтаров.

– Меня послали к Флемингу, – напомнил Отто.

– К какому Флемингу? Кто он вообще такой?

В тоне рейтар скользнуло такое, что Отто понял: спорить с ними бесполезно.

В самом деле, чем генерал лучше короля? Тем, что саксонец? Тоже мне, государство! Уж если кому-то бороться с русскими, так явно не им...

24. Налет на налетчиков

Петр вел армию вперед почти без дневок. Но все равно темп продвижения был не слишком высок. Причин было много. Зимнее время года, бесконечные обозы, без которых было просто не обойтись, вечно застревающая артиллерия, общая усталость людей... Наконец, в полках было много рекрутов, которые еще не успели втянуться в нелегкую военную жизнь. Да и далеко не все полки были на высоте. Все же почти всем частям было чуть больше года, каким-то – два. А кое-какие, главным образом драгунские, являлись, можно сказать, младенцами.

Без всякого соприкосновения с врагом армия несла большие потери. Многие заболели, и каждое село по дороге превращалось во временный госпиталь. И тем не менее Петр не останавливал движения.

Война не ведает жалости не только к чужим, но и к своим. Сегодня ты пожалеешь уставших солдат, а завтра им придется умирать лишь потому, что сегодня они не успели предупредить неприятеля. Потому любое добро легко оборачивается в конечном итоге злом. На войне важна лишь победа, все прочее должно быть подчинено ей и только ей.

Сказанное не значит, что солдат надо расценивать исключительно как пушечное мясо. Напротив. О них необходимо постоянно заботиться, кормить, одевать, учить, стремиться, чтобы свои потери были намного меньше, чем у противника... Но заботиться и жалеть – понятия разные.

Собранные обозы везли все необходимое. Солдаты получали на привалах всю положенную пищу. Водку, хлеб, мясо, крупу. Утром и вечером их кормили горячим, в мешках – ранцы еще собирались ввести – всегда были сухари. Даже посты были отменены на весь период боевых действий, и бывшие с войском священники объясняли солдатам, что этот грех сейчас отмаливает весь православный клир и даже сам патриарх.

Мечтавший о море Петр вдруг испугался, что возвращенный порт внезапно перейдет опять к шведам и тогда придется отвоевывать его, но уже большой кровью. Да и итог любой войны предвидеть трудно.

Как бы ни был царь разбалован победами, в глубине души он очень боялся проиграть одно из самых главных дел в своей жизни: обеспечить стране выходы к морским дорогам, а с ними и контакты с остальным миром. Цель казалась почти достигнутой, и вдруг такой удар в спину!

Петр не находил себе места. Была бы его воля, он бы мчался вперед, далеко обогнав тяжело идущие полки. Но какой толк в его одиночном появлении? Один лишь вред, если учесть, что повелитель всегда является желанной добычей для неприятеля.

Если уж рисковать жизнью, то на поле боя. Там, где решается судьба войны. Сейчас главным было как можно скорее прийти на помощь осажденному городу. Не одному, вместе с армией, которая сумеет отбросить нападавших. И Петр терпеливо ее вел.

Кабанов каждый день докладывал о положении в Лифляндии. По мере сокращения расстояния эстафеты приходили все быстрее.

Судя по донесениям, дела были не настолько плохи, как померещилось в первый момент, когда во дворец ворвался курьер от Сорокина. Город держится. Более того, без осадной артиллерии шведы застряли под ним без особых шансов на победу. И без продовольствия, кстати.

Командору Петр доверял. Успел привыкнуть, что тот слов на ветер не бросает. Раз пишет об окружении осадной армии и уничтожении отходящих за снабжением партий, значит, так оно и есть. Кому еще партизанить, как не бывшему пирату?

Теперь вовремя поддержать бы Кабанова, и шведы с саксонцами и поляками зарекутся вторгаться в чужие земли.

Может, даже удастся заключить мир. Воевал Петр исключительно по необходимости. Хотел же больше мира. Тогда удастся переключить все силы на благоустройство государства. Построить не только военный, но и коммерческий флот, всемерно развивать промышленность, исследовать недра в поисках полезных металлов, всерьез заняться реформой управления, поправить финансовое положение. Война пожирает столько денег, что казна вечно пуста. Даже недавно открытые на Урале залежи серебра пока не очень спасают положение. А страна должна быть богатой.

Но тревога грызла все равно. Сил у Кабанова не настолько много. Вдруг Карл сумеет нанести удар? Или не Карл, а Флеминг? Помнится, Август сильно хвалил своего генерала.

Вдруг?..

Карл возбужденно прохаживался из одного угла палатки в другой. На войне крайне редко удается узнать подлинное положение противника. Разве что во время боя, когда многие решения принимать становится поздно.

Но теперь он знал если не все, то многое. Первый раз идя в поход против срывающего планомерную осаду неприятеля, король действовал наугад и проиграл. Вернее, не выиграл, лишь зря исходив некоторые ближайшие места. Противник старательно избегал боя, прятался, и соединенным армиям не удалось ни достигнуть его, ни хотя бы найти.

Ничего. На этот раз промашки не будет. Как не будет пощады врагу, когда он наконец подвергнется сокрушительному удару.

Карлу до одури была необходима победа.

Еще недавно юному шведскому королю рукоплескала вся Европа. Военные и политики восторгались гением полководца, сумевшего одним маневром победить Данию. Сам Карл был на седьмом небе от счастья. И вдруг рукоплескания сменились недоумением, недоумение – смешками. За какие-то полгода могущественная Швеция лишилась всех заморских территорий. И кто был ее победителем? Жалкие московиты, чьи предки терпели поражение за поражением от гордых наследников викингов.

Лишь по крайней нужде пришлось согласиться на союз с Августом. Да и какой ценой! Главное – с каким результатом! Хоть снимай осаду и уходи. Все равно без тяжелых пушек сделать что-либо крепости не получается, а нужда в осаждающих армиях только дает дополнительный повод для насмешек.

Теперь, когда вдруг замаячил призрак победы, Карл воспрянул духом. В первый миг ему захотелось тотчас же вывести часть своей армии из лагеря, дабы союзник ни с какого бока не был причастен к победе.

К сожалению, подобный маневр был невозможен. Карл был знаком с настроением саксонских солдат, полководец просто обязан знать, чем живут его люди, и отдавал себе отчет в том, что внезапный и необъяснимый уход части шведских сил вполне способен вызвать у незадачливых союзников панику.

Хочешь не хочешь, а все же пришлось вызывать командовавшего саксонским войском Флеминга.

– Мои разъезды совершенно точно установили, где находится противник. – Самое интересное, что Карл ни в чем не лгал.

Разве не шведский разъезд перехватил скачущего к саксонскому главнокомандующему посыльного с весьма подробным донесением о положении неприятеля?

– Где? – встрепнулся саксонец.

В первый момент ему показалось, что речь идет о всей русской армии. Чем черт не шутит, вдруг царь Петр вновь перехитрил всех и теперь его войско остановилось перед решительным ударом где-нибудь неподалеку?

По дернувшемуся лицу генерала Карл сумел догадаться о его мыслях и опасениях и потому счел нужным уточнить:

– Речь идет о тех партизанах, которые последнее время тиранят местное население и нападают на наших фуражиров.

Флеминг облегченно вздохнул.

– Их, между прочим, не так уж много. Пять пехотных полков, два регулярных кавалерийских и четыре конных полка ополченцев. – Карл, подобно многим, пока еще считал казаков не столько профессиональными военными, сколько мирными жителями, выступившими в поход «для числа».

– Но и немало. Где-то тысяч шесть-семь, – прикинул Флеминг. – И все это сумел посчитать ваш разъезд?

– Они захватили пленного, – небрежно отмахнулся король. – Тот им все с готовностью рассказал.

– Вы собираетесь на них напасть? Сколько моих полков вам требуется? И где этот таинственный лагерь? – Флеминг был одним из приближенных курфюрста, следовательно, царедворцем. Но генералом он тоже был и потому задавал вопросы по существу.

– Бить противника по частям порой гораздо удобнее. – Еще не так давно Карл считал, что лучше решить дело в одной генеральной баталии, но опыт не столь давнего сражения в здешних местах частично заставил его изменить первоначальное мнение. – Тут один большой переход, и мы сможем внезапно атаковать москвитов. Я вполне обойдусь своими силами.

Раз уж внезапное взятие Риги не удалось, надо попытаться одолеть противника самим. Тогда можно будет смело разорвать союз с польским королем.

Насмотревшись на саксонских солдат вблизи, Карл перестал считать их серьезными войсками. Таких главное – догнать во время их бегства, а победить – даже проблемы нет.

Флеминг, похоже, понял ход мысли союзника. Первую их часть.

– Войска под моим командованием пришли сюда драться. Партизаны причинили солдатам столько неудобств, что они горят желанием рассчитаться с ними.

– Переход будет тяжелым. Придется двигаться очень быстро, чтобы атаковать москвитов внезапно. Простите, генерал, но мне кажется, что саксонцы, доблестные солдаты во многих отношениях, по части ускоренных маршей уступают шведам. Я же не могу ждать, пока они подтянутся к полю битвы. Потому ваша основная задача – сделать так, чтобы противник ничего не узнал о выступлении. Придется несколько растянуть полки. Мы выходим через два часа налегке. В темноте будет невозможно заметить уход.

– Тогда возьмите нашу кавалерию. – Саксонец был вынужден признать правоту союзника. Шведская пехота действительно передвигалась намного быстрее саксонской.

Начался спор. Поневоле сдержанный, когда ни один из спорщиков не высказывает всего, что думает, но от этого не менее напряженный.

Помогло Флемингу одно. Конский состав шведской кавалерии значительно ослаб. Недостаток фуража, суровая зима, как следствие вместо целых полков пришлось думать о выделении из каждого наиболее боеспособных всадников.

Саксонцы находились не в лучшем положении. Но почему бы не воспользоваться их помощью хотя бы в виде небольшого сводного отряда? В известиях, которые распространятся после завтрашнего боя, об их существовании можно будет ненароком забыть.

И пусть попробуют оспорить короля!

Командор был невыспавшимся, привычно бодрым и злым. Его подняли в середине ночи, когда он только лег, но новость была такой, что о продолжении сна не было речи.

Паниковать Кабанов тоже не собирался. В первый раз он уклонился от боя, но теперь имел гораздо больше сил. Подходящее место было облюбовано заранее. Да и не хоте-

лось сниматься с насиженного места. Дело было за малым. Поточнее определить численность карательного отряда. Если союзное командование задействовало большую часть своей армии, то тогда лучше все же отойти без боя. Задачи разгромить все войско противника никто перед Командором не ставил. Но если перевес будет не настолько велик, то почему бы не попытаться огрызнуться? Агрессивно, нагло и в то же время не теряя головы. Станет худо – всегда есть возможность отойти. Лесов вокруг хватает. Людей, знающих их, тоже. Так почему бы и нет?

В худшем случае даже самые большие потери особо ничего не решали. Судя по вчерашнему письму, Петр находится недалеко – учитывая артиллерию и обозы, днях в шести-семи пути. То есть союзникам в самом ближайшем времени предстоит встретиться со свежими силами. А вот им пополниться негде. Швеция далеко, Саксония – тоже. Местное население воевать не умеет и не пойдет. Курляндское герцогство имеет маленькую армию. Поляки с удовольствием дерутся друг с другом, и новый противник им попросту не нужен. Сосед поколотит, а потом выпить предложит от щедрот панского сердца. А тут убить могут за здорово живешь.

Тоже мне удовольствие! Да еще без привычных удобств.

План был прост в своей основе. Вся восточная Прибалтика, впрочем, как и северная, сплошной медвежий угол, захолустье Европы. Дороги здесь скорее случайность, чем правило. Потому любой путь предсказать не составляет труда.

Тропинками большую армию не проведешь. По полю – тоже, ведь оно рано или поздно упирается в лес. Реки в нужном направлении нет. Значит, все известно заранее.

Командор загодя, специально для подобного случая, подобрал неплохой овраг. С крутыми стенами, главное – длинный да вдобавок лежащий посреди леса, он идеально подходил для намеченного плана. Даже больше – если бы его не было, то нечто подобное стоило бы выкопать.

Оставалось подтянуть к себе выдвинутые на случай поиска фуражиров части, занять позицию и ждать.

Немного смущала мысль: вдруг движение Карла как раз продиктовано отвлечением внимания? Пока придется преграждать шведам путь, другие отряды выскочат из лагеря и спешно отправятся на грабеж ближайших поселений.

Или оставить для такого дела казаков? Все равно в пешем порядке со шведами им не справиться, в конном нет простора для маневра, без которого казак – не казак.

Итогом стал некоторый компромисс. Казачьи полки растянулись в отдалении вдоль места засады с главной задачей – наблюдать и докладывать обо всех, кто попытается влезть в лес с любой другой стороны.

А вот драгунам пришлось вспомнить, что они хоть и ездая, но все равно пехота...

Утро застало шведов в пути. Солдаты и лошади сильно устали, но первые мечтали отомстить москвитам за непредусмотренный лютеранской верой вынужденный пост, а вторых никто не спрашивал. Веди, пока погоняют. Иначе вгонят шпоры в бока.

По сторонам лежал зимний заснеженный лес. Казалось, он так и будет тянуться не то до моря, не то до таинственной Сибири – практически все солдаты уже не очень понимали, в какую сторону движется втягивающаяся под кроны бесконечная колонна. Да и дороги практически никогда не бывают прямыми. Каждая вдоволь напетляет, вымотает душу и лишь потом доведет до цели, которая по прямой лежит минимум вдвое ближе.

Ночью было холодно, но к утру тот мороз показался забавой. Или казалось? Ведь уже столько пройдено. Большинство кавалеристов были вынуждены спешиться, идти рядом с лошадьми и хоть так согреваться. Остаться в седлах казалось невозможным. Лишь король упорно изображал из себя незамерзаемого и нестибаемого человека. Да вынужденно подстраивались под него свита и конвой.

Странное дело – дорога зимой. Еле ноги волочишь от усталости. Тяжесть амуниции прижимает к земле. Спина то и дело становится мокрой от пота, а руки и ноги замерзают так, что болят. Но лучше уж пусть болят, чем вообще не чувствуются.

– Уже не так долго. Скоро лес закончится, а там часа за два-три дойдем.

Карл не смог узнать говорившего по охрипшему голосу. Повернуть же голову показалось тяжело. Молодой король поймал себя на том, что тело пытается согнуться, и с некоторым усилием гордо выпрямился в седле.

Два часа – совсем немного. Только два часа. А там станет так жарко, поневоле вспомнишь утренний мороз.

Командор мерз значительно меньше. Он просто был теплее одет. Как и все бойцы его отряда. Когда приходится лежать в засадах, то поневоле заботаешься о соответствующем обмундировании.

Секунды шли медленно, как всегда идут последние секунды перед боем. Внизу в про светах между елками текла сплошная масса людей. Но сейчас был тот случай, когда чем больше врагов, тем лучше.

Кабанов осторожно стянул правую рукавицу и пошевелил пальцами. Жизнь солдата всегда зависит от стольких мелочей, и ни к чему пренебрегать ни одной из них.

Рядом в готовности застыли егеря. В белых маскахалатах они сливались с белым снегом. Да еще вездесущие деревья, за которыми надо лишь уметь укрываться.

Чуть позади расположилась вторая линия. Уже с тяжелыми гранатами в руках, ждавшая лишь сигнала, чтобы наконец запалить фитили.

Последние секунды...

Пора!

Резкая трель, совершенно неожиданная в спящем зимнем лесу, заставила солдат вздрогнуть.

– Засада! – прокричал над ухом Карла кто-то из наиболее сообразительных адъютантов.

Впрочем, сейчас это ему ничуть не помогло. Сразу за трелью сигнала сверху частой скороговоркой затрещали ружейные выстрелы. Адъютант вскрикнул и стал валиться с седла. И не он один.

С такого расстояния по плотной людской массе промахнуться было трудно даже плохому стрелку. Но плохих стрелков Кабанов в егерях не держал. Он и простых фузилеров гонял почем зря, не жалея пороха. Потому творился сейчас внизу самый настоящий ад.

Стрельба специально велась вразнобой по готовности. Револьверными ружьями была вооружена лишь половина егерей. Охотничьи команды пехотных полков и остальные егеря имели на вооружении менее скорострельные штуцера, а обычные пехотинцы – фузеи. Неудобное оружие, когда перезаряжать его приходится в положении «лежа». Впрочем, многие уже успели встать на колени и теперь вовсю шуровали шомполами.

Стрельба гремела по всему лесу. Только дальше приходилось вести ее не сверху вниз, а прямо, прикрываясь стволами деревьев. Но быстрее всего она стихла впереди. Там, где находился пропущенный мимо шведский дозор. Он был не настолько велик, чтобы зря тратить пули. Одного человека дважды не убьешь.

Над краями оврага плыл густой дым. Целиться стало невозможно. Приходилось пережидать. Кабанов, например, так и не разрядил всего барабана и теперь ругал про себя местный порох, не дающий развить нормальную скорострельность.

Но тут в ложбину полетели десятки дымящихся гранат, и ощущение ада стало более острым. Пусть гранаты те были маломощными, грохота и дыма они давали столько, что окончательно сбивали с толку мечущихся внизу людей.

Застигнутые врасплох солдаты не знали, что делать. Кони в панике пытались вырваться, мчались одни вперед, другие назад, а вокруг все грохотало и один за другим падали убитые и раненые.

Это было то, что на военном языке называется коротко и ясно: разгром. По крайней мере, той части армии, которая находилась в овраге. Большинство людей не думали ни о каком сопротивлении, организации отпора. Они просто пытались спастись, вырваться куда-нибудь, где сверху не сыплются дождем гранаты и не стреляют в упор.

Карл хотел отдать какую-то команду, но просто не успел. Одна пуля вошла ему в плечо. Вторая пробила ногу. Конь короля начал валиться, и его всадник в первый раз не сумел соскочить с него.

Это спасло ему жизнь. Граната упала у живота рухнувшего коня, и осколки впились в конскую плоть, а другие просвистели выше.

– Спасайте короля! Король ранен!

К чести шведов, при всей панике король был не забыт. Несколько пар сильных рук приподняли коня, кто-то другой вытащил королевское тело, и сразу несколько всадников, удержавших лошадей, спешили, давая Карлу шанс.

Одна из лошадей забила в предсмертной агонии, другая вырвалась и понеслась, топча упавших и сбивая с ног продолжавших стоять, но короля все же подняли, перекинули через седло, и небольшой отряд пустился на прорыв. Но не вперед, что казалось логичнее, а, выполняя выдохнутый через сжатые зубы последний приказ короля, – назад. Туда, где больше стреляли.

Невероятно, но именно это спасло. Конечно, не всех. Кто-то вылетел из седла не по своей воле, под кем-то рухнул конь, но впереди, где полностью расправились с дозором, перестреляли бы всех. Здесь же повсюду кипел бой, причем успех его местами колебался то в одну, то в другую сторону. Шведов было слишком много, чтобы можно было уложить всех. Кое-где они сумели организовать. Одни группы пошли на прорыв, другие в горячке набросились на противников – на дороге и между деревьями кипел рукопашный бой.

Да и не настолько густой была цепь фузилеров и спешенных драгун. Большая часть сосредоточена на гребнях оврага, там же стояли резервные роты, а по лесу русских было не так много. Потому в некоторых местах цепь была прорвана, в остальных отступила сама согласно приказу: Командор отнюдь не желал потерь и велел при нажиме противника лучше отойти в чащу, а там двигаться к егерям.

Наверное, многое можно было исправить. Два сводных полка саксонских рейтар еще даже не вступили в лес и оказались целыми. Целым был шедший замыкающим шведский пехотный полк. Вполне достаточно для создания кулака, а там бы к нему примкнули те, кто уцелел и при расстреле, и в рукопашной схватке. Однако идти вперед саксонцы отказались наотрез. Они же перегородили дорогу так, что шведская пехота не сумела их обойти. Шведы хотели помочь своим, саксонцы – скорее мчаться к Риге, и в итоге два потока, пытаясь двигаться навстречу, просто бурлили на месте.

Король бы сумел наладить порядок, но он был ранен, а прочие не имели такого веса в глазах солдат. Все, на что хватило авторитета у нескольких уцелевших полковников, – это собрать вокруг себя выскочивших из леса людей и хотя бы прикрыть дорогу.

Но их никто не атаковал. Отряд Командора тоже понес не такие уж маленькие потери, и теперь солдаты торопливо собирали своих раненых и убитых, гнали перед собой пленных, волокли несколько захваченных легких шведских пушек. Опять вступать в бой Кабанов не хотел. Люди ему требовались для выполнения другого плана.

Хватит пока со шведов. Вот только куда подевался король? Пленные твердят, что он был с ними, но в овраге тела его не нашли.

Жаль. Может, война тогда закончилась бы...

25. Командор. Курляндский вопрос

Мне доводилось видеть митавский дворец в далеком будущем, неведомом всем нынешним обитателям, а теперь уже и нам. Раз уж мы сумели создать новое настоящее, то дальнейшие события пойдут иной чередой. Не знаю, насколько лучшей или худшей, чем когда-то известная нам.

Мы же не стремимся благодетельствовать человечество. Да и что это такое? Европа, исламские страны, Африка, Китай – везде свои представления о счастье.

Зачем же все богатство мира сводить к общему знаменателю?

Да и что такое всеобщее счастье? Если кому-то хорошо, это не значит, будто нет того, кому плохо. Все в жизни относительно, а счастье – такая зыбкая категория...

Наша задача была более скромной. Сделать Россию более могущественной и богатой, и пусть остальной мир идет по ее пути или следует своей дорогой. Это его право.

Теперь уже и нам было не дано заглянуть на триста лет вперед и оценить последствия своих деяний. И ладно. К чему жалеть о невозможном? Надо действовать, а дальше что-нибудь да будет.

В памяти дворец курляндских герцогов остался некогда великолепным, а в мои дни уже порядком обветшавшим комплексом розового цвета. Отсутствие владельцев всегда пагубно отражается на зданиях. Сейчас же я поневоле ожидал увидеть нечто величественное, находящееся в поре расцвета.

Действительность обманула. Никакого розового дворца в Митаве не наблюдалось. Я уже решил списать все на погрешности памяти. Мало ли в жизни было видено мест? Да и прошлое зачастую видится нам совсем иным, чем было в действительности. Вдруг я что напутал? В конце концов, в Елгаве я был пару раз проездом, и с тех пор в жизни случалось столько...

Хотя нет. Память подсказала мне, что тот дворец был вроде построен при Бироне и Анне Иоанновне. То есть гораздо позже нынешнего года.

Сейчас Анна – крохотная девочка. Бирон тоже вряд ли дорос до подросткового возраста. В нынешней реальности ему не светит подняться повыше конюха. Хотя кто знает?

Но хватит о бироновщине. Старый дворец находился перед нами, и это было намного важнее любых размышлений о превратностях судьбы.

На бастионах между пушками расхаживали часовые. Рядом лежала граница, шла война. Но номинальные сеньоры здешних мест проводили время в развлечениях и укреплении панской демократии. Им было не до защиты вассального герцогства. Саксонцы и шведы по-прежнему мерзли под Ригой в каких-нибудь сорока километрах отсюда, а сами курляндцы воевали так давно, что успели позабыть, как это делается, и утратили основные воинские навыки. Придворно-показушная служба сильно отличается от боевой.

Бесшумными белыми призраками скользнули на стены охотники Ширяева. Души часовых устремились на небеса или в земную глубь в полной зависимости от прожитой жизни. Надеюсь, большинство отделалось беспамятством, так как я специально отдал приказ: без особой нужды не убивать. Курляндские солдаты нам ничего не сделали. Ни плохого, ни хорошего.

Условленным знаком сверкнул фонарь.

Путь свободен.

Я вступал в резиденцию герцогов без внешнего эффекта. Не били барабаны, не трепыхались развернутые знамена. Кто увидит в темноте и к чему раньше времени будить обитателей?

Я даже не воспользовался своим генеральством. Карабкался на стену наравне с егерями, лишь следил за Мэри, которая заявила о своем непременном участии в разворачивающемся действе.

Егеря действовали сноровисто и привычно. Десяток минут – и дворец со всеми пристройками был взят под контроль. Обошлось без выстрелов, хотя кое-где особо прыткие обитатели успели получить по зубам. Нечего лезть в государственную политику!

Иметь соседнее государство рядом с крупным портом – абсурд. Это означало постоянно подвергаться возможности внезапного нападения. Польские паны и короли могли быть союзниками, но гораздо чаще оказывались противниками, и с этим надо было что-то делать. У всего есть максимальные пределы допустимого. Границу требовалось отодвинуть. Вплоть до Пруссии, которая являлась нашим естественным союзником.

Простым людям пока все равно, как называется их государство. А тем, кто чего-то хочет достичь в этой жизни, империя всегда предоставит больше возможностей, чем крохотное герцогство, да еще находящееся в вассальной зависимости от некогда великого, а ныне бардачного государства, упорно старающегося соединить несоединимое. Порядок монархии с истинно демократическим борделем. Пусть занимаются экспериментами на своей исконной территории.

Война уже вторглась на территорию Курляндии. Вначале – в лице шведов. Затем – моих партизанских отрядов. В такие времена лучше иметь сильного защитника. Нынешний герцог был малолетним, вместо него пытались править то его дядя Фердинанд, то мать. И каждого поддерживали свои сторонники. Этакий миниатюрный слепок с придворной жизни больших государств.

Или так и должно быть рядом с любой властью, даже если это власть над крохотным городком?

Не верится, что эта маленькая страна, всего лишь часть современной мне Латвии, не так давно, лет тридцать – сорок назад, имела собственную колонию в Новом Свете. Остров Тобаго, если точнее.

Поневоле задумаешься: стоит ли жалеть, что колонии той больше нет? Была бы опорная точка в важном месте.

Без толку. Удержать колонию в случае европейской войны Россия не может. Нет выхода в Атлантику, черт бы ее побрал! Балтика заперта Датскими проливами. Черное море перекрыто Дарданеллами. Да и Средиземное, в свою очередь, – Гибралтаром. Хоть Дания недавно была нашим союзником, в долгосрочной политике уповать на нерушимость союзных уз не стоит. Следовательно, жалеть о Тобаго незачем.

Немного все-таки жаль, если честно. Райское местечко, пару раз виденное мной в прежних флибустьерских скитаниях.

Разумеется, я решил навестить курляндского герцога не для того, чтобы поделиться с ним воспоминаниями о давно утраченном владении. И не планами его возвращения. Зачем нам еще конфликтовать с Голландией?

Имелись дела поважнее. Потому, едва солдаты и слуги были блокированы в помещениях, а стены взяты под охрану егерей, пришлось послать за хозяевами. Невежливо же заставлять человека столько ждать после трудной дороги!

Я проверил систему обороны, наметил вероятные действия на случай неприятных сюрпризов. Не люблю, когда мешаются посторонние. Лучше сделать так, чтобы проходили мимо.

Потом мы тихонько и скромненько стояли в парадной зале. В кабинет никто не звал, а вторгаться в чужой дом без спросу – верх невежливости.

Наконец хозяева появились. Сразу стала ясна причина задержки. Вот что значит порода! Мальчик, дядя, мать, еще какие-то личности были одеты, словно на важный прием. И когда только успели! С момента пробуждения часа не прошло...

Мама-герцогиня старалась молодиться. Словно могла сравниться с моей Мэри.

Помимо Мэри тут же присутствовал Ширяев. И Вася с Ахмедом для пущей солидности. Неприлично двум генералам совсем не иметь свиты.

Татарин с любопытством рассматривал обстановку и хозяев. Первую – словно хотел украсть. Вторых – будто мечтал зарезать. Узкие глаза порою прищуривались, и каждый раз правители Курляндии почему-то вздрагивали. Зря. Ахмед – человек хороший. Таких еще поискать.

Васе смотреть не требовалось. Его массивная фигура говорила лучше любых взглядов. Но раз человек силен, это не значит, что он обязательно по камушку и по бревнышку будет разносить каждый встреченный по дороге дом!

– Прошу прощения за визит, – сразу после церемонии представления обратился я к хозяевам. Как не владевший немецким, на французском. При дворе живут люди образованные, и я увидел, что понят. – Однако – война. Поневоле приходится пренебрегать некоторыми правилами этикета.

– Что вы, генерал? Мы не в обиде. – Фердинанд умело изобразил радушную улыбку. – Для нас большая честь принимать в своем доме таких знаменитых полководцев. Тем более – такую очаровательную леди.

Мэри успела переодеться в платье, как подобает даме света. Не знаю, кто из егерей был вынужден тащить с собой на дело порядочный тюк с женскими причиндалами. Тем более сомневаюсь, что егерь и тюк были в единственном числе.

Наказать бы, однако что это даст? Моя супруга пользуется уважением солдат, вот они и рады хоть в чем-то доставить ей радость.

– Немного удивляюсь вам: вокруг война, а служба во дворце идет из рук вон плохо, – попенял я.

Вельможи переводили взгляд с Ахмеда на Василия и обратно. Прямо как дети. Те все подозревают, что позарез нужны каждому встречному.

– Что вы хотите? – не выдержала герцогиня-мать.

– В такое сложное и опасное время маленькому государству трудно оставаться независимым, – вздохнул я в ответ. – Большая страна всегда может отбиться от любого врага, а вот герцогство наподобие вашего становится проходным двором для всех враждующих сторон.

– Мы находимся в вассальной зависимости от Речи Посполитой, – напомнил Фердинанд.

– И много вам помогли ваши ляхи? – Да, чем-то смахивает на цитату из ненаписанной, но знаменитой книги.

Судя по молчанию, в помощь Польши особо не верилось. Вернее, не верилось в ее силу.

– И вообще, разве не хлопотно быть у власти? Доходы невелики, даже дворец обветшал. Постоянные трения с соседями, поиски источников денег, интриги... Во имя чего?

– Что вы себе позволяете? – возмутилась герцогиня.

Я не воюю с женщинами. Однако со мной была Мэри. Герцогиня явно хотела что-то добавить, но наткнулась на взгляд моей половины и замолчала на полуслове.

– Я не позволяю, а предлагаю, – все же уточнил я.

– Что? – поинтересовался Фердинанд.

Насколько знаю, они с герцогиней постоянно боролись за власть, пользуясь малолетством номинального правителя. Но дядя был явно человеком деловым, в отличие от более импульсивной женщины.

– Скажем, два миллиона.

Сумма по нынешним временам баснословная. Уверен – в казне Курляндии никогда не набиралось и четвертой части. Да какой четвертой? Восьмой! Это же годовой бюджет нынешней России. Даже у герцогини глаза полыхнули алчным блеском.

– Вы передаете права на герцогскую корону русскому царю, подписываете все необходимые бумаги, после чего получаете указанные деньги, – уточнил я, чтобы у собравшихся не было иллюзий по поводу дальнейшего.

Вассальная система отжила свое. В государстве должен быть один властитель. Без всяких удельных князей. В противном случае нельзя исключить борьбу за независимость в самых разнообразных вариантах.

Петр ничего не знал о моем демарше. Но, думаю, он не откажется приобрести герцогство за названную сумму. Нельзя же иметь крупный порт буквально на границе! Как ни усиливай гарнизон, но осада – вещь довольно неприятная.

В крайнем случае, если два миллиона покажутся чрезмерными, я готов выплатить разницу из собственного кармана. Нельзя жалеть на хорошее дело. Не хватит – одолжу у Юрика. Не откажет же он на благое дело!

– Я не тороплю. Подумайте, посоветуйтесь, взвесьте. Дворец находится под надежной охраной, бояться нападения нечего. Надеюсь, вы предоставите нам какие-нибудь комнаты? За продукты и гостеприимство будет заплачено отдельно.

Все же народу со мной было много. Не хотелось чересчур злоупотреблять гостеприимством хозяев и ввергать их в дополнительные расходы. Да и в гости нас никто не звал.

Воскликнул бы: «Незванный гость хуже...», но посмотрел на Ахмеда. Татарин среди нас тоже есть, и применить поговорку сложно.

Хозяева любезно предоставили нам все необходимое.

Перед тем как зайти в свои временные апартаменты, я еще раз вместе с Ширяевым и Гранье обошел захваченные укрепления.

Жан-Жак, по собственной инициативе принявший участие в нашей аванюре, непрерывно возмущался качеством курляндской артиллерии. Бывшие с ним артиллеристы уже проворно готовили заряды к пушкам, для чего измерили калибры, достали где-то материю и даже мобилизовали женскую прислугу, дабы она сшила мешки под порох. Заряжать по старинке, отмеряя порох совком, питомцам Гранье не хотелось.

Солдаты – самые приспособленные люди на земле. Не имея своего постоянного пристанища, они чувствуют себя дома везде, куда забрасывает прихотливая военная судьба. Одни егеря несли службу на стенах, другие деловито готовили ранний завтрак, а кое-кто уже спал, словно Митава – исконно русский город и опасаться тут некого и незачем.

– А ведь наступает оттепель, – заметил я.

Ветер с моря сулил преждевременную весну и таяние льдов и снегов.

– Что? – не сразу понял Григорий. Он-то никогда не был связан с Прибалтикой.

– Обычное дело в здешних краях. Скоро все потечет и превратится в грязь... – И тут я представил себе сказанное.

Ноздреватый непроходимый лед, поля, где грязь и вода перемешаны с остатками снега. Ни пройти, ни проехать. Осталось решить, кому от этого будет хуже.

Плакали наши лыжи, но и противник лишится всех возможностей для маневра. Еще вопрос – сможет ли он переправиться обратно на этот берег Даугавы или так и вынужден будет остаться на «нашей» стороне? Если же переправятся, то в какую сторону пойдут? Здешние укрепления не слишком серьезные. Пусть у шведо-саксонцев нет осадной артиллерии, но и Митава – не Рига.

Я не гадал. Бесплезное занятие. Алексашка вместе с пехотой и драгунами продолжал заниматься прежним делом – догонял партии неприятеля, легкомысленно отправившиеся

на поиск съестного. Но при мне были казаки старого знакомого Лукича, и сейчас эти дети степей вели разведку на широком фронте.

Многое о казаках можно сказать плохого. Высокий уровень индивидуальной подготовки соседствует с весьма посредственным общим. В одиночку большинство донцов справятся чуть ли не с любым противником, но казачий полк никогда не одолеет в открытом бою шведский драгунский. Последние действуют как единое целое, казаки же всегда немного сами по себе. Они не ведали целенаправленной воинской муштры, а ее придумали отнюдь не для того, чтобы унижить солдата или сделать его жизнь несносной. Но есть воин, и есть подразделение.

Зато по части инициативы казакам равных нет. Разве что мои егеря. Но при гораздо меньшем стремлении чего-нибудь да хапануть. Казак ведь не только воин, но и добытчик. Этакий конный мародер, всегда готовый ограбить врага, порой выбирающий в неприятели того, кого приятнее ограбить. С нищего взять нечего.

В общем, воинство Лукича имело как положительные стороны, так и отрицательные. Я старался насколько можно пригасить вторые и использовать первые. Уж во всяком случае, на казачью разведку можно положиться всерьез. Тут они никого незамеченным не пропустят. Не тот народ.

Не знаю, чего больше желать: вражеского отступления, учитывая, что мы окажемся на его пути, или задержки до подхода Петра и второго генерального сражения?

Долго в здешних стенах не продержаться. Хорошо, главные силы, по последним сведениям, находятся в нескольких переходах. Иначе я не стал бы впутываться в нынешнюю авантюру.

Я отдал несколько распоряжений, показавшихся нужными, и решил отдохнуть. Ночка и предыдущий день выдались беспокойными. Да и с Мэри побывать хотелось. Все равно решать хозяева будут долго.

Если подумать – душа я человек. Предлагаю покупку, а ведь вполне бы мог захватить здешние земли по праву сильного. Как ту же Лифляндию с Курляндией вместе. Обычная практика, которую осуждают разве что жертвы, да изредка – конкуренты, сами желавшие присоединить к своим владениям лакомый кусочек.

Мэри лежала в платье на неразобранной постели, и вид моей супруги мне не понравился. Буквально недавно, в зале, леди была само очарование в сочетании с воинственностью, а теперь милое лицо стало бледным с каким-то зеленоватым отливом.

Или мне мерещится? За окном рассвело, однако денек намечался серый, когда и не поймешь, сумерки это или уже полдень.

– Тебе плохо? – Я опустился на краешек широкой кровати и осторожно взял руку Мэри в свои.

– Устала чуть-чуть, – виновато улыбнулась леди.

– Ничего. Поспи немного, а там и завтрак подоспеет.

При упоминании о еде Мэри конвульсивно согнулась и едва успела поднести платок к губам.

И тут я все понял. Все же не первый день живу на земле, и, что такое токсикоз, известно не понаслышке.

Был бы помоложе – завопил от восторга, но эмоции давно улеглись, и вместо бурных проявлений чувств я лишь обнял супругу и принялся целовать ее за ушком.

Мэри в ответ прижалась ко мне так доверчиво и беззащитно, словно не она некогда была грозной предводительницей пиратов.

Однако была в этом деле еще одна сторона, обходить которую я ни в коем случае не собирался.

– Леди Мэри. – Я специально обратился к супруге официально. Говорят, в порядочных домах подобное в порядке вещей, но мы таковыми не являлись из-за своего лихого прошлого и бурного настоящего. Потому, едва тело Мэри напряглось, перешел на обычный тон. Лишь старался говорить раздельно и четко, чтобы слова дошли до прекрасной, но такой упрямой головы. – Отныне никакого риска. В твоём положении этого нельзя. Поняла?

От Мэри я мог ожидать чего угодно, но моя супруга быстро и покорно кивнула.

Ну и что мне какие-то шведы, когда мне порой удастся справиться даже со своей женой?

26. Дела военные

Петр торопился, как мог. Хорошо хоть, что во многих местах были устроены магазины и войска не испытывали нужды в продовольствии. Войну никто не отменял, а какая война без снабжения всем необходимым? В каждый период истории этот вопрос решается по-разному. Реквизицией, покупкой на местах, доставкой из глубокого тыла, оборудованием складов на территориях, потенциально относящихся к грядущему театру военных действий. Эти склады в терминологии эпохи и назывались магазинами, или магазейнами. А так как продолжения столкновений ждали, причем в районах, недавно отвоеванных, то устраивались склады как раз поблизости.

В остальном было трудно. С одной стороны, зимой часть пути преодолевается по замерзшим руслам рек, не являются препятствиями болота и иные непроходимые летом места. С другой – ночевать в морозы приходится под открытым небом, да и одежды на солдатах побольше, чем в теплые дни года.

Но воевать легко не бывает. Во все века для солдата труден не только сам бой, но всевозможные утомительные маневры, сидение в окопах под дождем и снегом – короче, обычные будни войны, времени, которое требует от человека напряжения всех сил. Зато как обидно, когда итогом всех трудов является не громкая победа, а срамное поражение. Пусть успех на войне порой оплачивается гораздо большей кровью, но даже потери не сильно омрачают радость. Тогда как при собственном разгроме неизбежно наблюдается полный набор всевозможных эксцессов. Падение дисциплины, мародерство, дезертирство, а то и чего-нибудь похуже...

Сражение сравнивают с шахматной партией. Напрасно. Недостаточно умело расставить фигуры и своевременно перемещать их по полю. Одни и те же фигуры не равны между собой. Играть роль вооружение, снабжение, физическое состояние солдат, профессионализм всех – от командующего до последнего кашевара, и то неуловимое, которое обычно обозначают воинским духом, готовность умирать, наконец. Если уж сравнивать, война – скорее карточная партия со многими неизвестными. Порой какаянибудь случайность способна превратить все в катастрофу буквально накануне победы. Примеров тому – тьма.

Петр это все знал. Потому иногда волновался, мучился, не зная, насколько может полагаться на военное счастье. Тех, кто мог бы его поддержать, рядом не было. И непреклонный, упорный Командор, и энергичный Алексашка находились впереди. От них регулярно приходили обнадеживающие донесения, но малая война – это не генеральное сражение. Сил у шведов на этот раз было много больше. Плюс саксонцы. Тоже европейская армия.

Рига была главным пунктом, где решалась судьба сторон. Но помимо нее, непонятно было, как повернутся дела в Малороссии: поднимутся поляки или так и будут проводить время в дебатах и пьянках? Еще был Крым. Отнюдь не дружественный. Что помешает хану забыть договоры, воспользоваться нынешним нелегким положением северного соседа и пуститься в набег, добывая средства привычным грабежом и продажей пленных?

Наконец, сам султан. Как поведет себя он? По донесениям посла при Османской Порте, эмиссары от Карла уже пытались навеститься в Турцию. На первый раз им дали от ворот поворот, однако политика – вещь переменчивая. Не секрет: выход России к Азовскому и Черному морю для многих турок – как кость в горле.

Порою враги мерещились всюду, и в эти минуты царь был готов пойти на все, лишь бы избавить страну от возможных бедствий. Вплоть до возвращения завоеванного. Оставить себе клочок берега у устья Невы, и пусть желающие делят все остальное. Но потом слабость проходила. Оставалась лишь тревога. Как все повернется? Не последует ли за одним ударом другой? И откуда ждать новой напасти? С запада от поляков или с юга от турок и татар?

Откуда?

Опасения Петра имели определенные основания. Но не все. Кое-чего Петр опасался явно зря. Хотя нельзя в том упрекать государя. Правитель постоянно должен предполагать все самое плохое. Иначе это плохое может застать врасплох. Как в случае с нападением на Ригу. Уж если в ком Петр был уверен, так это в Августе. И вот итог...

На султана царь грешил зря. Может, в глубине души тот был не прочь попробовать переиграть сыгранную партию. Однако воином по характеру Мустафа не был, предпочитал проводить время в гареме или на охоте, а война – вещь настолько хлопотная...

Свою лепту вносила заинтересованная в торговле с Россией Франция. Но все же главным было то, что Порта элементарно была не готова к войне. Хронически пустая казна, брожения на всех окраинах, не только на православных Балканах или, скажем, в Греции, но и в мусульманской Африке, и в азиатских регионах. Тут удержать бы многочисленных пашей, а не помышлять о битвах с неверными. Нет, лучше пока мир, а там посмотрим, кто из европейцев станет побеждать другого в схватке.

Спешить не стоит. Нет, не стоит. Глупые спешат, а умные ждут. Так оно всегда вернее.

В отличие от номинального повелителя и реального покровителя крымский хан думал иначе. Ханство долгие века жило разбоем и вдруг в одночасье лишилось главного источника дохода. Грабить намного прибыльнее, чем работать. Тем более что грабить крымцы умели.

Бескрайние и безводные степи, отделявшие полуостров от русских окраин, не являлись преградой на пути привычной к набегам коннице. Зато они же не позволяли русским приблизиться вплотную к небольшому государству. Походы Голицына при Софье – достаточное доказательство, что не всегда судьба войны решается сражением. Два раза войско шло к Перекопу и оба раза поворачивало назад, потеряв немалую часть людей от болезней, бескормицы и стремительных татарских налетов.

Теперь все стало иначе. Азовский флот сделал Крым доступным для русской армии. В любой момент достаточно было собрать полки, посадить их на корабли, и ханство сразу оказывалось под ударом. И уж совсем бельмом на глазу на окраине Керченского полуострова торчала русская крепость. Даже повернута она теперь была не столько к морю, сколько к суше. А от крепости той, между прочим, рукой подать до Кефе. Да и до Бахчисарая добраться – невелика проблема.

И все-таки, невзирая на угрозу, убытки были так велики, что поневоле побуждали правившего ханством Кази-Гирея на активные действия. Раз уж русские перестали платить дань, то хоть набегом восполнить недополученное, вернуть утраченное.

И принялись эмиссары крымского хана осторожно зондировать почву у султанского престола. Сам султан подписал с русскими мирный договор, но если поставить его перед фактом? Что тогда он будет делать? Да и не о полномасштабной войне речь. Так, налеты, стычки, привычное для крымцев состояние. К тому же союзники появились. Враг моего врага не обязательно мой друг, но обязательно – партнер в общем деле.

Как тут не рискнуть? Много ли сил удастся высвободить русским из далекой Прибалтики? Может, вообще не смогут нанести ответный удар? Сделают вид, словно ничего не было. Раньше ведь так и бывало. Никто даже не пытался преследовать нагруженных добычей лихих всадников. Вернее, пытались, но отставали задолго до нейтральных пустых земель, отделявших владения ханов от владений царя.

Мир, война – это все крайности. Самое лучшее – нечто среднее между ними, когда ты можешь позволить себе все, а противник – нет.

Кази-Гирей уже готов был отдать соответствующие распоряжения, однако из Порты одернули. Султан считался верховным повелителем всех земель и не хотел портить отношения с Россией.

И как только пронюхал о набеге? Хотя... У дивана везде есть уши...

Командору приходилось ждать. Отдавать захваченное глупо. Даже если крепостные стены являются таковыми лишь по названию. Взять их можно и без осадной артиллерии. Тем более весь гарнизон – один Егерский полк да горстка казаков.

Вот и распространял Кабанов слухи о том, что в Курляндии появилась целая армия. Народ доверчивый, мало кому придет в голову, что возможно такое нахальство: захват столицы прямо в тылу мощной вражеской армии, да еще небольшими силами. Людская молва любит все преувеличивать да приукрашивать. Если же ее еще подтолкнуть в нужном направлении...

Трудно сказать, как могли бы повернуться события. Поверить слухам – поверили. А вот действия в ответ могли быть какие угодно.

Разлад между двумя армиями еще больше усилился. Шведы напрямую обвиняли союзников, что те не поддерживали избиваемую шведскую пехоту, предпочли уклониться от боя. Мол, нынешнее поражение – это следствие отказа саксонских кавалеристов идти в атаку. Иначе итог сражения мог быть иным. При этом забывалось, что толку в лесу от кавалерии – ноль.

Но чего не наговоришь, лишь бы оправдать собственную неудачу и свалить вину на других!

В свою очередь саксонцы огрызались, как могли. Их дух упал окончательно. Желание воевать пропало. Оно с самого начала было не слишком велико. Пока речь шла о короткой прогулке с гарантированным успехом и грабежом города – еще куда ни шло. Но пустое прозябание у рижских стен и перспектива генерального сражения с главными русскими силами не устраивали никого.

Потому известие о том, что Курляндия захвачена русскими, породило среди саксонцев откровенную панику. Теперь все казалось потерянным. Даже пути бегства.

Все держалось только благодаря силе воли Карла. Но шведский король был ранен...

Во время панического отхода произошло еще одно событие, для большинства оставшееся совершенно незамеченным. В Иксюле шведский разъезд наткнулся на человека, которого долго и безуспешно пытался увидеть Карл Двенадцатый.

Не просто, конечно, наткнулся. Попавшее в руки шведам письмо было подписано, потому Паткуля искали. В предчувствии удачи король был готов простить изменника и отменить в его отношении приговор. Вернее, заменить его на не столь фатальный. Вместо смерти конфисковать имущество и лишить дворянства, к примеру.

Нет, даже дворянства можно не лишать, если сведения подтвердятся. Пусть Паткуль живет и хвалит королевскую щедрость и доброту. Только в глаза ему посмотреть.

Потому Паткуля искали весьма целенаправленно. Вряд ли изменник останется в русском лагере накануне разгрома своих нынешних покровителей. Скорее всего, затаится где-нибудь поблизости и попробует прикинуться невинной овечкой.

В каждую из поисковых партий был обязательно включен солдат или офицер из местных уроженцев. Паткуль был в свое время достаточно популярной личностью в Лифляндии, и многие знали его в лицо. Те же местные уроженцы сильно быгодились по пути следования основной колонны, может, кто-то даже и сообразил бы о вероятной засаде, узрев знакомые места, но что сделано, то сделано.

Король увидел бывшего подданного не в лучший момент своей жизни. Его Величество лежал на конных носилках, и лишь нервное напряжение удерживало сознание на грани между явью и беспамятством.

– Здорово, Иоганн. – Губы Карла скривились. Непонятно – в усмешке или гримасе боли.

Ответа король ждать не стал. Почувствовал, что не слишком похож сейчас на грозного повелителя крепкого государства. Потому от дальнейшей беседы уклонился, лишь бросил толпящейся вокруг свите:

– Стеречь как зеницу ока! Головой отвечаете!

После чего на какое-то время забыл и о собственном приказе, и о существовании Паткуля.

Ненадолго. На следующий день часть войск была выстроена аккуратным четырехугольником, в центре которого возвышался новенький эшафот. На церемонии присутствовал и кое-кто из саксонцев. Конечно, генералов. Простых солдат не позвали, да им было все равно. Что они, казней не видели?

Но если солдаты отнеслись к известию о поимке какого-то шведского врага равнодушно, то Флеминг с приближенными на всякий случай обсудили ситуацию. Они помнили: еще недавно Паткуль состоял на службе у Августа, да и последний в беседе с командующим признался: союз со Швецией возник не без влияния перешедшего на русскую службу авантюриста.

Следовало решить, как отнестись к пойманному. Может, выразить протест от лица курфюрста? Хотя... Вопрос интересный: кому, собственно, служил Паткуль? Не было его, вдруг не пришлось бы торчать среди здешних снегов?

А если бы шведы не перехватили последнее послание? Кто тогда бы вышел в злосчастный поход со всеми вытекающими последствиями?

Так что пусть Карл разбирается со своим бывшим подданным. Это их внутренние проблемы.

Надо отдать Паткулю должное – вел он себя достойно. Не скулил, не ныл. Спокойно исповедовался патеру, так же спокойно взошел на эшафот.

Карл сидел напротив в кресле. Кресло служило еще и носилками: ходить сам король не мог. В принципе Паткуль мог бы даже гордиться. Далеко не каждому удастся в свой последний миг узреть коронованную особу.

Гордился ли бывший помощник губернатора – кто знает? Но на короля посмотрел, и взгляд Паткуля был надменен и горд, словно из них двоих повелитель сейчас стоит на эшафоте, а не наблюдает за зрелищем из покойного кресла.

А потом палач поставил жертву на колени. Топор сверкнул, и голова Паткуля покати-лась в снег...

Вечером королю стало совсем плохо. Раны не были смертельны сами по себе, но успели загноиться, и король метался в бреду, как какой-нибудь нищий бродяга.

С болезнью Карла раскол в лагере еще больше усилился. Теперь он перешел на генеральский уровень. Ведь одно дело – подчиняться королю, пусть и чужому, и другое – чужому генералу. Тут еще вопрос: кто же главнее в табели о рангах?

Вечный вопрос всех носящих военную форму и сумевших подняться повыше по длинной лестнице армейской иерархии...

Дух шведов тоже надломился. С ними временно не было взбалмошного, но упорного и волевого короля. Предоставленные сами себе генералы смогли спросить себя, а затем и друг друга: зачем они здесь? Опытные вояки прекрасно знали, что крепости без тяжелой артиллерии им не взять, так какой смысл торчать у рижских стен и дожидаться подхода русской армии?

Когда же эта армия обнаружилась в тылу, очередной воинский совет проявил не свойственное ему единодушие. Да и что оставалось делать в подобной ситуации? Отступление – это не разгром. В нем нет бесчестия. Вполне обычное на войне дело.

Зато какой был фейерверк! Огонь празднично рвался в низкое серое небо, пожирая остовы никому не нужных кораблей и окончательно брошенных домов. Раз не мое, так ничье. А ничье жалеть не пристало.

Две армии уходили под зарево этого пожара, и шаг их был довольно скор. Даже несмотря на усталость и настроение.

Дух – это очень хорошо. Он позволяет совершить то, что в обычных условиях кажется невозможным. Преодолеть высоченные горы, пройти через дремучие леса, прорваться сквозь неисчислимые вражеские полчища. Была бы вера в конечную цель.

Если же веры нет, то угроза бывает не меньшим стимулом. Спешу, солдат. Смерть идет по твоим пятам. Она караулит впереди и с боков, и потому не ведай усталости. Жизнь дается один раз, и потому спешу, солдат!

– Что это? – Петр был зол.

Пусть противник отступил, не приняв сражения, пусть город устоял и зимняя кампания была выиграна, однако едва ли не любимое детище царя – корабли – превратилось в грудку жалких головешек.

Столько тяжелого труда, и все понапрасну!

Потому протянутые Командором бумаги не вызвали особого любопытства. Нет, конечно, люди сделали что смогли и потому достойны награды, но все же как жаль сгоревшего флота!

– Его Высочество курляндский герцог Фридрих-Вильгельм сообщает с регентами нижайше просит принять его земли под высочайшую руку православного царя и надеется получить за это дело некоторую обговоренную сумму, – в не свойственной ему манере поведал Командор. – Все необходимые подписи и печати наличествуют, осталось лишь подтвердить решение с нашей стороны.

– Что? – Царь отнюдь не был тугодумом, однако сразу понять свершившееся не смог.

Пришлось повторить еще раз. На этот раз – с указанием платы.

Это был довольно пикантный момент. Петр иногда отличался некоторой скуповатостью, и вдруг ему предлагалось отдать годовой доход государства.

Петр молчал, и тогда Кабанов выложил на стол карту. Нет, не козырную и вообще не игральную. Обычную, географическую, с пояснениями на немецком языке.

– Смотри, государь. Рига – наш крупнейший порт на Балтике. Удобный, чуть не вся Западная Двина к нашим услугам. По реке удобно сплавлять товары. Плюс – порт известен уже несколько веков. Хорошее, прикормленное место. Моонзундский архипелаг в состоянии послужить дополнительной защитой с моря. Недостаток только один. Ближе расположенная граница. Один хороший рывок – и враг под стенами. Надо или увеличивать крепость так, чтобы она включала в себя порт и верфи, или возводить цепь защитных сооружений вдоль всей границы с Курляндией. Плюс держать в этих укреплениях соответствующее количество войск. Далее. Курляндия находится в вассальной зависимости от Речи Посполитой. А что решат паны, не ведает порой сам Господь Бог. Потому нам необходимо отодвинуть границы как можно дальше. В идеале – до Пруссии. Немцы – наши естественные союзники в Европе. Нападать на нас в ближайший век-два у них нет ни сил, ни резона. Потому мое мнение однозначно. Предложение надо принимать.

– Предложение? – красноречиво хмыкнул Петр.

Его настроение улучшалось на глазах. Корабли что? Сгорели эти, летом построим новые. Не последний день живем.

– Проект договора, – без тени смущения уточнил Кабанов.

– Ох, пороть тебя некому! – качнул головой царь.

– Так ведь и не за что, – улыбнулся Командор.

– Ох плут! Ну и плут! – Но в голосе осуждения не было. – Не слишком много на себя берешь?

– Только то, что в данный момент необходимо.

– Вы видели? – Петр обвел остальных соратников красноречивым взглядом. – Вот послал Бог помощника! У одних вообще инициативы нет, а у этого – зело ее многовато. Ну и что мне теперь делать?

– Подписать, что же еще? – в полном молчании присутствующих сказал Командор.

И деловито пошел за стоявшим на соседнем столе чернильным прибором.

– Ох, пороть тебя некому! – повторил Петр.

Надо же что-то сказать!

Часть четвертая Командорские острова

27. Флейшман. Историческое событие

Скляева мне удалось отстоять. Петр напрасно пытался привлечь лучшего из русских корабельных мастеров к спешному воссозданию Балтийского флота. Я сумел убедить царя, что тут он намного нужнее. Да и сам Скляев хотел остаться в Воронеже. В Риге он был бы одним из многих, здесь был первым. Причем не по мастерству, а по той работе, которой сейчас занимался. Вернее, которую уже заканчивал.

Может, итог трудов мало походил на красавца. По сравнению с парусниками, каждая линия которых казалась совершенной, новое творение было несколько неуклюжим, смахивающим на... Даже не знаю, с чем можно его сравнить. Гораздо важнее, что за его потомками было будущее, потому наше отношение к этому чуду было особенным.

Дела не позволяли мне находиться в Воронеже постоянно. Заказов на производстве была масса. Просили свои, и казна, и частные лица для вновь сооружаемых фабрик. Просили англичане и враждебные им французы. Просили все, а опытных рабочих рук не хватало. Хорошо хоть, приближался выпуск ремесленной школы, и были все основания расширить следующий набор.

В простом народе рабочие профессии становились престижными. Многие горожане стремились пристроить своих отпрысков к новому делу, потому в учениках недостатка не ожидалось.

Каюсь: помимо уже открытых производств я спешно устраивал еще одну ткацкую мануфактуру. Все мундирное сукно сегодня покупалось за границей, главным образом в Голландии и Англии. Если не считать ту его часть, которую поставлял я. Потому дело было крайне выгодным. К тому же помимо армии существовало многочисленное гражданское население. Понятно, простому крестьянину моя продукция будет пока не по карману, да и не по потребностям, если уж говорить честно. А вот всевозможные дворяне, купцы, а затем, даст бог, и ремесленники, пожалуй, будут от нее в восторге.

Моя Леночка тоже решила внести вклад в общее дело. Фантазия у нее по части фасонов оказалась богатой, и теперь в придачу к фабрике пришлось планировать ателье. В перспективе маячило еще одно производство – готового платья для простого народа.

А что? Почему законодателем мод должна быть Франция? Чем хуже Россия? Тут главное – начать, а потом работать не покладая рук, сочетая труд с умелой рекламой.

Если рабочие трудились по десять часов в день – за все, что сверх, им начислялась отдельная плата, то я – не меньше четырнадцати. И без всяких сверхурочных. Хорошо хоть, прибыль шла мне. И, конечно же, прочим компаньонам в зависимости от долевого участия.

В Воронеж мне удалось выбраться лишь дважды. И оба раза – буквально на пару дней. С моей загруженностью и это много. Но на испытания не прибыть я уже не мог.

И не только я. Прямоком из действующей армии явились Петр, Командор, царевич Алексей и Меншиков.

В последнее время боевые действия велись на территории Польши. Даже не столько велись, сколько плелись. Войска беспрестанно маневрировали, однако в крупные бои не вступали, ограничиваясь мелкими непрерывными стычками. А уж в них удача гораздо чаще оказывалась на нашей стороне.

Ярцев и Ардылов были здесь почти все время строительства. Один – на правах будущего капитана-наставника, другой – как наш флагманский механик.

Петр самолично излазил весь корабль. Побывал в машинном отделении, осмотрел топки, тщательнейшим образом исследовал корпус. И постоянно спрашивал то одно, то другое.

Впрочем, сын по любознательности мало уступал своему отцу. Работать руками он не очень любил, это верно, но с чисто теоретической точки зрения интересовался многим. В итоге кто как, а я откровенно устал отвечать на бесконечные вопросы.

Но вот закончился наполненный хлопотами бесконечный день, прошла полубессонная ночь и наступило долгожданное утро.

Яркое, словно на заказ, солнце осветило первую, самую красочную и сочную зелень, широко разлившийся благодаря паводку Дон, золотые купола городских церквей, толпы работающих или праздно шатающихся людей на берегу...

Хорошо, что я привык на подсознательном уровне относиться к свинине как к некошерному продукту. Любого правоверного хохла хватил бы кондратий от одного лишь количества сала, потребного на спуск корабля. Другого вида смазки пока не изобрели, да и в нашем перечне дел новшеств тут не предусматривалось.

Петр самолично обрубил один из канатов. Свита с готовностью заработала топорами. Даже на мою долю пришлось пара ударов по натянутой толстой веревке.

И – свершилось. Полноватый корпус с дополнительными утолщениями гребных колес и высокими «парусными» мачтами сошел в воду. Поднятая им волна качнула выстроившиеся на Дону лодки и пару новых галер. Торжественно бухнула пушка. Упали в воду якоря. Послышались восторженные крики зрителей.

Пароход, крещенный в честь покровителя моряков «Святым Николаем», обосновался в своей стихии.

Теперь предстояло главное. Хотя все вроде было испытано, но все-таки...

Всевозможные проверки заняли еще несколько часов. Наконец кочегары развели пары. Заработала машина. Гребные колеса стронулись с места, ударили по воде в первый раз. И пароход пошел. Медленно, пока Ярцев приспособлялся к новому кораблю, но затем все увереннее и увереннее.

Вот он развернулся против течения. Звучно били по воде спицы колес. Шел черный дым из высокой трубы. Какое-то время пароход едва выгребал, оставаясь на одном месте, но затем, к вящему восторгу публики, берега стронулись для нас, поплыли назад.

– Дай я! – Петр отстранил Валеру от штурвала.

Мы заранее предусмотрели переговорную трубу, и Государь всея Руси склонился над ней:

– Полный ход!

– Осторожнее, тут могут быть мели, – предупредил Ярцев.

Меншиков наблюдал за Петром с завистью. В этом отношении он был сродни своему повелителю и сам норовил попробовать все на свете. Но царь никому не хотел доверить новую игрушку. Ни Алексашке, ни Командору, ни Валере, ни мне.

Пароход лег в крутой разворот, а мне подумалось: надо делать отдельный привод на каждое колесо, чтобы в случае необходимости поворачиваться на месте.

Палуба слегка накренилась. Петр весело рассмеялся. Подскочивший тут же Командор несколько раз дернул выпускной клапан, и рев пароходного гудка, первого гудка первого парохода, торжествующе разнесся по окрестностям.

На берегу ему испуганно стали вторить собаки, что еще больше увеличило царившее на палубе веселье.

Теперь мы шли по течению, и скорость сразу увеличилась. Не торпедный катер и не судно на подводных крыльях, но все-таки первый самоходный корабль во всем мире. На сто с лишним лет раньше Фултона. Густой черный дым стелился за кормой.

Так и хотелось запеть нечто полужабытое, типа «Пароход белый-белый...». Вряд ли меня понял бы кто-нибудь, кроме друзей, да и не было наше чудо выкрашено в белый цвет, но остановило не столько это, сколько незнание слов. Мелодия пришла, первая строчка – тоже, а остального я никогда не давал себе труда запомнить. Не любил я раньше попсы, а в этом мире ее, слава богу, еще нет.

Мы отделились от пристани так, что потеряли ее из виду за очередным поворотом. Сесть на мель, наскочить на топляк или камень на реке можно запросто, а вот заблудиться – никак. Берег левый, берег правый, а остальное – или по течению, или против него. Куда еще денешься?

Похоже, Петр решил испытать все возможности нового корабля. Он не отходил от штурвала, то поворачивал, то шел по прямой, по подсказке Командора испробовал задний ход – словом, забавлялся как мог.

Раз, увидев в стороне затон, он умудрился засунуть внутрь его нос парохода так, что невольно подумалось: вот и конец нашему путешествию.

К счастью, там оказалось не очень мелко. Пароход лишь слегка налез на дно, и даже сняли мы его без каких-то особых проблем. Мелкие в счет не идут. Учитывая беспокойный характер нашего царственного капитана, дело закончилось довольно хорошо.

Когда одни забавляются у руля, другим приходится подбрасывать в топку дрова или уголек. Но капитана видят все, он гордо возвышается на палубе, а кочегаров – никто. Зачем на чумазных смотреть? Пусть орудуют у своей топки.

Котельная команда вымоталась полностью, когда Петр соизволил направить «Николая» обратно.

Уже близился вечер. Спицы шлепнули последний раз и застыли. Пароход по инерции, уже ведомый Валерой, подошел к деревянной пристани и мягко коснулся ее укутанным матрасами носом. Зашипел выпускаемый пар. Картина Репина «Приплыли»...

– Всех строителей наградить деньгами. Вас, – царь повернулся к нам, – и Склеява поблагодарю отдельно. А сейчас надо отметить это дело.

На берегу уже смастерили столы и теперь торопливо уставляли их всевозможной снедью. Не заморскими деликатесами, понятно, но лежала в блюдах и икра, и красная рыба, а откуда-то со стороны уже тянуло ароматом варящегося мяса.

– Кочегаров не забудьте, – кивнул я на вылезающих наружу чумазных тружеников топки.

Они жадно втягивали теплый воздух, после жара котельной казавшийся прохладным, и не было им сейчас дела до стоящего в отдалении царя.

– Бочонок вина, нет, два бочонка и по рублю каждому! – провозгласил Петр.

Усталости на лицах кочегаров словно не бывало. И не столько выпивка была важна им в этот момент, все равно два бочонка за вечер не выпить даже вчетвером, важно было царское внимание.

Праздник все-таки. Каждый день, что ли, новый тип транспорта появляется? До следующего руки дойдут не раньше чем через год.

– Вы бы там поскорее войну заканчивали, – сказал я, когда мы всей высокопоставленной толпой умывались прямо у бочек с водой. Проще говоря, окатывали ею друг друга. Не садиться же за парадный стол перемазанными в саже!

Петр бы сел, гордился бы проделанной работой, да нам стало несколько неудобно. Мы-то с детства привыкли умываться по утрам и вечерам плюс – энное количество раз днем.

Потом, во время флибустьерских скитаний, малость поотвыкли, но когда есть возможность, то все же возвращаемся к подобию чистоты.

– Сразу видно почти штатского человека. – Кабанов улыбнулся, давая понять: говорящееся – шутка. – А военным, между прочим, при удаче и вакансиях чины идут. Порою – ордена и другие награды. А при неудаче – все там будем.

Вырос до аншефа, без малого фельдмаршал, теперь может зубоскалить. И Меншиков растет в чинах только так. Позавидовал бы, но к чему бедному еврею чины?

– Не от нас одних сие зависит, – хмыкнул Алексашка. – Мы бы рады, но есть такие вредные Карлушка...

– С Авгушкой, – закончил за него Командор.

– Хорош зубоскалить, – прервал их Петр. Но не строго. Сегодняшний день явно зарядил его положительной энергией.

– Война – в первую очередь траты, – пришлось напомнить мне. – Было бы куда лучше, если бы эти денежки пустили в дело. Строительство Волго-Дона почти замерло. Недавно узнал: Сибирский тракт тоже застыл.

– Нет у меня свободных людей, – скривился Петр. Мол, в такую веселую минуту – и опять о делах.

– Для тракта надо найти, – поддержал меня Командор.

Освоению Сибири сильно мешало отсутствие нормальных путей. Вот мы все вместе и подбили царя начать строительство хорошей трассы от европейских территорий до Дальнего Востока. Не асфальтированных, это фантастика, но чтобы не застревать на каждой версте в колдобине – следить на некоторых участках за дорогой некому, поменьше переживать разливы сибирских рек, опять же гати на болота настелить, если путь проходит мимо.

Хорошо, почтовых станций побольше, но чем зрителям питаться, когда в иных местах один медведь на сто километров?

Дорогу тоже надо было прокладывать другую. Кое-какие наброски соглашения с Демидовыми уже имелись. Все упиралось в неизбежные технические сложности, время и нехватку рабочих рук.

– Объявить: те, кто отработает на прокладке дорог некий срок и расстояние, получают волю, – предложил я.

– Хочешь беглых плодить? – Настроение Петра портилось на глазах. Не любил он слушать разговоры о воле.

– Ни в коем случае. Но государство станет сильным, если в нем появится класс свободных людей, заинтересованных в результатах своей работы. Ты же был в Англии, в Голландии. Развитые страны, в которых живут свободные люди.

– Чтоб я от тебя этого вздора больше не слышал! – Лицо Петра дернулось, а глаза полыхнули так, что показалось – сейчас он меня ударит. Но мы уже приближались к столу, и близкое застолье подействовало на государя успокаивающе. – Ох, допрыгаешься когда-нибудь, Юрий! Много воли на себя берешь. Рассуждать о делах, которые тебе неподвластны. Твое счастье – дело делаешь нужное.

Вот и поговори с этим сатрапом!

Разговоры продолжались посреди общего пира. За столом царь бывал демократичен. Рядом могли сидеть и вельможа, ведущий род едва ли не от Рюрика или Гедимины, и простой работяга, ловко орудующий топором.

– Следующий пароход будем строить в Риге, – сообщил Петр. – Понимаю, сейчас к навигации можем не поспеть. Но хоть какой-то флот учредить там надобно. Сволочные шведы пожгли почти готовое, а нам теперь восстанавливай.

– Пароходы в первую очередь нужны на Волге, – заметил я. – Естественный путь, проходящий по всей России. Если же прорыть канал, то сразу будет выход к Азову.

– Нам море зело необходимо, – качнул головой Петр.

– На море парусники послужат еще долго. Пароходы еще надо совершенствовать. Не все же сразу! В портах, как буксиры, – это да. А на реках они уже могут бегать спокойно. К морям товары тоже надо доставить. И еще. Как только стихнет война, можно обратиться к народам Европы. Пусть, кто хочет, едет в Россию. В том же Поволжье хватает пустых земель. Вот пусть и обрабатывают. Помещиков хватает своих, к торговле иностранцев допускать – последнее дело, а вот вольных землепашцев у нас явная нехватка. Предоставить льготы на несколько лет, и пусть себе работают. Государству только польза будет.

– Вот это дело! – загорелся Петр. – Заодно покажут нашим сиволапым, как трудиться надо!

– Кто кому покажет – это еще вопрос, – дипломатично отозвался Командор. – Климат у нас далеко не европейский. Привычка нужна.

Но вопрос был решен. Да и Сергей возражал не против немецких колонистов, подобные вопросы у нас давно были обсуждены и решены в собственном кругу, а против обвинения русского народа в лени.

Главное теперь было покончить с войной. Основные задачи решены, и теперь требовалось упрочить их соответствующим мирным договором. Но завершить войну всегда труднее, чем начать.

Присоединение Курляндии вызвало гнев польской шляхты. Она осталась безучастной к неудачам собственного короля под Ригой, во всяком случае никто не потрясал оружием и не требовал мщения, а вот утрата части земель, пусть исконно далеко не польских, породила стремление к мести. И теперь Польша забушевала.

Даже шведы, давние враги Речи, нашли на ее территории гостеприимный прием. Относительно гостеприимный, так как часть шляхты немедленно восстала против них. Нация вообще странная – им бы объединиться хоть раз, но если один поляк сказал: «Да», то другой обязательно скажет: «Нет».

Не от них ли нахватались подобного менталитета хохлы, прославившиеся уже во времена более поздние непрерывным политическим бардаком?

Как всегда в подобных случаях, послышались голоса, что неплохо было бы переизбрать короля. Кандидатура имелась – Лещинский. Чем его политика могла отличаться от политики Августа, сказать было трудно. Август в данный момент поддерживал шведов, а Лещинский как раз и был ставленником последних. Но саксонский курфюрст испугался возможной потери одной из своих корон и через третьи руки уже пытался примириться с Россией в обмен на ее поддержку.

В свою очередь, Карл стал усиленно искать союза с Османской Портой. Зашевелились крымские татары. Они были крупно недовольны нынешним положением вещей, когда наше присутствие в Керчи разом лишало их возможности устраивать набеги. На любой из них сразу последовал бы весомый ответный удар.

Нам пришлось прибегнуть к помощи Франции. Хорошо, что последняя традиционно имела некоторое влияние на султана, а Людовик был заинтересован в наших товарах и в перспективе – в военном союзе с Россией.

В целом же положение было намного серьезнее, чем год назад. Тогда перед нами был один противник, пусть весьма грозный. Сейчас приходилось частью сил воевать на территории Польши, частью прикрывать завоеванную Прибалтику, часть держать в Малороссии да еще иметь резерв на случай возобновления турецкой войны. И все это в условиях реформ армии и промышленности.

Но мы сейчас рассуждали не о войне, а о том, что надо будет сделать после ее окончания.

– Надо покрепче утвердиться в Крыму. – Похоже, мысли Сергея текли в том же направлении. – Есть там прекрасная Ахтиарская бухта. Керчь как стоянка флота годится мало, а

там мы сразу станем хозяевами на Черном море. Скажем, выкупить эту территорию в аренду. Пока. А там видно будет.

Все надо. И с Крымом решать надо, и войну вести надо, и технику развивать.

А ведь были у нас еще и другие планы...

28. Под Андреевским стягом

Ветер весело играл Андреевским флагом. Чуть пели снасти, привычно поскрипывал корпус, пахло солнцем и морем.

Порой на солнце набегали белые облака, и тогда вода теряла ласковую голубизну, становилась суровой и серой. До очередного появления светила. И хоть началась осень, но в солнечных лучах казалось, что до сих пор продолжается лето.

Очень далеко, на пределе видимости, угадывался берег. В его сторону ползло толстое купеческое судно. Тяжело груженное, малоповоротливое, оно упорно желало оказаться поближе к суше, словно родная морская стихия перестала быть по нраву.

– Совсем как в Карибах. Помнишь, Командор? – Глаза Гранье пылали азартом неизбежной встречи.

– Да... – ностальгически протянул Кабанов.

В дымке лет прошедшее приобретает светлый ореол, и даже перенесенные невзгоды кажутся ничего не значащими пустяками. Напротив – придают совершённого романтический колорит. Мол, вот какими мы были тогда...

Шансов уйти у купца не было. До темноты оставалось порядочно времени, а расстояние до спасительного берега было слишком велико, чтобы надеяться уйти от неотвратимо приближающейся погони.

Командор фактически не вмешивался в распоряжения капитана. Змеевич был умелым моряком, вдоволь побороздившим моря и океаны, а теперь уже второй год служившим русскому государю. Половину экипажа составляли ветераны флибустьерских походов. Правда, вторую – новобранцы, но и среди них хватало учеников Сорокина и Ярцева. Последние вели себя, словно заправские морские волки, поневоле равняясь на бывших спутников Командора. А уж совсем зеленые моряки вынужденно стремились сравняться с ними.

Умение приложится. Были бы старание и хорошие учителя. И того и другого хватало. Собственно, весь поход был всего лишь практическим учением, хотя по обстоятельствам войны приходилось быть готовым ко всему. Вплоть до встречи со шведским флотом.

Перед отплытием Петр дал Кабанову инструкцию, общий смысл которой был следующим: «В бой по возможности не вступать». Только глаза царя говорили другое. При его трепетном отношении к флоту морская победа обрадовала бы царя гораздо больше, чем любые сухопутные подвиги.

Морских побед на долю Кабанова выпало столько, что, в отличие от государя, новые его абсолютно не прельщали. Судьба войны должна была решиться на суше. Но тут Командор был согласен с Петром: флот России жизненно необходим. А какой же флот может обойтись без своей истории? И какая история без моряков?

Можно сколько угодно грезить морской романтикой, но моряками не рождаются. Их воспитывает море. Уже не говоря о том, что в континентальной Московской Руси водными просторами никто не грезил. Море-окиян было чем-то фольклорным, сказочным, не вызывающим никаких реальных ассоциаций.

Как представить бескрайнюю водяную пустыню тому, кто не видел ничего, кроме крохотной речушки? Московскому жителю были понятными леса. Да и степь, куда ходили походами и откуда частенько визжащей татарской конницей налетала опасность. А море... Да есть ли оно вообще?

Оказывается, есть. Петр не спрашивал желаний своих подданных. Государству нужны моряки, значит, они будут. Не из тех, кто хотел бы ими стать, тогда от силы укомплектуешь экипаж одного фрегата, а те, кого назначат на эту службу.

Может, и правильно. Пусть призванные, но все же не каторжане и не обитатели тюрем, как в просвещенной Европе. Это в начальники любых рангов найти желающих не проблема. Только намекни – и немедленно выстроится бесконечная очередь. Хотя из сотни разве что один имеет представление о грядущей работе и всех ее проблемах. Но в начальники люди хотят попасть не во имя работы или службы, а во имя получаемых благ.

Стране требуются работники. Иждивенцев хватает без того. Потому не только простой народ, призванный в матросы, попадал на рождающийся флот. Дворянские недоросли, согласно царскому указу, отправлялись в дальние края, чтобы там осваивать морскую специальность. Без знания языка, на минимальном коште, а зачастую – за свой счет, по принципу: захочешь – выплывешь. А нет – так куда ты денешься? Все равно плыть придется.

Так что попавшим в Навигацкую школу очень повезло. Хотя на родной земле, без всяких заморских затей. Но спрашивали строго, сам царь порою навещал будущих морских офицеров и экзаменовал нещадно по всем дисциплинам. Служба.

Теперь в поле зрения новоявленных моряков, пока служивших матросами, маячил шведский купец, и каждый радовался, что судьба выбрала ему такую стезю.

Есть нечто ласкающее душу и вселяющее уверенность при виде удирающего от тебя вражеского корабля. Особенно когда чувствуешь, что чужаку не уйти и скоро он окажется в твоей власти.

В Риге стояли новые, только что построенные корабли, но Командор перед тем как отправиться в поход, осмотрел их и остановил выбор на проверенных в дальних походах собственных фрегатах. Да на старушке «Лани», помнившей его самые первые флибустьерские подвиги. Благо Калинин как раз вернулся в новый русский порт со своей флотилией.

Петр строил корабли быстро, к концу лета успел спустить на воду два линкора и фрегат, не считая всякой мелочи. Просто в торопливости лес для кораблей брался сырой, не просушенный как следует, корпуса грешили недоделками, маневренность и мореходность были не ахти. Только и смотри, как бы не затонули при небольшом волнении. Разве что парочка люггеров для прибрежного плавания получилась вполне отвечающей своему назначению. Остальное, по мнению Командора, еще как-то подходило для учебы команд, а на серьезные испытания посылать их не годилось.

Лиха беда начало. «Святой Николай», первый пароход, тоже далек от идеала. Но от него пойдут более совершенные суда. Так и тут. Не учась, не научишься. Годик-другой, и будут под российским флагом корабли не хуже английских и французских. А там на берегах Балтики вырастет целый флот, с которым поневоле придется считаться всем возможным врагам. Настолько, что кое-кто из потенциальных недругов вынужден будет задуматься: стоит ли игра свеч?

Не все же такие упертые, как юный шведский король!

Приходилось, пока на сухопутном фронте наблюдалось некоторое затишье, воспитывать моряков. Все-таки Кабанов был не только генералом, но и контр-адмиралом, а звание надо оправдывать. Вроде бы Петр уговорил англичанина Крюйса перейти в русскую службу и возглавить Балтийский флот, но пока суд да дело...

Командор, частенько схватывавшийся с британцами в далеких морях, отдавал должное их морской выучке, однако считал бывших противников изрядными формалистами, давно не способными на свежее решение. Чего можно ожидать от адмиралов, когда за нарушение устава их ждет петля? Линейный порядок хорош, но все же это не гарантия побед. Шаблонное мышление в ряде случаев приводит к катастрофе.

Преследуемый купец был уже третьим шведским судном, встретившимся в походе. Одному удалось удрать, пользуясь ночной темнотой. Другое наверняка уже дошло до Риги с призовой партией. Правда, ни разу не попались военные корабли, но, может, это и к лучшему? Приучать людей надо постепенно. Время пока есть.

– Через полчаса сможем сойтись вплотную, – прикинул Командор. – Может, чуть раньше.

– Раньше, – улыбнулся Гранье. – Четверть часа с небольшим – и я его достану.

Бравый канонир напросился в поход сам. Нынешнее высокое положение не смогло превратить лихого флибустьера в высокомерного вельможу. Артиллерийский генерал, один из трех на всю Россию, богатый помещик, акционер самого большого концерна, член всевозможных комитетов по специальности, кавалер, в сущности, оставался вечным любителем приключений. Он чаще всех вспоминал былое и даже искренне сожалел, что нет больше в Карибском море славного Берегового братства. Но притом чувствовал себя вполне своим в новой стране и служил ей не за страх, а за совесть. Хотя раньше считал, что служить кому-либо вообще нельзя.

Захват купца был для Кабанова с Жан-Жаком рутиной. Как и для тех, которые пришли с ними из Вест-Индии. Это для практикантов подобное было внове. Зато какой азарт был написан на обветренных лицах молодых моряков!

Все было просто и банально. Флагманский фрегат вышел на траверс купца, и Гранье положил ядро аккуратно под носом шведа. Намек был понят. Матросы торопливо стали убирать паруса. Жизнь дороже любого товара.

К тому же везли не товар, а снаряжение для шведской армии. Продукты Карл то покупал, то просто реквизирует на месте, но развитого производства в Польше не было, и оружие приходилось доставлять из метрополии. Ружья ведь имеют свойство ломаться.

Надо отдать Карлу должное. Он умел учиться. Вместо прежних багинетов в трюмах были сложены штыки. Идея носилась в воздухе задолго до применения, и ничего удивительного в том не было.

Прочий груз был такого же рода. Порох, мундирное сукно, кожа – короче, все то, что в Польше достать было трудновато. Судно ушло с призовой партией в Ригу, а небольшая эскадра осталась патрулировать дальше.

Следующая жертва появилась на горизонте через два дня.

– Зачастили, – качнул головой Командор.

– И под охраной, – заметил Гранье.

– Какой?

С глазастым канониром не мог поспорить никто. Если для других в отдалении маячили паруса двух судов, то Жан-Жак уже успел разглядеть, что одно из них явно военное.

И, как всегда, оказался прав. Тяжело груженный купец шел под охраной фрегата. Это было нечто новое. До сих пор шведы игнорировали систему конвоев. Есть груз, имеется судно, а как доставишь и то и другое в Померанию – это уже проблемы капитана. Не то флот никак не мог отойти от разгрома в устье Западной Двины, не то скандинавы не верили в возможность появления русских у чужих берегов.

Потому прибытие фрегата поневоле наводило на размышления. Если бы шведское командование пронюхало о курсирующей почти под носом эскадре, то к берегам Померании был бы послан не конвой, а военная флотилия. Значит, или фрегат просто идет по своим делам, или... Или груз настолько важен, что охранение приставили к нему на всякий случай.

Шведов нельзя было упрекнуть в трусости. Фрегат выдвинулся вперед в готовности принять неравный бой, но дать конвоируемому судну шанс на спасение.

В трюмах «Лани» хранились две торпеды. Изготовленные перед самой войной, они ни разу не испытывались в деле. Мелькнула мысль использовать одну из них и тем сразу разрешить проблему, но Командор решил, что воспитательный эффект боя намного важнее. Легкие победы развращают. Потом, если вдруг приходится туго, у людей может упасть дух.

По сигналу «Лань» отошла от остальной эскадры и проворно двинулась за уходящим купцом. Несмотря на возраст, бригантина отличалась превосходным ходом. От нее еще никто не уходил – ни в флибустьерском море, ни здесь.

Шведский фрегат был больше любого из находящихся в распоряжении Кабанова. Но у Командора их было два. Да и мортирки с зажигательными бомбами были уже наготове.

Нет ничего плохого в том, чтобы использовать в бою численное превосходство. Напротив. Именно умение создать перевес в нужном месте и в нужный момент показывает профессионализм полководца.

Командор не зря гонял команды каждую свободную минуту. Плюс ядро моряков составляли те, кто ходил в флибустьерском море под «Веселым Кабаном». Два корабля действовали слаженно, управляемые одной волей.

Нет, Кабанов не стал ставить шведов в два огня. Пусть враг при этом получает удары с двух сторон, но и сам имеет возможность использовать артиллерию обоих бортов.

Оба русских фрегата прошли мимо шведа на встречных курсах, угостили его картечью и ядрами и один за другим послали на вражескую палубу зажигательные бомбы.

Итог был знакомым по многочисленным схваткам в Карибском море. Палуба шведского корабля занялась пламенем. Дальнейшую его судьбу предугадать было нетрудно.

Все было привычным. Взрыв за кормой, шлюпки, подбирающие уцелевших счастливых, доклады о повреждениях фрегата (не слишком серьезных) и потерях (небольших), возбуждение новичков, еще не привычных к победам...

А потом «Лань» привела незадачливого беглеца. В отличие от военных моряков их торговые собратья отнюдь не стремились к излишнему геройству. Это при встречах с пиратами торговаши боролись до последнего, не зная, что ждет их в случае неудачи. Вполне вероятно, что проигравших просто вырежут, как нежелательных свидетелей, или заставят прогуляться по доске. А тут... Подумаешь, плен! Раз не сопротивляешься, то врываться с обнаженным оружием на палубу никто не станет. Культурно высадутся, осмотрят груз... Даже по морде вряд ли кому дадут. Так чего зря дергаться? Жизнь-то дороже...

Груз, разумеется, был военным. Но тут Командора ждал сюрприз. Помимо всевозможного барахла на судне оказалась партия штуцеров. Целая сотня. Та самая, которую продали Англии в конце весны. Лорд Эдуард очень просил, вот и пришлось Флейшману с Ардыловым поработать над экспортным вариантом продукции.

В отличие от принятых на вооружение в русской армии выставленная на продажу модель была попроще. Не та центровка, менее тщательная отделка, главное – более стандартные боеприпасы. Егеря уже давно применяли конические пули, которые гораздо проще и быстрее было вбивать в дуло. Скорострельность штуцеров в итоге была такой же, как обычных гладкоствольных ружей, хотя обычное нарезное оружие не получило должного распространения именно благодаря сложности заряжания.

Теперь Кабанов старательно ломал голову. Неужели новоявленный тесть потихоньку помогает противникам? И по собственной ли инициативе? Или такова политика Англии? Ничего удивительного, если справедливо последнее. Островная страна любит стравливать другие народы, а потом выходить победителем, не сделав ни одного выстрела, когда враги теряют последние силы.

Сотня штуцеров в шведских руках не сделают в войне погоды, однако потенциал Швеции высок, и там вполне могут наладить собственное производство. Не зря до сих пор противник высокомерно отказывается от любых переговоров о мире, хотя пока не приобрел ни капли славы. Если же их еще спонсируют, дабы придержать северного медведя...

– Странно, – качнул головой Жан-Жак, разглядывая добычу.

Он тоже узнал родные изделия. Да и фирменное клеймо на каждом...

Мысли старых соплавателей текли в одинаковом направлении.

Первоначально планировалось продлить крейсерство еще на недельку, но разборки с лордом были намного важнее одного-двух перехваченных судов.

– Курс на Ригу! – оповестил Командор.

Засвистели дудки боцманов, послышались команды офицеров, и паруса вновь наполнились ветром.

Каперская эскадра уходила от берегов Померании. Даже жаль...

Дальше в дело вмешалась погода. Морские приключения на редкость однообразны. То штиль, то шторм. По осеннему времени последнее намного вероятнее. Нет ничего удивительного, что эта вероятность сбылась.

Всякое продвижение вперед остановилось. Корабли швыряло с волны на волну, относило прочь, разбрасывало в стороны... И так трое суток подряд. Потом – затишье на день, и опять...

Балтика.

Потом пришлось искать собственные корабли. Хотя точка randevu была задана заранее, но все-таки...

В итоге возвращение затянулось. Так что не стоило жалеть о потерянной для крейсерства неделе. Все равно оно было бы невозможным. Времени же ушло гораздо больше, чем планировалось, и Командор теперь никак не поспевал к намеченному сроку.

Обычная жизнь моряка, где человек предполагает, а решает все судьба. И строй планы, не строй, результат предсказать трудно. А уж загадывать сроки...

Обидно. Ведь прочие сроки природа выдерживает практически безукоризненно.

Но – судьба...

29. Командор. Рижские разборки

Наша небольшая флотилия медленно прошла мимо Динамюнде. Даугава – все же, по старой памяти, не привык называть ее Двиной – выглядела неприветливо и мрачно. Серая темная вода тяжело вздымалась небольшими волнами, негостеприимно двигалась навстречу кораблям, словно не хотела допустить их к порту.

Но, несмотря на серость небес и воды, на душе было радостно. Вернулись же! А погода... Главное – было бы светло на душе.

Каюсь! Полного мира в душе у меня не было. Имелись причины для переживаний как личных, так и чисто деловых. Общественных, как сказали бы в моем принудительно-комсомольском прошлом.

Мне не терпелось сойти на берег, но как-то не пристало командующему сбегать с эскадры еще до постановки на якоря.

И, вопреки всем тревогам, радовала картинка по левому борту.

Здесь, чуть пониже старой Риги, стремительно рос новый город. Верфи с их стапелями, складами, временными бараками для рабочих не в счет. Именно город, во всяком случае пригород.

Наша компания в свое время принимала самое горячее участие в обсуждении проекта еще сразу после деблокады крепостей. Главную роль играл, разумеется, Петр, которому очень хотелось иметь свой собственный, европейский по виду город, но и к нашим советам он прислушивался.

Разумеется, здесь не было никаких типовых пятиэтажек и прочих «шедевров» грядущей массовой архитектуры. Но кое-что отнюдь не напоминало стандартные западные города. Те первоначально росли в кольце крепостных стен, и потому улочки были кривыми и узкими. На таких две кареты не разминутся, хоть вводи правила одностороннего движения.

Новые улицы были проспектами. Прямые, ровные, если же отклоняющиеся – то по линии реки. Сетка грядущих кварталов, пока существующая больше в воображении, но уже тут и там повсюду шло строительство. Сразу из камня – к чему возводить временные деревянные строения? Потом временное становится постоянным и только портит пейзаж.

Грядущие особняки и дома пока стояли в строительных лесах. Лишь несколько штук было относительно готово. Зато сразу делалась канализация. А что? Она известна с Древнего Рима, и особо изобретать ничего не требовалось. Лишь применить уже имеющийся опыт.

Флейшман не был бы Флейшманом, если бы не объявил о своем решении застроить сразу несколько кварталов. Помимо собственно наших домов он задумал возвести целый ряд разнообразных зданий. Мол, это пока земля тут бесплатная, только стройся. Если же все пойдет положенным путем, то через некоторое время недвижимость в здешних краях настолько вырастет в цене, что окупятся любые нынешние расходы.

Деловая хватка! Это не мои скромные способности, которых только и хватает на всевозможные военные дела.

На противоположном берегу солдаты укрепляли Коблешанц и возводили целый ряд других укреплений. Раз опасность для Риги исходила главным образом со стороны Европы, то данное направление нуждалось в усилении. Другая линия всевозможных военных сооружений, своего рода оборонительная линия Петра, раз уж до Мажино и Маннергейма еще века, строилась вдоль границ Курляндского герцогства.

Это была главная причина, почему основные силы армии не шлялись по Польше в поисках Карла. Требовалось закрепиться на завоеванных землях, встать на них твердой ногой и лишь потом пускаться в прочие предприятия. По малолюдству заниматься всем сразу

мы не могли, вот и приходилось каждый раз определять некие приоритеты на каждый отрезок времени.

Все равно, при отсутствии общего результата, открывающаяся картина радовала глаз. Пусть город еще не построен, однако начало положено, работы идут, и все это без осушения болот и крайнего напряжения сил.

Петр еще в конце прошлого года посетил район устья Невы, долго осматривал его, норовил всерьез заняться обустройством болотистого края, и пришлось приложить массу сил, дабы убедить самодержца в несвоевременности затеянного. Мол, лучше пока воспользоваться имеющимся, расширить и обустроить его, чем распылять силы, забрасывая по необходимости прочие проекты. Ведь много проще расширить город, чем строить его с нуля.

Каюсь. В далеком будущем, или прошлом – тут уж как смотреть, я любил Северный Парадиз. Его ансамбли, неповторимый дух, каналы, его людей... Но цена... Толпы безымянных мужиков, на чьих костях воздвигнут один из самых величавых городов Европы.

Имея перед глазами результат, я воспринимал жертвы отстраненно. Мало ли что когда было? Но сейчас, волею судеб оказавшись в данном времени, не желал подобной судьбы тем, кто мог бы пригодиться в другом месте и с гораздо большей пользой. Как для себя, так и для государства.

Нам бы мир поскорее, чтобы спокойно заниматься главным!

Рижане не поняли, чем чреваты для них растущие кварталы пригорода, и потирали руки, подсчитывая прибыль. А может, кто из наиболее дальновидных, напротив, все понял и теперь радовался еще больше. Не все же жить в захолустье! И ведь даже переезжать никуда не надо.

Разумеется, одним из строящихся зданий был собор. Не та временная церковь, что была возведена на скорую руку для нужд корабелов и сгорела вместе с верфями и бараками. Нет, величественный монументальный храм в честь апостолов Петра и Павла. В самой Риге жили лютеране, а ведь православному человеку надо исполнять где-то положенные обряды.

Временные церквушки уже торчали тут и там, но какой город может обойтись без главного храма?

Наконец корабли бросили якоря у стен старой Риги. Мои мысли и мои тревоги – разные вещи. В свое время в училище нам крепко вбивали в головы, что служба гораздо важнее любых личных проблем. Наверно, я был не самым худшим из курсантов, раз сумел усвоить это на всю дальнейшую жизнь.

Но теперь осталось доложить Петру результаты похода и можно будет нестись в свой дом. Не тот дворец, который я строил в пригороде согласно своему положению в создаваемой табели о рангах, а простой дом, снятый в пределах крепости в качестве временного обиталища и места, где горел семейный очаг.

Хорошо, когда в мире есть местечко, где тебя ждут!

Меня действительно ждали. Прямо на пристани. Но не возлюбленная, а Петр с порядочной свитой. Влюбленный в море царь не мог пропустить такого события, как возвращение своих кораблей из похода. В числе нужных и ненужных людей я разглядел тестя собственной персоной. Оно и к лучшему. Можно будет сразу сделать дела и уж потом со спокойной душой отправляться домой.

Я попал в дружеские объятия царя и свиты. Лишь после взаимных приветствий удалось коротко доложить о результатах похода.

Петр особенно порадовался уничтожению фрегата. Хотя мало ли мы потопили разнообразной посуды в прошлом году?

– Немедля отписать в Москву о победе флота российского. Пусть салютуют победе там, а мы отсалютуем сегодня же здесь. – Государь радовался, словно я присоединил к стране еще одну область.

– У тебя сын родился, – вдруг дополнил Петр.

Теперь стало понятным, почему лорд Эдуард выглядел таким довольным. Это же не только мой ребенок, это еще внук и наследник старинного британского рода.

– Сын? Когда? – Мысли о тесте – одно, а собственное удивление – другое.

– Сегодня утром, – вступил Эдуард.

Опоздал! И уж тем обиднее, что всего ненамного. Но все равно – сын!!!

Захотелось пройтись колесом, пострелять в воздух, дико заорать, хоть шляпу в воздух подбросить, но вокруг было столько народа, что как-то вдруг оказалось неудобно демонстрировать свои чувства.

Зато сразу стало неважным то, что я так хотел высказать тестю на протяжении обратной дороги. Сейчас он мне казался родным человеком. Все-таки раз я отец, то он – дед.

Ладно, потом разберемся.

– Государь, я пойду. – Попробовал бы меня сейчас кто-нибудь остановить!

Никто не пытался. Все просто двинулись со мной вместе. Но не гнать же мне их! Люди искренне поздравляли меня, да и мне хотелось поделиться своей радостью с окружающим миром.

В него пришел новый человечек, разве это не повод для радости? Надеюсь, судьба его сложится счастливо и его ждет масса интересных дел. Мы ведь только начали, а продолжать предстоит нашим детям. И внукам. И так далее, ибо, надеюсь, развитию не будет конца.

Идущая толпа перегородила узкие рижские улочки. Так что встречным прохожим приходилось вжиматься в стены, дабы пропустить нашу процессию. Но царь в одиночку и со свитой стал уже настолько привычным, что многие здоровались запросто, а кое-кто даже присоединялся к процессии.

Дальше все шло так, как должно было быть. На женскую половину ходу не было даже царю. Потому пока гости располагались кто где – все же не дворец у меня тут был, а всего лишь дом, и на такую ораву места не было, – я смог спокойно пройти к Мэри. Со мной был лишь лорд на правах отца супруги.

Лицо жены было усталым и одновременно одухотворенным. Этакое сочетание, возможное лишь у женщин.

Фразы, легкие касания, вид орущего комочка, специально принесенного на встречу с папой...

Потом – гул голосов, здравицы в честь народившегося человечка, горячее желание Петра стать его крестным отцом, раз уж не довелось стать крестным моего старшего сына. Даже пожалование новорожденному какой-то вотчины и чина сержанта лейб-гвардии Егерского полка.

Младший в первый же день сумел догнать в чинах старшего. Хотя помимо звания играет роль срок службы, а он у Андрея куда больше.

Но кому дано угадать судьбу ребенка? Это я старый армеец, в свое время побывавший даже пиратом. Но список профессий не исчерпывается военными. Мир не исчерпывается военным делом. Хотя на многих этапах истории оно становится главнейшим.

Мы помещались в тесноте, но не в обиде. Выпивки хватало, ее было даже слишком много. Закуски – тоже. Специально никто не готовил к нашему приходу, и теперь не только опустошалось содержимое погреба, но из ближайших кабаков спешно таскались все новые и новые блюда.

В водовороте отцовской радости и хозяйственных хлопот я на какое-то время позабыл про перехваченный груз. Лишь потом, когда кое-кто из гостей умудрился заснуть посреди всеобщего гама, вдруг вспомнился презент Карлуше, и я все же сумел кое-как уединиться с тестем для разговора.

– Лорд, вы, надеюсь, помните о проданной вам партии штуцеров? – Я пытливо, насколько позволял хмель, пытался взглянуть в лицо Эдуарда.

– Разумеется.

Но лорд на то и был лордом, чтобы сразу заподозрить в моем вопросе подвох. А у меня сейчас не было ни малейшего желания вести какую-нибудь чересчур тонкую игру.

– Вся партия обнаружена на последнем из захваченных шведских купцов. И везли их в Померанию.

– Не может быть! – Похоже, Эдик удивился искренне.

– Может. Это те самые штуцера. Да и вы были единственным, кому мы продали подобные изделия. Но вам, а не шведам.

– Я их передал Ван Стратену с наказом доставить в Англию. – Лорд оправдывался, как мальчишка. – И тот передал мне, что всю партию продал в Британии, причем получил в полтора раза больше, чем я просил. Зная Винсента, склонен предполагать – вдвойне. Чтобы Ван Стратен упустил свою выгоду?

– Кому? – Обычно Эдик действовал заодно с Чарли, однако в этом году толстяк занемог и не покидал России. Болезнь не мешала ему заниматься коммерцией на месте, однако, по моим данным, сэр и сейчас находился в Москве.

Лорд был истинным британцем. В том смысле, что ни за что бы не стал делиться с союзником тем, чего нет в достаточном количестве в самой Англии. Тут же партия штуцеров была первой, да и Швеция в это время союзником как бы не являлась.

– Питу. Тот сказал, что дальше все устроит сам.

Странно. При чем тут мой несчастливый соперник? С его-то положением! Или ему настолько хотелось хоть в чем-то насолить мне? Но сотня штуцеров погоды на войне не сделает. И сама Британия вот-вот ввяжется в войну. Как-то не слишком сочетается с образом британского аристократа.

Лорд явно размышлял в этом же направлении.

– Не может быть! Вы хорошо расспросили капитана, откуда этот груз? Не мог же Пит...

– Капитан ничего толком не знает. Судно зафрахтовали, предложили доставить кое-что для шведской армии и дали не только достаточно солидную сумму, но даже фрегат для охраны. А уж почему именно это, тем более – откуда, он не гадал.

Разговор был прерван. Кто-то из гостей сумел вспомнить повод сегодняшнего пира, и краткому уединению наступил конец.

– Я обязательно подробно расспрошу Ван Стратена, как только он объявится в Риге, – пообещал мне Эдуард. – Он должен быть со дня на день. Корабли его здесь. Сам вроде бы в Москву подался. И по своим каналам разузнаю о подробностях сделки.

Мне кто-то упорно пытался всучить бокал. Говоря откровенно, пить не сильно хотелось. Разве радость обязательно надо подогревать вином? Но что поделаешь, когда сквозь толпу прет хмельной Петр? Не бежать же из собственного дома?

И радости и горести давно отмечались нами на бегу. Времени не хватало постоянно. Фактически была середина осени. Со дня на день должны были начаться дожди. С ними неизбежно заявится грязь, сделает невозможными боевые действия. Меня это только радовало. Вряд ли Карл решится повторить зимнюю диверсию. Следовательно, у нас будет чуть ли не полгода относительно мирной жизни. Надо подтянуть уровень новых полков, получше подготовить их к грядущей кампании. Принять участие в экзаменах на офицерские чины тех сержантов, кто хорошо показал себя в последних боях. Провести первый выпуск школы топографов. Наконец, армия не может обойтись без устава, и надо принять участие в его составлении.

Штатским не понять. Но... существуют же правила дорожного движения, многочисленные инструкции для каждой выпускаемой вещи и прочие бумаги? Почему никто не смеется над ними?

Устав – основные правила воинской службы. Только и всего. Дабы военнотружущий не задумывался в каждом простейшем случае, как ему поступить.

А ведь помимо армии в четких правилах нуждался создаваемый флот. Эта часть работы тоже во многом лежала на мне.

И без этого работ и забот было хоть отбавляй. Порой мне даже казалось, что морской поход в моем положении – это единственный способ отдыха. Знай занимайся одним делом, а не десятками одновременно.

Ван Стратен успел еще до бездорожья. Винсент подтвердил сказанное лорду. Его вины не было. Он не ведал, что Пит может распорядиться полученным как-то иначе и самым элементарным образом просто перепродать товар.

Зато тот же Винсент принес еще одну новость, гораздо более приятную. Август рассорился с Карлом. Совместная удача может сплотить, а вот совместное поражение обычно разъединяет. Союзники стали ссориться еще во времена неудачной рижской осады. Еще больше разногласий стало после отступления. Вопреки ожиданиям Карла и опасениям Петра, Польша не поднялась единой войной на захватчиков Курляндии. Ей вообще трудно было объединиться хоть для чего-либо. Кто-то громогласно возмущался, потрясал на пирах оружием, кто-то отмахивался от новости, и лишь единицы сумели собраться в поход.

Но недовольство королем росло. Август обещал присоединить к Речи новые земли, сам же потерял уже бывшие. А вновь объявившийся Лещинский обещал панам и земли, и райскую жизнь. И вот число союзников нового претендента на престол стало неудержимо расти. Союзник Карл совершенно неожиданно для Августа поддержал его соперника. Ведь кто знает, что сильнее – небольшая профессиональная саксонская армия или многочисленная шляхта? Выбор в конце концов пал на шляхту...

Пока Винсент сообщил все это в виде слухов, но уже через день было получено подтверждение. Собравшийся сейм большинством голосов объявил Августа низложенным. Меньшинство не согласилось с подобным решением и заявило, что король в Польше есть, и это саксонский курфюрст. Да и Август был против «народного» волеизъявления.

Вот между собой паны сцепились охотно. В Польше стала разгораться междоусобица. Если же при этом попадало то шведам, то саксонцам, то к чему им лезть не в свое дело?

Разве что приближающаяся зима несколько охлаждала разгоряченные головы. Некомфортно воевать среди снегов. Опять-таки холодно. Лучше дожидаться теплых дней, и уж тогда сполна показать миру молодецкую силу...

А после Нового года к Петру заявили посланники Августа с предложениями о возобновлении союза.

Август был крайне ненадежным другом, но Лещинский являлся заведомым врагом. Царь долгое время колебался, не зная, принимать ли предлагаемый союз. Конец колебаниям пришел по весне, когда Мишель по своим каналам сообщил, что новый польский король ищет союза с турками.

Все завертелось, закружилось, понеслось. Войны на два фронта Петр не хотел. Я ждал назначения в Польшу, однако государь решил иначе. Вместо польских болот и лесов меня вновь ждал юг. Турок следовало охладить, и я стал начальником всех сухопутных и морских сил, назначенных на случай войны с Портой.

Как только позволила природа, на помощь Августу двинулись шесть пехотных и два драгунских полка под командованием Вейде.

Это и к лучшему. Я уже так отвык подчиняться, что только разругался бы с саксонскими генералами. Равно как и с их ветреным королем. А тут – самостоятельность и дело,

пожалуй, даже более ответственное. Турки-то раскачиваться могут долго, но вот крымские татары... Что им мешает пуститься в набег и тем спровоцировать столкновение?

Разве что мое имя...

30. Тревожное лето

Сил в распоряжении Командора было мало. Больше половины армии прикрывало завоеванный край. Так называемый вспомогательный корпус ушел к Августу. Большая группа войск прикрывала Малороссию от поляков и была наготове выступить к Дунаю против турок. В итоге на Таганрог, Азов и Керчь почти ничего не осталось. Обычные гарнизоны да пришедшие с Кабановым егеря, казаки и два пехотных полка.

Зато под командованием Командора оказался целый флот. По количеству вымпелов это выглядело впечатляюще. Корабли самых разных классов – от галер и полугалер до линкоров. Даже имелось три парохода. Одних команд хватило бы на несколько полков. А еще многочисленная корабельная артиллерия. Тоже сила немалая.

Но в целом именно флотом Кабанов был недоволен. Если армию за последние годы удалось изрядно подтянуть, превратить в боеспособный организм с более-менее упорядоченной структурой, то про морские силы сказать этого было нельзя.

Морское дело требует гораздо больше подготовки. Достаточно сказать, что на суше больше половины офицеров уже были «своими», русскими если не по происхождению, то по подданству, на флоте же русские в крайнем случае занимали младшие должности. Первый выпуск Навигацкой школы получил возжеленные чины мичманов, несколько человек успели дойти до лейтенантов, однако все капитаны оставались иностранцами. Многие матросы не отличались умением в своем деле. А уж корабли...

Петр слишком спешил, гонясь за количеством. Лес не успевали высушивать, корпуса зачастую подтекали, мореходность многих кораблей была настолько низка, что первый же серьезный шторм грозил проредить флот серьезнее любого боя.

Вдобавок на Балтике в удобной Риге с закладкой и последующим спуском не было особых проблем. Здесь же, на юге, корабли строились на Дону, реке не настолько судоходной. Провести их к морю было возможно лишь во время весеннего половодья, зачастую без вооружения. Существовавшие ограничения по тоннажу и осадке заставляли делать корпуса почти плоскодонными, с минимально выступающим килем, что сильно влияло на остойчивость кораблей на морской волне.

Вдобавок Керчь не годилась в качестве базы флота. Открытая всем ветрам бухта не давала кораблям укрытия. Хотя еще в прошлом году по приказу Петра начали возводить волнолом, но он разбивался во время штормов едва ли не быстрее, чем строился.

Сплошные проблемы при минимуме средств для их решения.

Пришлось выделить из имеющегося флота ядро и уже с получившейся эскадрой несколько раз демонстративно пройти вдоль крымских берегов. Попробуй разберись изда-лека во всех имеющихся недочетах!

А тут еще несколько пролетов дирижабля, чуда невиданного не только в здешних глу-хих местах. Плюс – демонстративное прибытие в Керчь дополнительных войск во главе с Командором.

Татары хорошо запомнили рейды Кабан-паши на Кафу и Керчь. Одно его имя подей-ствовало отрезвляюще. Как бы ни хотелось Кази-Гирею пройти по землям гяуров в поис-ках добычи, однако останавливало сознание, что в ответ русские немедленно объявятся у Бахчисарая. Крым не настолько велик, чтобы суметь на его просторах избежать удара. А еще когда сверху видно все и флот в состоянии доставить войска хоть на противоположный берег...

Султан, правда, попробовал возражать. Мол, почему флот разгуливает в море как у себя дома и не готовятся ли русские к войне? Но тут уже сработала дипломатия. Откуда-то

всплыли документы о предполагавшемся набеге и предложениях Лещинского. Султан был разгневан, Кази-Гирей смещен и казнен, но все это заняло так много времени...

Пока Командор демонстрировал свое присутствие у берегов Крыма, в Европе вновь началась война. Расклад сил был близок к предыдущему. С одной стороны – Франция. С другой – коалиция из Англии, Голландии и Австрии. На этот раз главным призом была возможность посадить на освободившийся испанский престол своего родственника, соответственно француза или австрийца, и потому война сразу получила название войны за испанское наследство. И что с того, что оба претендента на престол приходились родственниками друг другу, то есть их родители тоже состояли в родстве? Как, впрочем, большинство европейских государей. Материальные блага портят самые близкие отношения, и нет иногда врага злее, чем собственная родня.

Что до Англии, то она, как часто бывало в ее истории, просто искала предлога для ослабления своего нынешнего наиболее грозного конкурента и для этих целей была готова вступить в союз хоть с дьяволом. Когда-то главным конкурентом была Испания, теперь – Франция. Враги меняются, не меняются лишь интересы.

Австрия, континентальная держава, могуществу Британии угрожать не могла, в отличие от морской Франции, потому выбор союзников и противников был определен задолго до первых пушечных залпов.

По многим причинам никаких союзников у Франции не было. Делались попытки спровоцировать войну Турции и Австрии и тем самым вывести из игры не только номинального соперника, но и его многочисленную сухопутную армию, однако, несмотря на все приложенные усилия, уговоры и намеки, турки заартачились и испытывать воинскую удачу не пожелали.

В этой связи все позабыли бы о двух враждующих северных странах. Позабыли бы, если бы не нуждались в дополнительной военной помощи.

Мишель д'Энтрэ, полномочный посол Его Величества французского короля, нашел Кабанова в Керчи. Командор занимался привычными делами. Старательно муштровал солдат, а попутно успевал заниматься флотом. Но посол – лицо официальное, требует внимания. Плюс старый приятель, а дружба тоже невозможна без общения.

Так как посол прибыл вместе с семьей, то принимал его Кабанов по полной программе. Был бы один, могли бы беседовать прямо в поле, у крепостных стен, на виду у занимающихся воинскими науками солдат. Сейчас же был снимаемый Командором дом, гостеприимная хозяйка в нем, накрытый стол...

Пока женщины беседовали о своем, мужчины удалились в кабинет выпить по бокалу вина да выкурить по трубочке.

– Как добрались?

Посол в качестве оказии использовал идущий в Крым «Святой Николай», первый, но уже не единственный пароход азовско-донского флота.

– Признаюсь, не без интереса. Немного грязно, немного дымно, немного шумно, однако весьма необычно, – вежливо улыбнулся Мишель, словно неудобства действительно значили для него немного.

Впрочем, к подлинному комфорту не привыкли даже короли. Не было еще такой заботы о всевозможных удобствах, которая будет проявляться в последующие века. Потому аристократы были во многом такими же неизбалованными, как простолюдины. Тряские дороги на каретах с плохими рессорами, тесные вонючие корабли, дни, проведенные в седле, наконец, дворцы без элементарных удобств... Это потом будут писать книги и снимать фильмы о романтических временах. На деле романтики было на редкость мало. А то и не было совсем.

– Однако так исчезает из мира красота, – неожиданно продолжил посол. – Вместо гордых парусных красавцев – дымящая, хлопающая колесами по воде машина.

– Что поделать? Историю не остановить. То ли еще будет в дальнейшем! – пожал плечами Командор. – Тем более – в этой стране. Тут пространства огромны, на лошадях ехать долго. Поневоле задумаешься о других способах путешествия! Что до парохода, то пока они весьма далеки до совершенства, тихоходны, однако разве плохо не зависеть от ветра? Главное – начало. Первые парусники вообще маневрировать почти не могли. Так что можете гордиться. Вы шли сюда на корабле, за потомками которого несомненное будущее.

– Поневоле начинаешь задумываться: может, лучше бы нам всем оставаться в прошлом?

– Ну уж нет, – не согласился Командор. – Чем дальше в прошлое, тем мрачнее существование. Я, напротив, за то, чтобы скорее перенестись вперед по времени. Лишь бы там сохранилось все хорошее и не появилось откровенно дурное.

– Что вы подразумеваете под дурным? – заинтересовался Мишель.

– Так, всевозможные социальные идеи. – Командор имел в виду демократию, которую по старой памяти ненавидел, но расшифровывать свои опасения и пугать приятеля грядущим торжеством серости не стал.

– Я поражаюсь вам, Командор. В Вест-Индии вы были рубахой, прирожденным главарем флибустьеров, а здесь превратились в мыслителя и государственного деятеля, постоянно выдвигающего какие-то новые идеи.

– Любая идея нуждается в людях и поддержке. В Карибском море им не было места. Здесь же – развивающаяся страна, в которой можно совершить все. Были бы силы и желания. Когда чувствуешь за своей спиной поддержку государя...

Кабанов замолчал. Он уже начал понимать цель, ради которой Мишель затеял весь разговор. Посол не может просто провести приятеля. Всегда и везде он преследует некие цели, поставленные перед ним в этот момент. И хорошо, когда цели совпадают с чувствами.

– Кстати, о государе, – вполне ожидаемо вставил Мишель. – Король Людовик хотел бы заключить военный союз с царем Петром. Помнится, вы ведь воевали против наших противников?

– Я – да, – чуть улыбнулся Командор. – Но государство – пока нет. И правителем России я, слава богу, не являюсь. Потому заключать союзы, определять друзей и врагов не входит в круг моих обязанностей.

– Но определенное влияние на царя вы имеете, – напомнил француз. – Потому вполне можете помочь в моей миссии.

– В данном случае – нет. Ничего личного. Просто Россия сейчас воюет с мощной державой. Даже если не считать Речь Посполитую и возможность выступления турок. Проблем столько, что еще одну войну государство не потянет. Не хватит ни сил, ни денег. Уже поэтому ни о каком выступлении не может идти речи. Это проблема главнейшая. Я уже не говорю, что войны ведутся во имя чего-то. Не важно – амбиций руководителей, спорных земель, межгосударственных проблем, иных каких-либо причин. Но тут... Мишель, вы знаете, я не враг Людовику, напротив, проливал кровь за Францию, но, откровенно между нами, во имя чего Россия должна драться с Англией? Ладно, пусть будет иначе. Почему надо поддерживать Францию? В чем смысл? Вы же не помогаете нам в борьбе со Швецией.

– Король готов выступить посредником при заключении вами мирного договора. Тогда ваша армия освободится. Не думайте, Командор, в Версале все понимают и не питают надежды на прямой военный союз с Россией. Но мы могли бы обсудить другие формы нашего сотрудничества. Например, поставки во Францию вашего оружия. Новых ружей, пушек, ракет, воздушных кораблей...

– Дирижабли сразу исключаются, – вставил Кабанов.

– Даже за большие деньги? – уточнил Мишель.

– За любые. Но насчет ружей можно подумать. В зависимости от возможностей промышленности и нужд собственной армии.

Шила в мешке не утаишь. Если револьверные ружья являлись в определенной степени тайной, тем более – капсули в их патронах, то до усовершенствованных штуцеров могли легко додуматься в любой стране.

Впрочем, помимо торговых интересов и авторитета России Кабанов сразу прикинул основное. Вывозить товар во Францию возможно только морем через Дарданеллы. Следовательно, Людовик будет еще больше заинтересован в нейтралитете Турции. А ведь Командора специально послали в южные края, чтобы избежать еще одной войны. Ради такой цели не жалко выделить некоторое количество оружия из числа излишков. Производство Флейшмана постоянно расширяется, а экспортный вариант штуцера давно отработан и в любой момент может быть поставлен на поток. И никто не скажет о помощи Франции. Дела торговые мало зависят от дипломатических дел. Обычно – наоборот. Тем более Юра вполне может выступить как частное лицо.

Лучшая основа любого союза – обоюдная выгода. Кровь проливать за чужие интересы не стоит, но торговать можно вполне. Особенно когда помимо прибыли получаешь другие существенные вещи.

– Кроме того, Его Величество интересуется, не согласитесь ли вы перейти во французскую службу?

Чего-то подобного Командор тоже давно ждал. Раз давний враг – Англия – уже несколько раз предлагала примирение и переезд на остров практически на любых условиях, было бы странно, если бы не последовало аналогичное предложение от французского короля.

– Мишель... – покачал головой Кабанов.

Тот улыбнулся в ответ, давая понять, что не сомневается в ответе.

Можно быть нужным человеком, но стать своим при дворе намного труднее. Это Петр старательно ломал установившиеся отношения и порою вытаскивал на самый верх людей разного происхождения. Во Франции Короля-Солнца, так же как в Англии, подобное даже представить было нельзя. Все определялось длинным рядом предков, желательно восходящих к временам крестовых походов, а еще лучше – к эпохе Карла Великого.

– Давайте лучше отобедаем, – предложил Кабанов. – У меня такой повар! Вы должны непременно оценить его искусство. Петру и Флейшману я сегодня же отпишу, но дальнейшее не в моей власти.

А сам подумал: теперь недельки через две надо ждать визита тестя. В крайнем случае – через две с половиной.

Командор ошибся. Лорд Эдуард явился на одиннадцатый день. На этот раз – вместе с выздоровевшим сэром Чарльзом. Благо что может быть естественнее, чем визит дедушки к внуку?

Соответственно, начало встречи было несколько иным. Старейший лорд первым делом навестил маленького Кабанова, подержал его на руках, поговорил с дочерью и лишь затем, уже после обеда, удалился с Командором и толстым сэром в тот же кабинет.

– Кабинет Его Величества крайне заинтересован в союзе с Россией, – сообщил лорд после обычных, уже которых по счету, упоминаний о погоде.

– Против Швеции? – не смог удержаться Командор.

Гости едва заметно улыбнулись, демонстрируя, что шутка понята и оценена.

– Против Франции.

– Видите ли, Россия не имеет никаких претензий к названной вами стране. Как не имеет их к Англии, – развивать мысль Командор не стал.

Британцы были людьми понимающими и сами знали невероятность пожеланий своего Кабинета. Но долг должен быть исполнен. Предложение поступило, и следовало довести его до всех лиц, занимающих важные посты в России.

– Мы ведем торговлю с обеими державами и потому занимаем в конфликте сугубо нейтральное положение, – после затянувшейся паузы все же уточнил Кабанов.

– Кстати, о торговле. Британия хотела бы закупить в России большие партии оружия, – оживился сэр Чарльз.

– Надеюсь, не в качестве посредника для Швеции? – улыбнулся уголками губ Командор.

– Вы еще не знаете? – спросил лорд.

– Что? Прошу простить, но некоторые новости доходят до здешних краев с большим опозданием.

– Пит, – Эдуард демонстративно поморщился, – сознался в том, что перепродал купленные штуцера названной вами стране. Его спасло только родство с некоторыми лицами и то, что разбиравшие дело высокопоставленные лорды были снисходительны. Особенно – узнав сумму, вырученную за сделку. Все же человек заботился о своем благосостоянии. Но так как оружие позарез необходимо Британии, то Пит в наказание направлен в североамериканские колонии королевства. Теперь подобный случай исключен.

Люди, сидящие высоко, редко слетают вниз по социальной лестнице. Разве что сразу на плаху. Командор даже не стал уточнять, в качестве кого сослан его несостоятельный соперник. Не каторжанина же! Скорее всего, ссылка была почетной, сопровождавшаяся некой должностью в отдаленных землях империи. Какой именно – не столь важно, раз явный враг на какое-то время выведен из игры.

– Почему бы и нет? Если это оружие действительно пойдет для нужд Англии... – Хотя особо Командор не волновался. Одно дело – перепродать штуцера в мирное время, и совсем другое – в военное. Тут вполне вероятно не обойтись заурядной ссылкой в места заокеанские, отдаленные.

Визитеры выглядели довольными. Они, на правах посредников, просто обязаны были наварить неплохие суммы на грядущей сделке.

– Только не знаю, насколько много мы сможем продать. Понимаете ведь: война. Основное количество оружия идет на нужды собственной армии. – Намек был прозрачен, и лорд среагировал так, как предполагал Кабанов.

– Правительство Британии готово выступить посредником при мирных переговорах, – отчеканил лорд.

Воевать Командору надоело настолько, что он готов был продавать оружие всем желающим. Лишь бы помогли быстрее заключить мир. Конечно, оружие это было немного похуже того, что поступало в родную армию. А в число желающих включались те, кто в ближайшем будущем не мог конфликтовать с Россией.

Что до продолжающейся войны – зачем она нужна? Самое время подписать мирный договор и жить по соседству в тихом согласии.

Жаль, этого никак не хочет понять Карл Двенадцатый.

Неужели так не хочет отдавать то, что ему уже давно не принадлежит? Чудак...

31. Командор. Радости и печали

Порою дни бывают насыщенными событиями под завязку. Столько событий, что просто диву даешься, каким образом они поместились в двадцать четыре часа? В такие дни выигрываются или проигрываются крупные сражения, захватываются города, делаются открытия, происходят памятные и удивительные встречи.

Зато бывают года, не отмеченные практически ничем. Скажем, в известной мне истории тысяча девятьсот четырнадцатый год – начало Первой мировой войны, которую еще звали Отечественной и Великой. Девятьсот тринадцатый – год, с уровня производства в котором так любили сравнивать новое государство коммунисты в восьмидесятых. Хотя могли бы и вообще с восьмьсот тринадцатым, дабы еще больше подчеркнуть достигнутые успехи. Как сейчас помню: в нынешнем году произведено столько-то лампочек, что в несколько раз больше, чем в царской России в тысяча девятьсот тринадцатом году. А тракторов – тут вообще разница не в пользу Романовых.

А вот спроси кого-нибудь о девятьсот двенадцатом – и сразу выяснится, что вспомнить нечего. Если ты не продвинутый историк, конечно. Ведь в каждом году что-то происходило, только многое ли из этого вошло в учебники?

Так и семьсот второй год у нас. Начался он достаточно тревожно, а прошел весьма мирно. Не в том смысле, что наконец был заключен долгожданный мир. Война продолжалась. Куда без нее? Просто никаких особых сражений не велось. Так, по мелочам, и только.

Русский вспомогательный корпус находился при Августе. Сам Август особо воевать не желал. Саксонско-русско-польская армия занималась тем, что старательно уклонялась от сражений со шведско-польской. Войска маневрировали, то приближаясь, то удаляясь друг от друга, и лишь иногда происходили небольшие стычки отдельных партий. Ничего не решающие, разве что дающие некоторый опыт.

Сами поляки тоже не слишком дрались между собой за право видеть наверху того или иного короля. Иногда какой-нибудь пан с прихлебалами нападал на владения другого пана, но сколько в этом нападении было от политики, а сколько – от желания свести счеты за какие-нибудь былые обиды, сказать было невозможно.

За все время только два раза сравнительно крупные отряды пытались перенести боевые действия на земли Украины, или, как ее здесь называли и соседи и сами жители, – Малороссии, но один раз были разгромлены Шереметевым, а в другой – конницей под командованием Меншикова.

Последнее сражение было особо отрядным. У нас реально появилась конница, и не зря Алексашка был произведен в генерал-поручики.

Остальное... Петр большую часть времени провел в Риге. Строил город и порт, создавал корабли, даже собственноручно изготовил чертежи парохода, а потом еще сумел воплотить проект в жизнь. Сказал бы – в металл, однако пароходы пока были деревянными. Эпоха металлического судостроения еще не пришла.

Новые кварталы росли буквально на глазах. У меня, к примеру, там к Новому году появился дворец. Хорошо, Мэри еще в середине лета отправилась в Ригу и лично проследила за ходом работ. Не Версаль, но и не тот домик, в котором обосновался Петр.

Кроме шуток – мой дом напоминал хорошо устроенную усадьбу. Просторный, с многочисленными комнатами для обитателей, гостей и слуг, по вводимой нами моде – с некоторыми удобствами в виде канализации и водопровода. Не слишком-то я привык жить в подобных хоромы, однако положение обязывает. От многих моих желаний ничего не зависит. Положено – и точка.

Еще на свои деньги я строил целый квартал для Егерского полка. Мои солдаты окончательно покидали Коломну, и требовалось позаботиться, чтобы грядущий комплекс жилищ был возможно более удобным. Жизнь не заканчивается с нами. Надеюсь, полк будет существовать столько, сколько просуществует Русское государство.

Вообще, пригород рос настолько стремительно, что скоро должен был перерасти первоначальный город. По размерам он был уже намного больше, теперь была очередь за населением. Люди знатные стремились сюда, чтобы быть поближе к царю, люди деловые ценили близость моря и возможность ведения дел с иностранцами, а простой народ попадал сюда в качестве рабочих на верфях, стройках и постепенно открывающихся мануфактурах и мастерских. Не все сразу, но скоро появится целое поколение, считающее прибалтийское взморье своей родиной.

Балтийский флот тоже рос. Даже быстрее Азовского. В самой Риге строились линкоры, фрегаты и малые парусные суда. В устье Невы, где на месте Питера были основаны верфи и небольшой городок, – галеры и прочие шхерные корабли.

Что до меня, то я, согласно распоряжению, в основном провел год на юге. Войны с султаном, к счастью, не случилось, однако бездельем я не маялся. Дела были привычные и неизбежные. Я усиленно занимался с армейцами и моряками. Порою выбирался в своего рода инспекторские поездки, добираясь не только до полков вдоль границы с Польшей, но и находящихся значительно дальше. Вплоть до столицы.

Армия значительно подтянулась. Теперь не приходилось бояться никаких врагов, будь то шведы или кто еще. Два новых егерских полка, плюс егерская команда в каждом фузилерном. Штуцеров становилось все больше, а через пару лет уже сможем перевести стрелков на револьверные ружья, а штуцера оставим обычной пехоте.

Да и моряки потихоньку становились моряками. Так что прогресс был налицо.

Помимо учений, инспекций, демонстраций, морских походов, поездок и прочего я успел написать «Памятку егерю», краткое «Наставление по стрелковому делу» и даже несколько глав для устава. Пока одного, хотя в будущем ему предстояло разделиться на всевозможные караульные, боевые и прочие.

И уж вообще в своем амплуа был Флейшман. Он пытался захватить монополию везде, куда только добирались его загребушие руки. Сукно для мундиров, бумага, самые разнообразные механизмы, вплоть до строительства в рижском предместье, в Коломне и в Москве небольших тепловых электростанций. Про пароходы, которые мой приятель стал строить для Волги, я уже молчу.

Штуцера шли едва ли не конвейером, паровые машины становились совершеннее, мощнее и тоже стремительно росли в числе, налаживалось производство электродвигателей и аккумуляторов, наши станки можно было встретить наверняка едва ли не по всей Европе, но Юре этого было мало, и он постоянно изыскивал, где бы еще сорвать денежный куш. Если большинство нынешних российских богачей было знатными боярами да князьями, в крайнем случае талантами вроде Меншикова, то Флейшман, по существу, превращался в первого русского олигарха.

Или превратился? Кто с ним в состоянии сравниться? Демидовы? Но они тоже были компаньонами Юры. Плюс, в отличие от легендарных железных королей Урала, Флейшман обращался с работниками по-человечески, платил, а его ремесленная школа делала уже второй выпуск, и в ней появлялись все новые и новые отделения. Электротехники, например. Плюс Юра вполне всерьез стал завлекать к себе ученых из разных стран, в надежде создать этаким центром всевозможных наук с разнообразными лабораториями. Положительным в данном случае было основное: где и что искать, мы знали. Оставалось подталкивать в нужном направлении, раз уж мы многого не помним сами, а начинать совсем уж с нуля нет времени. Руководить иногда гораздо нужнее.

Во всевозможных делах прошла зима. Войска стояли на зимних квартирах, флот – на приколе. Мир да и только.

Европейская война тоже не блистала событиями. Противников было много, и, наверное, поэтому они никак не могли решить, кому, где и как воевать. Войска постоянно маневрировали в теплое время, отдыхали в холодное и не проявляли особого желания решать судьбу в ходе одного сражения.

Мы подпитывали обе стороны оружием. Стычки с его применением обещали быть более кровопролитными. А ведь продавали мы отнюдь не лучшие образцы. Но разве в нас дело? Отними у людей ружья – и они станут сражаться мечами. Отними мечи – перейдут на каменные топоры. Виноваты не военные, а политики, которые развязывают войны. А любые новинки в деле умерщвления ближних долго не утаишь. Хотя лучше бы у нас покупали что-либо более мирное.

У французов при этом было явное преимущество. Через Черное море они могли забирать потребное им круглый год, а Балтика, основной наш путь к англичанам, на зиму замерзала.

Попытки примирить нас со шведами не удались ни гордым британцам, ни элегантным французам. Карл не желал слушать никого. Он все еще верил в свою звезду, в то, что сумеет переломить явно неблагоприятную для себя ситуацию и отомстить обидчикам. Упрямый человек...

Оружие – не единственное, чем занимались мы в области созидания. К весне ожидалось кое-что еще – гораздо более мирное, хотя и более бесполезное. Вообще-то мы старались в ближайшее время изготовить паровоз, но тут пока были свои трудности, и преодолеть их с налета оказалось невозможным.

Зато в частном порядке Ардылов изготовил довольно простую, но полезную вещь. Конные грабли – два колеса с длинными зубьями между ними. Плюс простейший подъемный механизм. Скорость уборки сена с подобным приспособлением вырастала значительно, и даже то, что их нельзя было использовать на всевозможных буераках, не мешало – и ровных мест в России достаточно. В перспективе Володя обещал сделать образцы других сельскохозяйственных орудий наподобие сеялки, косилки, молотилки и чего-то там еще, существенно облегчающего крестьянский труд. Простому крестьянину мало дела до оружия и паровозов, ему бы урожай побольше, чтобы семью прокормить да помещику положенное отдать. А тут – то недород, то иная напасть.

Грош нам цена, если мы не сумеем прокормить население. Климат в России более суров, чем в Европе. Земледелие считается рискованым. Но та же постепенно расплзающаяся по хозяйствам картошка, думается, спасет не одну жизнь.

У Петра в добрую минуту удалось выбить еще один указ. Раз неделя состоит из семи дней, то пусть половину времени крестьянин работает на себя, день отдыхает и не больше трех дней гнет спину на барщине. В какой-то степени царская бумага ослабит произвол помещиков, вернее, не самих помещиков, мужчины все равно поголовно служат, а их управляющих. Раз уж нельзя вообще отменить крепостное право, то требуется ввести его хоть в какое-то более или менее нормальное русло.

Наши агенты в Германии сообщили, что первая партия переселенцев ожидает только подъемных, после чего готова выехать в Россию. Это тоже была важная часть нашего плана – привлечь переселенцев на пустующие земли Поволжья. Надо было наращивать население, и хозяйственные немцы вполне подходили на роль российских граждан. В рассылаемых по Европе объявлениях было обговорено, что Россия готова принять лиц христианского вероисповедания и выделить им участки земли и некоторые льготы по прибытии на место.

– Юра, ты знаешь, что я не антисемит, – сказал я Флейшману, когда мы обсуждали текст, перед тем как нести его к Петру. – Но на земле твои соплеменники работать не ста-

нут. А торговцы, адвокаты и банкиры нам без надобности. Как и сапожники с портными и скрипачами. На Руси запрещено селиться иудеям, пусть так и останется. А зная способность вашей нации поддерживать друг друга... Антисемитизм возникает лишь там, где проживают семиты. Потому в данном случае лучший способ избежать конфликта – это оставить прежний закон в силе.

Я ждал возражений, но их не последовало. Слава богу.

Впрочем, Юра давно принял православие и в глазах соплеменников считался вык্রে-стом. Верил ли он, подобно нынешним жителям, или делал вид, в данном случае никого не интересовало.

Тревожные известия пришли в начале лета. Как обычно бывает – в тот момент, когда никто их не ждал. Буквально накануне, за несколько дней, по реке были доставлены первые образцы нашего нового изделия – самодвижущиеся электрические кареты. Раз уж мы могли производить электрические двигатели, то требовалось их куда-то приспособить помимо производства. Много возни было с аккумуляторами, запас хода без подзарядки у наших самобе-жек был невелик, скорость тоже не впечатляла, в отличие от цены, но для поездок по городу онигодились вполне.

Изначально ориентированные на людей богатых, электромобили внешне напоминали те же кареты. Не совсем, но что-то общее было. Высокие, с аккумуляторами внизу и дви-гателем сзади, на больших деревянных колесах, вот только салон расположением сидений больше походил на грядущий автомобиль. Два сиденья спереди, два – сзади. Но не носталь-гии ради, просто учитывалась тяга Петра любым делом заниматься самому. Вдруг захочет править новой игрушкой самостоятельно? Так пусть хоть не сидит на месте кучера.

Жаль, отсутствие резины или какого-нибудь заменителя не позволяло сделать нормаль-ные шины. Кроме того, управление было несколько тяжеловатым, руль-то по необходимости вертелся вручную, но мы и так сделали все, что могли. И никто в целом свете не смог бы сделать большего.

Был у нас еще один, грузовой вариант, этакий электрокар для заводов, но для начала требовалось произвести впечатление, и «парадные» экземплярыгодились гораздо больше.

А для чего мы электростанции строили? Конечно, для подзарядок нового вида вель-можно-городского транспорта! Производство лампочек еще не налажено, и непонятно, когда мы сумеем их сделать, электродуговые годятся лишь на то, чтобы произвести впечатление.

Эффект от демонстрации самобеглых экипажей был именно таким, как мы себе пред-ставляли. Флейшман первым совершил долгую публичную поездку. За ним – Женя Кротких. Третьим, конечно же, был Петр. Правда, наука вождения далась царю не настолько гладко и разок он зацепил стоявшее в стороне от пути дерево. Но максимальная скорость экипажа была вряд ли больше десятка километров в час, и потому ничего серьезного не произошло.

Зато надо было видеть эту незабываемую картину. Диковинный самоходный экипаж, смахивающий на открытую карету с поднятым верхом, разве что без оглобли впереди. Высо-кая фигура Петра на водительском месте, так и хочется сказать: «На облучке». Я в качестве инструктора рядом. Все же, помимо военной специальности в училище нас снабжали дипло-мом инженера по эксплуатации колесного и гусеничного транспорта. Рысящие по бокам вельможи и офицеры. Толпы народа, взиравшего на изволившего кататься монарха. Даже жаль, что мне не дан талант художника и я не могу запечатлеть все на полотне. Это зрелище незабываемо.

Первую повозку мы подарили Петру. Еще одну я оставил себе. Третью за изрядную сумму купил Меншиков. А после этого пришла пора заказов. Их оказалось столько, что Флейшман был готов схватиться за голову. Не в ужасе, а в попытке подсчитать грядущую прибыль. Все первые вельможи, бояре посостоятельнее, генералы и сановники, наконец, иностранные посланники. Последние – не только для себя, но и в дар своим монархам.

При том электромобилям требовалась электростанция для подзарядки. Хотя бы в самом примитивном виде: паровик, вертящий генератор. Соответственно, Юра получил заказы на постройку ТЭЦ сразу в нескольких странах и долго обговаривал транспортные расходы, а равно – командировочные для грядущих строителей.

Учитывая, что благодетелем Юра никогда не являлся, как не являлся и альтруистом, сумма набегала порядочная. Вполне сопоставимая с бюджетом иного германского государства.

И стоит после этого воевать, если деньги бегут рекой? Тем более имея в распоряжении знания грядущих эпох и неменяющейся людской психологии. Ради престижа люди готовы покупать даже то, что им явно не по карману. Про потребность в той или иной вещи я уже молчу.

Юре было отчего потирать руки. Петру – тоже, учитывая не только факт обладания чем-то невиданным, практически – сказочным, но и налоги, которые потекут в государственную казну. Финансовое положение страны было вполне нормальным даже невзирая на продолжающуюся войну, строительство городов и флотов, покупку Курляндии. Не в последнюю очередь благодаря расширяющейся торговле с Европой. Продавали мы не только сырье, но гораздо более дорогие вещи, произведенные в корпорации Флейшмана. Недаром в числе акционеров помимо нашей компании числились сам Петр, Меншиков и масса других лиц.

На третий день после триумфа в Ригу пришло известие о разгроме Августа. Карл внезапно очнулся от спячки, совершил стремительный марш-бросок и в генеральном сражении нанес саксонцам сокрушительное поражение. Именно так понял я довольно туманное послание, в котором говорилось об отходе Августа на более выгодные позиции в глубь страны. Не очень ясна была роль русских войск. Буквально за три месяца Вейде в них сменил Репнин. Аникита доносил, что полки нанесли шведам огромный урон и отступили лишь потому, что отступила вся саксонская армия. Но что-то в его словах настораживало. Как-то не слишком убедительно описывалась стойкость русских войск, да и проскальзывало между строк нечто такое, что заставляло подозревать гораздо худшее.

Спустя неделю дипломаты по своим каналам подтвердили мои худшие опасения. Победа Карла была убедительна. Саксонцев буквально раздолбали, обратили в бегство. Да и Репнин зачем-то занял в начале боя абсолютно невыгодную позицию, собрал все свои войска на небольшом холме, на котором негде было даже толком развернуться, и после первой же атаки отступил в величайшем беспорядке. Последние два слова на военном языке обозначают то же самое бегство, но уже облагороженное нежеланием огорчать вышестоящее начальство.

Нет. Войну надо было заканчивать как можно скорее и любой ценой. Дел слишком много, а времени мало, чтобы тратить его на бесконечные схватки.

Я слишком долго не хотел применять радикальные средства. Наверное, зря. Сколько в моем прошлом длилась Северная война? Больше двадцати лет? Не много ли?

Хоть не лежала у меня душа к вполне естественному шагу, однако другого выхода я не видел.

Что ж... Охотничья команда создавалась не только для захвата городов. Надеюсь, я пока не слишком состарился.

И обязательно надо захватить Гангут и западное побережье Финляндии. Если нынешний мой план почему-то не удастся, есть же еще барклаевские тропы. Михайло Богданович ведал толк в войне...

32. Неудачная охота

В корчме было малоллюдно. Неудивительно. Вся ближайшая территория была объята войной, и не всегда было понятно, кто против кого воюет. Но уж местным жителям доставалось ото всех проходящих мимо, будь то шведы, саксонцы или шляхта из соседнего воеводства. Тут подумаешь, стоит лишний раз покидать дом, коль на дорогах творится непонятно что.

Хотя дома тоже не слишком безопасно. Война требует денег, продуктов, фуража, а простейший способ их получения – реквизиции у местного населения. Кому же подобный способ кажется не вполне справедливым, всегда докажут, что лучше расстаться с накопленным или заработанным добровольно, чем вместе с жизнью.

А что? Раз солдаты воюют, то несправедливо, когда прочий народ не разделяет выпавших на долю служивых трудов и лишений.

Владельцу корчмы тоже было не слишком весело. Закрывать заведение до лучших времен – так околеешь с голода. Продолжать дело – ничего, что путники редки. Цены в годы войны растут, соответственно, навар тоже. Но всегда могут заявиться служивые любой армии и взять все бесплатно. А то и не служивые, просто дезертиры или обычные грабители. Разницы почти никакой.

На этот раз в зале было две компании, на опытный взгляд корчмаря связанные между собой.

В одном углу восседало полдюжины разнообразно одетых крепких мужчин. Все вооруженные, при саблях и пистолетах, да еще у каждого под рукой в чехле лежит ружье. По виду мужчины – типичные наемники. Искатели простого человеческого счастья на фоне общей беды. Говорили они между собой по-французски, что не слишком удивительно. Во время войны кого только не встретишь на дорогах! У них там тоже, сказывают, свои заварушки.

Вопреки предполагаемой профессии, мужчины не столько пили, сколько ели. Но не всегда же кутить! Раз комнаты для ночлега не заказывали, то после обеда наверняка тронутся дальше. А пьяному любая дорога становится длиннее.

Трое мужчин расположились в стороне от большой компании. Один – местный, в ермолке и с характерным носом и толстыми губами – был явным земляком корчмаря. Двое других, побогаче одетых, являли загадку намного сложнее. Один вроде бы тянул на немца. Во всяком случае, говорил он на смеси немецкого с польским, довольно типичной для вечно ищущих теплого местечка жителей одной из германских земель. Второй же, со шрамом на лице, немецкого явно не знал, но и по-польски не говорил. Если что требовалось, уточнял по-французски, но был ли этот язык ему родным? Вроде бы пару раз в его речи мелькнуло несколько слов, похожих на речь здешних крестьян.

Какая разница? Лишь бы платили. А заплачено было сразу и не торгуясь. И полдюжиной проезжих наемников, и двумя, выслушивающими земляка корчмаря.

Но о чем говорит троица, лучше не слушать. Меньше знаешь, крепче спишь. Если же что долетало до ушей, то хозяин старался как можно скорее забыть об этом. Кое-что разобрал в самом начале и теперь решил: дальше не стоит. Не ровен час...

Француз со шрамом внимательно вслушивался в то, что говорил земляк корчмаря, но то и дело спрашивал своего напарника, что означает то или иное выражение.

– ...Пан Ковальский завтра с утра обещал незабываемую охоту. Сегодня они, понятно, гуляют. Чего не гулять, когда дом Ковальского – полная чаша? Я бы тоже гулял, если бы был так богат. Но откуда у меня могут быть такие деньги? Только ясновельможные паны, да и то не все, могут позволить себе не считать золота. В то время как остальным приходится дрожать над каждым грошом. Да и тот пытаются отобрать все, кому не лень. Те же

ясновельможные паны. Вот потому они такие богатые, а Янкель – бедный и не может свести концы с концами...

– Спроси его, сколько там будет человек. – Французу явно надоело выслушивать сетования на судьбу. Но если хочешь получить информацию, будь готов попутно узнать все, что думает человек о несправедливости окружающего мира.

– Сколько человек? С ним к пану Ковальскому прибыло около сотни. Или две. Да и у пана около сотни прихлебателей и егерей. Крестьян же без счета, но кого интересуют крестьяне? Мир создан для богатых. Кто-то живет, а кто-то – существует...

– Так сотня или две? – Губы француза чуть скривились в улыбку.

– Сотня или две? Но когда же я мог посчитать? Едут и едут. Все конные, при оружии, веселые. Будешь тут веселым, когда впереди праздник! Так всегда – кто-то может себе позволить забавляться и гулять, пока остальные вынуждены гнуть спину из-за куска хлеба...

– Хорошо, – прервал излияния собеседника француз. – Где именно будут охотиться, знаешь?

– Знаю ли я место охоты? Да кто же его не знает! Здесь лишь в одном лесу можно найти достойную дичь. Хотя я не охотник, но прекрасно ведаю, куда ездят за добычей пан Ковальский с гостями...

– Вот тебе обещанный задаток. Если слова подтвердятся, получишь остальную сумму. – Француз выложил на стол увесистый кошелёк, который мгновенно исчез в складках одежды Янкеля. Словно его никогда не было.

– Как не подтвердятся? Конечно подтвердятся, – бормотал при этом Янкель. – Раз я обещал, то сделаю все...

– Мне нужна пара проводников, хорошо знающих лес. Желательно – из числа крестьян, – весомо проговорил француз, не обращая больше внимания на речи собеседника.

– Пара проводников? Будут. Сейчас же будут. Между нами, крестьяне очень недолюбливают ясновельможного пана. За что его любить, когда он творит в округе все, что хочет? А желания у него бывают такие дурные...

– Вот и хорошо, – подвел итог наниматель.

Плохое тоже может быть хорошим. Для посторонних людей.

Карл Двенадцатый жил одной страстью – войной. Все прочее не играло особой роли в его жизни. Смелый до безрассудства, пылкий, напористый, он не любил мирных повседневных дел. Всякие налоги, законы, переговоры... Разве это занятия для настоящего мужчины? Славу приносит только война, а все прочее – откровенный вздор. Молодого короля даже не смущали понесенные поражения. Слабый ломается при неудачах, сильный становится еще сильнее. Карл был сильным.

Поражения лишь закалили его волю. Он сумел учесть кое-какие ошибки и теперь вновь горел желанием помериться силами с врагом. Пусть даже придется воевать против всего света.

Первая победа окрылила короля. В его голове возник новый план кампании. Русские сами разделили свои силы. Следовательно, надо громить их по частям. Одна часть в Польше уже разбита, тут Кабанов был прав. Победителям в числе прочего достались не только десятки пушек, но и штуцера, и даже несколько револьверных ружей. Правда, патронов к последним практически не было. Но и то...

Оставалось решить, куда теперь обрушить следующий удар. Некоторое время Карл преследовал отходящие войска Августа, а сам все строил дальнейшие планы. Что лучше – добить незадачливого курфюрста или же первым делом разобраться с более грозным противником? Наверное, все же второе.

И шведы повернули к южным рубежам Московии. По данным разведки, находившаяся там русская армия на две трети состояла из малороссийских казаков, в правильном сра-

жении более слабых, чем регулярные части. Да и жила надежда, что уж теперь-то можно будет рассчитывать на помощь крымских татар. Вечные разбойники, они вряд ли упустят случай в очередной раз пройти по тылам общего врага. А там, глядишь, султан очнется от спячки и тоже захочет вернуть то, что потеряно в последней войне. У Петра же после двойного разгрома просто не хватит сил продолжать бороться дальше. Когда от армии останется едва ли треть, где тут будет прикрыть Лифляндию с Курляндией, защитить столицу да еще богатейший южный край? Новые полки не рождаются по мановению руки. А старых будет слишком мало.

Так что теперь посмотрим, кто кого. Да и смотреть тут не надо. Теперь уж никакое оружие противнику не поможет.

Пройдя половину пути, армия была вынуждена остановиться. Даже при самом высоком духе нельзя совсем забывать о питании тела. Время уборки урожая еще не наступило, запасы продуктов у жителей были невелики. Приходилось заняться их сбором, чтобы обеспечить войска хотя бы на пару недель.

Денег у Карла не было. Война пожирает средства с немыслимой быстротой. А тут еще захват колоний больно ударил по скудной казне государства, лишил ее дохода как с заморских земель, так и с торговых пошлин. Пришлось прибегнуть к реквизициям. В общем-то, обычное дело на любой войне, которая протекает вдали от дома.

Пока же солдаты волокут к организуемым армейским магазинам все, что только найдется у крестьян, почему бы не воспользоваться любезным предложением одного из окрестных панов и не принять участия в охоте? Охоту Карл любил, хотя и несколько меньше войны. А тут такой случай...

Правда, вполне возможно, что причина любезности знатного шляхтича крылась в том, что, побывав в гостях, Карл отдаст своим людям приказ обходить земли хозяина стороной и, уж во всяком случае, не будет грабить всех подряд.

Столы ломились от напитков и снеди. Оголодавшие гости глотали все в невероятных количествах, но и вполне сытые хозяева старались не отстать. На охоту надлежало выехать с зарей. Тем не менее спать разбрелись поздно. А большинство так и осталось в зале, заснув кто под столами, кто на полу, а кто и лицом в блюдах с объедками. Гостеприимство пана Ковальского распространялось настолько далеко, что даже немногочисленным шведским солдатам, обязанным охранять своего повелителя, досталась своя доля выпивки и обильной закуски. Сомлевшие часовые едва стояли на посту, даже не подозревая, что Командор в последний момент решил изменить первоначальный план.

Впрочем, ни о каком первоначальном плане, как и вообще о присутствии поблизости Командора, никто из находившихся в усадьбе понятия не имел. Меж тем логика была простейшая. Сначала Кабанов решил подкараулить охотников в лесу, превратить их в дичь, но затем решил не изобретать сущностей сверх необходимого. До ближайшей шведской части было чуть ли не десяток верст, стоит ли особо осторожничать? Так, выставить в соответствующих направлениях дозоры из бывших с отрядом казаков. Эти не проворонят. Да и кто решится помешать своему королю предаться мужской забаве?

В каждом деле существует своего рода классика. Время медленно приближалось к утру. Часовых клонило в сон. Обильная еда, не менее обильная выпивка, начинающееся похмелье у одних и продолжающееся опьянение у других. Они находились в завоеванной стране и даже мысли не допускали, что кто-то вдруг решится напасть на победителей. Не было никаких мыслей в их головах. Только желание достоять оставшееся время да завалиться поспать хотя бы на пару часов.

Всех собак пан Ковальский предусмотрительно запер. При таком обилии гостей они могли пролаять всю ночь. Не столько на воображаемых врагов, сколько на шатающихся по пьяни друзей. К чему тревоги без всякого повода?

На этот раз егеря и бывшие флибустьеры действовали жестко. В полном согласии с полученным приказом. С курляндцами Командор воевать не собирался. Весь захват митавского дворца был предпринят с целью договориться с правителями герцогства. Сейчас Кабанов ни с кем договариваться не собирался. Его небольшой отряд из охотничьей команды лейб-гвардии Егерского полка, бывших соплавателей и сотни казаков почти две недели незаметно следовал за шведской армией, выжидая удобного момента для нападения.

Шведы грабили мирное население – крестьян, горожан, еврейские общины, всячески бесчинствовали, и потому недовольных ими хватало. Если же недовольному еще и заплачивать, то он всегда будет готов превратиться в разведчика. Потому Командор был неплохо осведомлен о перемещениях отрядов противника, и особенно того человека, ради которого он находился чуть ли не посреди вражеских войск.

Не зря Кабанов и Ширяев постоянно гоняли команду. Дело свое охотники знали прекрасно. Зато если гвардия имела старшинство по сравнению с армией на два чина, то охотничья команда – на целых четыре. Простой солдат в ней равнялся армейскому прапорщику, а уж сержант – вообще капитану. Но и на дело сейчас их вели три генерала, причем один – генерал-аншеф. Кому сказать – ни за что не поверят.

В предутреннем тумане бесшумно скользнули тени. Все было давно отработано до мелочей и на бесчисленных тренировках, и на практике. Первую линию постов миновали не хуже, чем на учениях.

Усадьба пана Ковальского представляла собой целый комплекс зданий. Помимо основного дома, внутри обширнейшего двора стояли несколько флигелей и флигельков, многочисленные овины, конюшни, амбары, вплоть до крохотной казармы на случай, если хозяину будет угодно обзавестись небольшой армией.

В казармах теперь, понятно, располагалась прибывшая вместе с королем охрана. А вот многочисленная офицерская свита могла быть где угодно. Наверняка частями, группами, группками и поодиночке, в зависимости от чинов, близости к королю и стойкости во время вчерашнего пира.

Лучше, когда все рядом. Хоть можно вязать всем скопом, без опасений, что некто особо удачливый избежал всеобщей участи.

Доброхоты из местных крестьян – судя поговору, этнических белорусов или украинцев, точно говор Командор определить затруднился, все же не современный ему, а с приставкой старо-, да еще в приложении к местности, само же дело происходило где-то на стыке будущих государств – подробно обрисовали, где и что находится, даже составили некое подобие плана, и теперь нападавшие действовали наверняка.

Ни одно строение не осталось без присмотра. На всякий случай группа поддержки окружила усадьбу цепочкой, и теперь наступило время начинать.

Все по-прежнему совершалось в темноте, без удалых а-ля разбойничьих посвистов, криков и резких команд. Роли распределены заранее, зачем же сопровождать их лишним шумом? Не в театре, аплодисментов и криков «бис» все равно не дожждаться. Слава богу! Не стоит слишком часто захватывать в плен чужих королей. Европа не поймет, еще обидится, войной пойдет... И куда потом всех пленных королей девать прикажете?

С одним тут предстоит хлопот...

Как всегда в операциях такого рода, без накладок не обошлось. То ли кто-то проснулся слишком рано, то ли, напротив, еще не лег, но в стороне послышался испуганный крик, и почти сразу грянул пистолетный выстрел. Многие шляхтичи постоянно таскали на себе оружие, словно опасаясь, что снимут – а потом не найдут. Жулья везде хватает...

Группа Кабанова в этот момент еще не успела достичь главной усадьбы. Теперь все решали секунды.

Надо отдать должное парным часовым у входа. Оба среагировали почти мгновенно. Один из них немедленно вскинул ружье и тут же повалился со стрелой в горле – находившийся рядом с Командором Ахмед всегда славился отменной стрельбой из лука.

Второй часовой успел раскрыть двери в дом и прокричать что-то короткое. По всей вероятности, хрестоматийное в подобных случаях «Тревога!». Крик тут же сменился стоном – татарин, как многие представители его народа, умел «держаться» в воздухе по нескольку стрел, и сейчас одна из них торчала из спины солдата.

Но крик сделал свое дело. Шведы были действительно прекрасными вояками, и кое-кто из них сумел не только пробудиться, но и схватиться за оружие.

Охотники ворвались в дом и ринулись по лестницам и коридорам. Те из гостей и хозяев, кто принял вчера чуть побольше или спал чуть покрепче, очухались, когда на них уже были наставлены стволы револьверных ружей. Большинство сдалось, даже не понимая толком кому. Другие, еще не до конца протрезвевшие, в пьяном угаре бросились на егерей и поплавились жизнью. Но кое-где вспыхнули короткие схватки, ничего особенно уже не решающие, однако от этого не менее жестокие.

Сам Командор рвался на второй этаж. Туда, где, по всем предположениям и предварительным данным, должны были находиться покои короля.

В конце лестницы у входа в коридор, освещенный торчащими из стен канделябрами со свечами, тоже маячили часовые, лишний раз демонстрируя, что нападавшие находятся на правильном пути. Командор на ходу метнул нож в одного часового. Другого таким же манером достал Антуан.

Еще двое часовых около одних из дверей успели подготовиться получше. Грянули два выстрела. Рядом с Кабановым вскрикнул раненый егерь. Вторая пуля просвистела рядом с головой и умчалась куда-то дальше. В ответ сразу несколько человек выстрелили, не замедляя бега, и оба храбреца повалились перед последней преградой.

Двустворчатая дверь оказалась закрытой изнутри. В ответ на попытки ее открыть по ту сторону загрохотали пистолеты и из двери полетела щепка. Кто-то из находившихся в королевской передней стрелял наугад, пытаясь защитить своего сюзерена.

Егеря поневоле отпрянули в стороны. Внезапно откуда-то вынырнул Василий с огромной вазой в руках. Здоровяк не раздумывая использовал ее как таран. Сила удара была такова, что двери сорвало с петель.

Командор первым ворвался в светлое, благодаря тем же свечам, но задымленное помещение.

Здесь находились четверо шведских офицеров. Не то королевская охрана, не то адъютанты. Пистолеты у них оказались разряженными, зато в крепких руках сверкнули обнаженные шпаги.

Клинки скрестились. Перед королевской опочивальней стрелять егерям не хотелось. Королей берут живьем, а пуля – дура. Еще ненароком пробьет дверь в спальню, и останешься без ценного приза. Брать так брать.

Шведы дрались отчаянно и умело. Они защищали не только короля – свою честь. Да и воинами эти четверо были превосходными. Кабанов с радостью зачислил бы таких в свой полк.

Упал один из егерей. В ту же секунду Василий изловчился и огрел одного из офицеров креслом по голове. Кресло было массивным, голова – тоже. Мебель не устояла, сломалась, но и владелец головы повалился на пол. Не понять – оглушенный или мертвый.

Второго шведа сразил Командор. Без особых затей, сумев изловчиться и полоснуть клинком пониже грудной клетки. В бою гуманизма не бывает...

И тут же врагов оказалось на одного больше. Из королевской опочивальни выскочил молодой человек лет двадцати трех. Судя по имевшимся описаниям, сам Карл Двенадцатый

собственной персоной. Почти полностью одетый, разве что в расстегнутом камзоле, скорее всего так и спавший после пира, но ни его движения, ни лицо не несли следа жестокой пьянки.

Напор короля был поразительным. Оказавшийся на его пути Антуан, старый соплататель из числа самых первых, был зарублен сразу. Другого егеря королевская шпага пробила насквозь. Лишь Ахмед неведомым образом успел отскочить в сторону и тем избежать гибели.

Король продолжал рваться вперед. Тяжелая шпага, скорее даже легкий меч, с легкостью порхала в его руке. Командор принял очередной удар на свой клинок и смог оценить физическую силу противника.

Все же годы брали свое. Одиннадцать с лишним лет в этом времени, а ведь не зря существует крайний срок выхода офицера на пенсию. Не из-за заботы о человеке. Исключительно потому, что с годами начинает падать реакция и ухудшаться здоровье. На здоровье Командор пока почти не жаловался, но в сегодняшней схватке впервые почувствовал, что тело движется уже не так проворно, как несколько лет тому назад.

Карл был не просто молод. В бою он совершенно терял голову и был готов драться хоть с сотней, причем ни в коем случае не стал бы просить пощады.

Но Кабанову король был нужен живым. Потому схватка шла не на равных. Командор старался только обезоружить противника, тот же стремился убить всех нападавших, собравшихся в комнате.

Число в подобных делах лишь мешает. Места без того не хватало. Стены, мебель, двое шведских офицеров, пятерка егерей во главе со своим прославленным предводителем, тела под ногами...

Кабанов предпочел бы поединок один на один. Тогда бы было много легче. Здесь же нельзя было толком уклониться и приходилось парировать каждый удар.

Карл почти не защищался, лишь непрерывно атаковал. Он сумел вскользь зацепить Командора, тут же повернулся и занес клинок над сцепившимся с другим офицером Васькой.

Кабанов машинально сделал стремительный выпад. Он целил королю в правое плечо. Пусть Карл – правитель государства, весьма крупного по нынешним меркам, но это не дает ему права убивать уже второго из близких соратников Командора. Удар был выверен и рассчитан долгой практикой, и Сергей гарантировал его точность, однако противник как раз в этот момент споткнулся о тело Антуана, дернулся, и шпага Командора, остро наточенная, прошедшая со своим хозяином всю флибустьерскую эпопею, вместо плеча пронзила королю грудь. Да еще под таким углом, что острие рвалось не к спине, а к противоположному боку.

Рывок назад в попытке уменьшить вред... Но уже во время этого движения Кабанов почувствовал: напрасно. Карл еще развернулся к нему, глаза шведа сверкали ненавистью, но в углу раскрытого рта появилась кровавая пена.

Король попытался достать своего убийцу ответным выпадом. Молодой, отчаянный, еще не осознавший собственную нелепую смерть, продолжающий жить в бою и таковым оставшийся в памяти...

Выпад был отбит. Карл резко занес шпагу для рубящего удара, но это уже было последним осознанным движением. Остальные были агонией...

– Я не хотел...

Сердце Командора кольнуло. Смерть короля никак не входила в планы, напротив, была вредной, но еще никогда и никому не удалось повернуть время и переиграть случившееся.

Судьба...

Судя по всему, бой в усадьбе уже закончился, и Командору осталось бросить привычное:

– Доложить о потерях.

В тылу врага он не имел права ни на какие сантименты.

Если же совсем честно, то настоящего раскаяния не было. Рядом с Карлом лежал Антуан, а он в глазах Командора стоил всех правителей европейских стран, вместе взятых. Его было жаль. Но и это позже, позже...

33. Командор. Барклаевскими тропами

Холод стоял чувствительный. Оставалось поблагодарить себя за предусмотрительность. Введенная по моему настоянию еще после захвата Риги шинель имела на спине складку, стянутую в походном положении хлястиком. Стоило расстегнуть хлястик – шинель становилась настолько широкой, что полностью могла сойти за небольшую палатку. Собственно, подобные шинели носила царская армия, вот только, сколько помнится, немного позже. Если не ошибаюсь – со времен Павла.

Тяжеловатая, зато спать в ней можно прямо на снегу. Если же добавить теплое белье, шерстяной жилет, валенки, то все обстояло совсем не так плохо.

И все равно холод чувствовался. Каждый вдох вносил в легкие морозный воздух. Пусть от ходьбы потела спина, а попробуй сними рукавицы – и руки замерзнут в момент.

Хорошо еще, лед сверху был замечен снегом и было не скользко. Зато бесконечные торосы не позволяли использовать лыжи. Лежали в санях запасы, не все же солдату тащить на горбу, но это уже по прибытии...

Артиллерия перевозилась на санях. Стрелять с них было невозможно, однако время привести все в боевое положение у нас будет. Сейчас главное – не сражаться, а просто дойти.

Поход частенько бывает сложнее любого сражения. И уж всегда длится намного дольше.

Два дня в довершение всех напастей дул сильный ветер. С ног он не сбивал, просто все эти зефиры субъективно добавляют не меньше десятка градусов мороза. Пока бредешь – грешься от ходьбы, но на привале терпеть его было невыносимо. Спрятаться же просто негде.

Даже костры разжечь было не из чего. Нельзя наращивать обоз до бесконечности. Иначе получится, что не он дан в помощь строевым солдатам, а строевые солдаты даны в помощь ему. Сани-то иногда вытягивать из сугробов надо, помогать преодолевать те же торосы, и вообще, у лошадей тоже существует некий предел выносливости. Наши четвероногие соратники и соратницы брели покрытые попонами. Даже кавалеристы предпочитали проделывать путь пешком. В седле по такой погоде намного холоднее.

Небольшой запас дров все же был. На морозе людям хотя бы пару раз в сутки необходима горячая пища. Классические русские щи, жирные, наваристые, за которые хорошо садиться после принятой внутрь чарки водки.

Хотя дрова уже кончались. И сплошная ледяная равнина вокруг, на которой по определению не может расти ни одно растение. Зато под нами толстая кромка льда и масса воды...

Бесконечная изнуряющая дорога. Ранним утром – подъем, попытка как-то разогреть задеревеневшие за ночь мышцы, завтрак и монотонное движение среди выматывающе-однообразного пейзажа. Глазу буквально не за что зацепиться. Что эта верста, что предыдущая – ни малейшей разницы. Переставляй уставшие ноги да волочи на себе то, что позднее назовут полной выкладкой.

Даже в моем давнем прошлом, когда многие от безделья нарочно придумывали для себя всевозможные трудности, – а как же, надо же чем-то гордиться! – ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь попробовал освоить наш нынешний маршрут. Но грядущие экстремалы совершали путешествия и походы ради пустой славы, а мы – по велению долга и необходимости. Войну-то заканчивать надо!

Мы хорошо помнили, что Северная война долго длилась даже после потери Швецией армии под Полтавой, а затем – своего воинственного короля где-то не то в Померании, не то в Польше. Потому мне так хотелось захватить Карла в плен. Пленный король – это отнюдь не то что король убитый. Наши проблемы могли разрешиться без дальнейших напряжений. Но – не удалось.

Шведская армия была остановлена, рейд к Малороссии заглох сам собой, однако на новые мирные предложения вновь не последовало никакого ответа. Напротив, шведы активизировали свои действия. Их небольшие отряды постоянно нападали на наши посты в устье Невы. Шведские каперы едва не парализовали торговлю в Балтийском море. Мы могли контролировать только Рижский залив и прибрежные воды Курляндии. Были, правда, ответные рейды, однако моряков было мало, хороших кораблей – тоже, и большой погоды они не делали.

Хорошо, англичане, остро нуждавшиеся в нашем оружии и сырье, стали формировать конвои и теперь ходили в Ригу исключительно под охраной. Но подобное положение могло тянуться годами, а мы не хотели ждать.

Гибель Карла уменьшила количество сторонников Лещинского. Август вновь претендовал на польский престол. Бардак там продолжался. Можно было бы собрать армию и попытаться вновь встретиться с находившимися там шведами в открытом бою. Вот только принесет ли это победу или метрополия будет упорствовать, скрываясь за морской преградой?

Десант в Швецию исключался. Это сложнейшая операция с неизбежным морским сражением с главными силами наших противников. Потери даже при успехе могли оказаться такими, что еще вопрос, будет ли победа победой.

К несчастью шведов, великий русский полководец Барклай-де-Толли как-то доказал, что берегов Скандинавии можно достигнуть посуху. Хотя наши противники, похоже, об этом даже не подозревали. Оставалось повторить путь наших потомков, пусть сама фраза звучит несколько странно.

Высадка на Гангуте состоялась еще летом, пока я преследовал Карла. С бесконечными стычками, в неблагоприятной местности наши войска сумели закрепиться не только на полуострове, но и на более северном побережье. Их пытались бить с суши, высаживали тактические десанты с Ботнического залива, успехи чередовались с неудачами, однако несколько полков сумели продержаться до зимы. Дальнейшее же было уже вопросом организации.

Вопреки всем правилам, Шереметев усилил демонстрации против шведов на юге. При дворе Петра, фактически располагавшемся в Риге, точнее, во вновь отстроенных пригородах, дозированно распускались слухи о грядущем завоевании Финляндии. Говорили про усиление войск в Польше. Обо всем, кроме того, что предстояло в ближайшем времени.

Меж тем потихоньку в западную Финляндию переправлялись необходимые запасы. Двигаться предстояло по ледяной пустыне, следовательно, все необходимое тащить на себе и с собой. Продукты, фураж, боеприпасы, даже дрова, а сверх того – кучу мелочей, без которых невозможно функционирование армии и человеческое существование.

Эстляндия и Лифляндия – не самые богатые провинции нарождающейся империи. Многое пришлось доставлять из России. Да еще делать это по возможности скрытно, чтобы никто не сумел проведать наши планы. В итоге подготовка затянулась.

Стоял февраль тысяча семьсот четвертого года, когда экспедиционный корпус наконец-то сошел на лед Ботнического залива. Все три гвардейских полка, четыре армейских фузилерных, два драгунских и два казачьих. Плюс необходимая артиллерия, считая ракетные установки и большой обоз.

Раз идея похода принадлежала мне, то и возглавил корпус тоже я. Пехотой командовал Клюгенау, артиллерией – Гранье, кавалерией – Меншиков. Кроме того, с нами шел царевич Алексей в качестве моего воспитанника и Марат Ширяев. Сын моего старого сослуживца и друга всю кампанию, уже вторую, отходил юнгой, сумел заслужить уважение наших старых карибских волков и благоволение Петра, а теперь отрабатывал полученное звание сержанта Егерского полка. Правда, никем он не командовал, лишь числился моим ординарцем, но чувствовалось: мальчишка пойдет далеко.

Мог бы быть и с отцом – Григорий, разумеется, тоже участвовал в походе, – но почетный шеф охотничьей команды сам решил, чтобы сын был при мне.

Жаль, своих сыновей в поход я взять не мог. Не говорю про младшенького, но даже Андрей был маловат для подобного предприятия. Еще бы пару лет...

Сам поход был тяжелым. Намного тяжелее любого сражения. Постоянный холод, глыбы льда, через которые приходилось перебираться, тяжести, которые приходилось тащить... Никаких мыслей, никаких чувств, ничего, кроме усталости и желания хоть ненадолго очутиться в тепле.

Ветер, один раз – метель. Сам путь был разведан заранее, для его разметки были привлечены все выпускники Квартирьерской школы. Этакое подобие практического экзамена. Их небольшие посты, заранее выдвинутые вперед, не позволяли нам заблудиться посреди ледяного однообразия. В противном случае не знаю, как бы мы сумели выйти к намеченной точке.

Люди нуждались в примере. Потому практически весь путь я прошел пешком, наравне с простыми солдатами. Только иногда Ахмед подводил мне коня, и я объезжал чрезвычайно растянувшуюся колонну. Перебрасывался с солдатами и офицерами репликами, старался шутить, насколько позволяли застывшие от холода и усталости мозги... Но в глазах армии командующий обязан всегда выглядеть бодрым, и я старался, как мог, соответствовать этому образу. Тут главным было заставить двигаться непослушные челюсти да следить, чтобы голос звучал не слишком сипло.

Отставших не было. Каждый понимал, что остаться одному означало погибнуть, и потому двигался, даже когда не было никаких сил. Люди брели вперед, машинально подталкивали застревавшие порою сани с припасами, и далекий шведский берег становился все ближе. Хотя и недостаточно быстро, чем нам всем хотелось бы.

Хуже всего было в последние сутки. Близость вражеской земли не позволила разжечь костры. Нельзя было допустить, чтобы нас заметили раньше времени. Лучше уж как-нибудь перетерпеть.

Мы терпели. Я не слышал ни одной жалобы, словно люди прогуливались, а не совершали тяжелейший поход. Грызли промерзшие сухари, утоляли жажду снегом и шли как заведенные, наверняка уже не представляя, что ждет нас у цели.

Казалось, согреться не суждено уже никогда. Каждая клеточка тела промерзла насквозь. Никакой костер не смог бы растопить накопившийся в организме холод. Но даже царевич не жаловался. Только вырывался пар от дыхания да в глазах стыл тот же лед.

К берегу мы вышли утром. В целях большей внезапности последние участки маршрута были проделаны без ночевки. Корпус брел в кромешной тьме, не освещаемой даже предавшими нас звездами. Наконец в тусклом свете зарождающегося зимнего пасмурного утра дозоры ступили на твердую землю.

Солдаты падали на заснеженные камни, какое-то время лежали и упрямо вставали, чтобы идти дальше. Прямоком к вражеской столице.

Войска были вымотаны настолько, что у наших противников были неплохие шансы нанести нам поражение. Вряд ли солдаты смогли бы действовать штыками в полную силу. Даже метко и сноровисто стрелять было бы трудновато. Пусть основные и лучшие силы шведской армии до сих пор находились в Польше, перевеса противникам сейчас просто не требовалось. Но гордые и смелые скандинавы были деморализованы нашим появлением. Эти земли несколько веков не видели врагов. Мы наверняка казались шведам этакими выходцами из страшных сказок, потусторонними существами, бороться с которыми бессмысленно и безнадежно.

Воля к сопротивлению у противника была сломлена. Они даже не смогли сосчитать, сколько нас. Впрочем, чтобы помешать шведам заняться арифметикой, мы наступали на

город несколькими отрядами с разных сторон, развернутым строем, создающим впечатление больших сил, с мельканием кавалерии и чуть ли не включением обозных саней в боевые порядки. Издалека выглядело внушительно. Вблизи рассматривать нас не рекомендовалось. Щеки у всех заросли щетиной, лица красные от мороза и ветра, глаза – от недосыпания, всех пошатывает от усталости... Банда разбойников, а не регулярная армия. Но бандиты пугают многих гораздо больше, чем солдаты. Хотя после удачного штурма последние весьма похожи на первых.

Шведы явно не поверили своим глазам. Настолько, что послали парламентаря. И первый вопрос офицера был достаточно красноречив: «Кто вы такие?»

– Генерал-аншеф русской армии Кабанов, – представился я.

Известность порой помимо минусов имеет определенные плюсы. Парламентарь взглянул на меня, как средневековый монах посмотрел бы на появившегося перед ним дьявола.

– Раз уж вы все равно здесь, то передайте, пожалуйста, вот этот ультиматум, а также известите всех, что через два часа я буду иметь честь атаковать Стокгольм.

Бумага с ультиматумом была изготовлена заранее. Обычное требование сдать город без боя с обещанием в этом случае всех милостей и благ. В противном же случае, тоже как обычно, сообщение, что после штурма город будет на три дня отдан на разграбление.

В ответ на подобный же ультиматум полковник Горн послал меня далеко, хотя и совсем не по-русски: всего лишь к черту. Думается, бывший губернатор Риги Дальберг поступил бы так же. Если бы я допустил до этого.

Гарнизоны столиц не имеют ничего общего с гарнизонами беспокойных областей. Никакой угрозы даже в отдаленном будущем. Близость королевского двора заставляет уделять больше времени не боевой подготовке, а всевозможным торжественным церемониалам. Даже офицеры делают карьеру не столько боевую, сколько придворную. Воинского духа в них хватает лишь на подкручивание усов в обществе блистательных дам да похвальбу былыми, а чаще – грядущими успехами.

Конечно, сыграли свою роль наше внезапное появление под стенами, прошлые победы, а также моя репутация.

Я блефовал насчет двух часов. Люди устали настолько, что вести их в бой было бы очень трудно. Но назначенное время еще не истекло, когда от города отделилась торжественная манифестация и сам бургомистр подобострастно поднес мне на блюде здоровенные ключи, к которым наверняка давно не было никаких замков.

Ключи от города Стокгольма...

Стоявшие рядом со мной Алексашка, Жан-Жак, Дитрих, Гриша и царевич расцвели торжествующими улыбками. Словно не было тяжеленного перехода и мы перенеслись сюда по воздуху. Я же не чувствовал никакой радости, только усталость. В голове бесконечно вертелось: «Вот и все... Вот и все...»

А ведь на самом деле – все. И когда я осознал это, мне вдруг захотелось петь.

– Вот и все. – Прибывший Петр самодовольно оглядывал чужую столицу.

Действительно, фактически все было закончено. Дипломаты уточняли последние спорные пункты мирного договора, но главное уже было ясно. Россия окончательно присоединяла к себе завоеванные земли в Прибалтике, получала первоочередное право закупать у наших недавних противников железо вместо сомнительной, из-за состояния шведской казны, контрибуции. Никакой платы за новые земли, как было в моей реальности, разумеется, не было.

Мы твердой ногой становились у моря. Не пресловутое окно, а нормальные двери, давным-давно известные, пользовавшиеся когда-то определенной популярностью у разноязыкой купеческой братии. И даже эти двери значительно расширены. Уже сейчас новый город, стремительно растущий рядом со старой Ригой, в несколько раз превышал ее по пло-

щади. Он же не был изначально замкнут в кольцо стен! Да и строений в нем – Адмиралтейство, многочисленные мастерские для флота, военные городки для гвардейских полков, куча особняков, церкви, включая спешно достраивающийся собор Святого Петра... И по населению оба города успели сравняться, хотя Риге много веков, а ее пригороду нет и трех лет.

Но как же иначе? С любовью государя к морю здесь уже негласная столица грядущей империи. Пока негласная. Я сам несколько раз слышал, когда жители пригорода говорили друг другу: «Давай съездим в Ригу», имея в виду старое немецкое поселение. Новые кварталы были русскими...

Теперь мы, командовавшие переходом генералы, стояли рядом с царем и разглядывали чужой город.

– Красиво. Правда, фельдмаршал? – спросил меня Петр.

– Да, государь.

И лишь чуть позже до меня дошел смысл сказанного. Я посмотрел на своих спутников – уж не ослышался ли? – и по завистливо вытянувшемуся лицу Алексашки понял, что нет.

Пока шла война, мы действовали сообща. Меншиков признавал мой авторитет во многих вопросах. Но сейчас, в дни мира, начнутся неизбежные интриги, а в эти игры я не игрок. Тут еще неясно, как сложится судьба. Хотя... Еще столько дел впереди. Мы ведь в самом начале пути.

– Скажи, фельдмаршал, ты ничего не потерял по дороге сюда? – Петру явно понравилось называть меня новым званием.

– Трубка и табак со мной, а больше ничего я не брал.

– Обманиваешь, – плутовато улыбнулся Петр. – Потерял, а я, представь себе, нашел.

Он протянул мне сверток. Я развернул ткань и увидел там оранжево-черную ленту «цвета дыма и пламени» и ромбическую звезду Георгия первой степени.

– Я же не выиграл сражения! – Награда казалась столь высокой, что принять ее было неловко.

– Зато выиграл войну, – отрезал царь. Он повернулся к моим товарищам по походу: – И вы потеряли тоже. Вот компания подобралась! Пришлось мне собирать ваши Георгии второй степени.

Четверо моих сподвижников стояли с таким же видом, с которым наверняка за минуту до этого стоял я сам.

– Проси все, что хочешь, – вновь обратился ко мне Петр.

– А ты исполнишь?

– Да! – Мой вопрос задел Петра.

– Просьба у нас одна на всех... – Мы уже говорили между собой об этом. – Ты должен принять титул императора.

– Что?! – опешил государь.

– Московское царство выполнило свои задачи. Теперь пришел черед Российской империи. Мы и так занимаем чуть ли не шестую часть суши. А теперь, с выходом к морям, Россия переходит на новый этап развития.

Жаль, не слышал меня прежний мой шеф, надеюсь, покойный. Он вечно носился с построением рыхлой, небольшой и слабой страны с развитой демократией и постоянным чувством вины за все грехи мира. Зато – чутко слушающейся более опытных коллег по части народоуправства. Мы же сейчас диктовали Европе свою волю и создавали свою Империю.

Собственно, уже создали. Прочие земли будут присоединяться постепенно, пусть не все, что были в моем прошлом, но все и не нужны. История уже пошла иным путем, и теперь никто не сможет предугадать ее повороты. Мы начали, а продолжать предстоит нашим сыновьям и далеким прапра– и сотню раз правнукам.

– Еще, государь. – Меншиков поспешил лично вставить второй пункт нашей общей договоренности. – Рига – это старая крепость с небольшим городом внутри. А все, что вокруг, обязано иметь другое название.

– Какое? – Никаких возражений против нового титула не последовало, зато, кажется, готовилось возражение против переименования. При этом Петр смотрел на меня, словно угадав главного инициатора этого.

– Раз собор называется собором Святого Петра, то пусть так и зовется новый город, – ответил за всех я.

– Как? – все еще не понял Петр, и пришлось мне торжественно провозгласить имя грядущей столицы:

– Санкт-Петербург!

34. Командорские острова

Коронация состоялась только через год. Это на выборах президента можно ограничиться краткой церемонией. Что ее растягивать, когда власть приходит к человеку на несколько лет? Здесь же было не просто помазание на царство, подобную процедуру Петр давно проходил, но переход России в новое состояние. Не каждый день на земле появляются империи. И далеко не каждый век.

Всевозможных церемоний было столько, что даже ледовый переход не казался таким утомительным по сравнению с ними. Службы, театрализованные представления, парады, пиры, раздача наград, фейерверки...

Наконец праздничная череда закончилась и вся компания выходцев из будущего сумела собраться, если так можно выразиться, наедине. Не столь часто удавалось собираться действительно всем, если учесть загруженность делами и громадные пространства, по которым приходилось мотаться. Это же не грядущие века, когда новый транспорт существенно сократит расстояния!

Как раз накануне коронования наконец-то состоялись испытания первого паровоза. Машина пыхтела, окутывалась паром и тащила за собой пару специально изготовленных вагонов. Только к паровозу еще требуются рельсы. Не те, что проложены для демонстрации новой техники, а те, которые соединят города. Колоссальный труд, длиною в десятилетия. Ладно, если брать только старую и новую столицы – в несколько лет, при большой удаче и бесперебойных поставках. А ведь сразу стало ясно, что придется тянуть еще одну линию – к Уралу с находящимися там Демидовыми в обмен на их железо. Да еще продолжить потом ее дальше, вплоть до Великого океана. А тут еще канал Волга—Дон не закончен.

Кстати, по договору с Демидовыми для них разрабатывалась несколько иная модель паровоза, упрощенная, в расчете на короткие рейсы для нужд производства. Уральская семья давала много, но многого требовала взамен.

– Я предъявил бумаги Дежнева, в которых говорится об открытии пролива между Азией и Америкой. А потом договорился с Петром и казачьей верхушкой, что нам отдадут всех беглых, которые еще не стали казаками, но прожили на Дону не меньше года. Плюс некоторое количество казаков-добровольцев, – то и дело окутываясь клубами табачного дыма, рассказывал Командор.

– И Петр согласился? – Флейшман покачал головой. – В таком случае это достойно занесению в анналы, как подвиги Геракла.

Все рассмеялись. В общем-то, благоволивший к компании император на какие-либо просьбы о послаблении крепостного права реагировал чрезвычайно болезненно и отказывал, пересыпая речь руганью. Кроме того случая, когда все тот же Кабанов выбил у него указ о трехдневной барщине. А тут – беглые, которых требовалось вернуть помещикам!

– Я сумел убедить его – тут интересы державы важнее, – усмехнулся Командор. – Людей все равно взять больше негде, а помещики как-нибудь не умрут. Раз до сих пор не умерли.

Вся компания тоже относилась к помещикам, причем к крупным. Даже Ардылов имел несколько вотчин в разных уголках необъятной страны, а уж о прочих не стоило говорить. Но никто из них своим положением не злоупотреблял. Хотя, конечно, особых послаблений крестьянам тоже не давал. Но все заменили барщину оброком и на финансовое положение не жаловались. Пусть мужики отдавали налогами порядочную часть урожая, однако чем больше заготовишь, тем больше останется. А на себя у каждого человека работа идет намного легче.

– Самое интересное, – после паузы добавил Командор. – С атаманами оказалось договориться труднее. Для них беглые – это рабсила. И отдавать их ох как не хочется. Пришлось пригрозить всеми карами, вплоть до моего визита на тихий Дон. Но дело добровольное. Кто из беглецов захочет – может отправляться на Дальний Восток или еще дальше, даже получают от казны инструменты, зерно – короче, подъемные. А кто не хочет – возвращаются к помещикам. Но последних вряд ли будет много.

– Если будут, – засмеялся Калинин.

Он-то больше вертелся по торговой части, постоянно совмещая эти труды с дипломатическими поручениями.

– Вот именно. Так что поселенцы на первое время у нас есть. Да нам пока много не надо. Главное – застолбить участок, а там используем местные ресурсы. Или есть какие-нибудь другие предложения? При наших нынешних возможностях... Лишь учтите – беглецы на Дон не преступники. Всего лишь люди, хотевшие воли и доведенные до отчаяния помещичьим гнетом. Впрочем, в любом случае надо будет произвести среди них отбор. И еще – я договорился, что нам предоставят монахов из числа наиболее деятельных. Какая Россия без православия?

– Я бы все-таки двинулся на юг, навстречу Франции. Недаром британцы сразу стали более покладистыми. – Аркаша не зря половину времени проводил в Европе.

– Юг от нас никуда не уйдет. Мы же говорили об этом, – поддержал Кабанова Флейшман. – Элементарная логика событий приведет к тому, что в результате новых столкновений земли Причерноморья станут нашими. Стоит ли спешить с этим, когда людей для расселения все равно нет? Самая большая беда – когда государство заглатывает сразу слишком много, а потом не может переварить. Лучше не спеша, по маленькому кусочку...

– Хороший маленький кусочек вы собираетесь скушать на десерт... – Калинин поднял руки. – Сдаюсь и все понимаю. Тем более что тут действительно промедлишь, а потом окажется поздно.

Кротких тронул струны и тихонько пропел из Лукина:

На Мадрид держит курс галеон.
На борту золотой миллион.
На борту, на борту,
А в мадридском порту
Казначей подводят черту...

И почему к нему опять привязалась именно эта песня?

Зато Марат слушал с восторгом. Он только что получил вождеденный чин мичмана и теперь мечтал о дальних странствиях. Если с маленького возраста гордишься, что папа – флибустьер, то как не стремиться к морским путешествиям?

И с затаенной гордостью следил за сыном Ширяев. Все остальные дети были маловаты для участия в серьезных разговорах.

– Федосей Скляев с первой партией уже должен достичь Камчатки, – тихо проговорил Командор, но в его голосе звучали командные нотки. Он словно не разговаривал, а доводил до собравшихся грядущую диспозицию. – Валера, Аркадий и Марат отправляются по первопутку туда же. Задача – прибыть на место до весны, доставить пушки и необходимые припасы, принять под свое командование корабли. Думаю, Федосей до этого времени управится. Ваша цель – не отвлекаясь пока на мелочи, найти залив Святого Франциска и договориться с местными племенами о поселении. Никаких эксцессов не допускать. Постоянно помните, что вы имеете дело с будущими подданными.

– Легко найти этот залив, блин! – вздохнул Ярцев. – Да мимо него в той реальности десятки раз проплывали и не заметили! Он вроде бы с моря плохо заметен.

– Они не знали, что надо искать, – парировал Командор. – А вы – знаете. Если сумеете найти в грядущую навигацию, то я выступаю в путь следующей осенью уже вместе с поселенцами. По дороге можете создавать опорные пункты на островах. Но слишком не увлекайтесь. Главная ваша цель – Калифорния. Все остальное приложится.

– Только я не понял – почему Франциск? Не доводилось слышать о таком православном святом, – заметил Флейшман. – Тогда уж логичнее святого Сергия или святого Петра. Существует же право первооткрывателя.

– Точно, ядерен батон! – поддержал его Ярцев. – Пусть знают наших! Переименуем все так, чтобы сразу знали, чьи в лесу шишки, блин! А то привыкли – Сан-Франциско, Санта-Барбара...

Он давно знал, что возглавить первую экспедицию к Америке предстоит ему. Прежде вздыхал, а потом привык к мысли и уже сам настроился на привычную морскую работу. И уж вообще не было пределов восторгу молодого Ширяева. В молодости плавание – это романтика, хотя на деле в нем нет ничего, кроме тяжелого труда.

Испанцы еще не добрались до Калифорнии, и выходцы из будущего еще несколько лет назад решили, что просто обязаны прибрать к рукам бесхозные земли. Пока за них не надо сражаться с целым светом. Да и золото той же Калифорнии лишним не будет.

– Но уж одни острова мы точно назовем так же, как в нашей реальности, – неожиданно серьезно сказал Аркадий.

– Какие? – едва ли не впервые за беседу спросил старший Ширяев. Он тоже хотел бы отправиться в экспедицию, но удерживали армейские дела. Беспорядки в Польше продолжались, и приходилось держать там небольшой контингент. Да и юг требовал внимания.

Аркадий переглянулся с Валерой и Маратом, после чего все дружно в один голос торжественно объявили:

– Командорские!

На какое-то время в комнате повисла тишина, а затем мужчины разразились громким смехом. И лишь Кабанов выглядел чуть-чуть смущенно. Но он уже почувствовал: именно так и будет на самом деле. И вдруг потянуло в дальние страны, прочь от войн и европейских проблем. Туда, где ждет не до конца исследованный материк и не известные пока архипелаги.

Командорские острова...

А прервавший было песню Кротких вновь коснулся струн:

Вот он, легкий предутренный бриз.
Как цветок распускается бриг.
Паруса, паруса,
На канатах – роса,
И прибоя гремит полоса.

Паруса, паруса,
На канатах – роса,
И прибоя гремит полоса!